КРАЕВЕДЧЕСКИЙ

БЮЛЛЕТЕНЬ

1961

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ САХАЛИНА И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ

Сахалинский областной краеведческий музей

Сахалинский фонд культуры

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

2

1991

Журнал основан в 1990 году. Выходит 4 раза в год.

Главный редактор — *М. С. Высокое.*

Редакционная коллегия номера: А. А. Василевский, В. А. Голубев, М. М. Прокофьев, О. А. Шубина (ответственный секретарь).

Адрес редакции: 693000, г. Южно-Сахалинск, Коммунистический пр., 29, Сахалинский областной краеведческий музей.

Телефон редакции: 3-48-35.

СОДЕРЖАНИЕ:

Слово к читателю 3

Голубев В. А. Р. В. Козырева и ее роль в археологии Сахалинской области 5

Прокофьев М. М. Кимура Синроку (1903—1941) — пионер археологии Карафуто (неизвестные страницы жизни) 10

Голубев В. А. Археологические исследования в Японии в 1990 г. 23

Шубина О. А. Археологические исследования поселения Большая Речка 7 в Охинском районе Сахалинской области 30

Василевский А. А. Итоги третьего сезона раскопок поселения Стародубское 3 в 1990 г. 62

Лосан Е. М. Исследования на поселении Старая Какорма в Николаевском районе Хабаровского края 73

Горбунов С. В., Горобец В. Я. Новая группа донеолитических памятников на юге Сахалина 84

Плотников Н. В. Археологические разведки в Невельском районе в 1990 г. 91

Самарин И. А. Археологические разведки в Корсаковском районе в 1990 г. 102

Горбунов С. В. Горнозаводск-2 — памятник южносахалинской неолитической культуры 111

Прокофьев М. М., Горобец В. Я. Открытие новой айнской крепости-часи на Южном Сахалине 117

Пыжьянов Ф. И. Археологическая разведка на о. Кунашире (полуостров Ловцова) в 1990 году 129

Кононенко Н. А., Шубина О. А. Хозяйство неолитического населения Северного Сахалина (по материалам раскопок поселения Имчин XII) 134

Ж уши х опека и И. С. Неолитическая керамика с органической примесью на памятниках юга Дальнего Востока 150

Лебединцев А. И. Наконечники гарпунов токаревской культуры (Северное Приохотье, Магаданская область) 156

Кузьмин Я. В. Геоморфология древних поселений центральной части о. Итуруп (Курильские острова) 169

Уважаемый читатель!

Настоящий номер «Краеведческого бюллетеня» посвящен проблемам древней истории Сахалина, Курильских островов и сопредельных с ними территорий. В нем представлены материалы III археологических чтений, посвященных памяти Р. В. Козыревой.

Римма Васильевна Козырева (Чубарова) была первым советским археологом, работавшим на наших островах в 1954—1957 гг. и положившим начало планомерным и широкомасштабным исследованиям в Сахалинской области.

С 1988 г. по инициативе Сахалинского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, Сахалинского областного краеведческого музея и Южно-Сахалинского государственного педагогического института в Южно-Сахалинске ежегодно проводятся козыревские чтения. Здесь встречаются и обсуждают итоги минувшего полевого сезона, обмениваются информацией и мнениями археологи Сахалинской области, Владивостока, Хабаровска, Магадана, Петропавловска-Камчатского и других районов Дальнего Востока. Материалы предшествующих археологических чтений были опубликованы только в виде тезисов выступлений. В этом году, учитывая интерес жителей Сахалинской области и археологов-специалистов к проблемам древней истории этого региона, оргкомитет конференции и координационный совет Общества изучения Сахалина и Курильских островов решили опубликовать полностью материалы III козыревских чтений. Финансирование этого предприятия осуществлено за счет средств, предоставленных Обществом изучения Сахалина и Курильских островов, Сахалинским фондом культуры, Сахалинским отделением ВООПИиК и археологической лабораторией научно-исследовательского сектора Южно-Сахалинского ЮСГПИ.

Редколлегия

РИММА ВАСИЛЬЕВНА КОЗЫРЕВА (ЧУБАРОВА)

Фотография 1950 г. из фотоархива Ленинградского отделения Института археологии АН СССР,

В. А. Голубев

Р. В. КОЗЫРЕВА И ЕЕ РОЛЬ В АРХЕОЛОГИИ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

В январе 1991 г. в г. Южно-Сахалинске прошли уже III археологические чтения памяти Р. В. Козыревой. Задумывая подобные встречи археологов и краеведов, организаторы — активисты Сахалинского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры планировали привлечь внимание широкой общественности к насущным проблемам изучения, охраны и пропаганды памятников археологии. Наряду с обменом информацией о последних свидетельствах древней истории «островной землицы», интересных находках своих коллег-дальневосточников, предполагалось обратиться к отдельным выводам Р. В. Козыревой в свете новой интерпретации.

С именем Р. В. Козыревой — известной советской исследовательницы древних островных культур каменного века — связано начало успешных археологических раскопок в 1950-60-х гг. на о. Сахалине и Курильских островах. Именно она в те годы разработала основные положения культурно-хронологической схемы островной археологии, ввела в научный оборот ряд приоритетных положений о развитии древних культур на о. Сахалине.

Крупным научным достижением явился ее вывод о существовании в неолите Северного Сахалина локальных культур, наличия нескольких гончарных традиций. По сути, уже тогда Р. В. Козырева определила принципиальные различия в культурном развитии северных и южных районов Сахалина, что явилось основанием для выделения северосахалинской и южносахалинской неолитических культур. Многие из положений и выводов Р. В. Козыревой, изложенные в ее последнем монографическом исследовании, продолжают оставаться теоретической базой, своеобразным критерием для сравнительной характеристики новых археологических материалов.

К сожалению, в последние годы имя Р. В. Козыревой както стало все меньше упоминаться в публикациях сахалинских археологов, и что самое худшее — появились попытки представить ее поистине научный подвиг как простое переобследование археологических памятников, часть которых осматривалась и изучалась японскими учеными на Сахалине и Курильских островах в 30-е гг.

Наметившийся в 70—80-е гг. процесс накопления и осмысления археологических материалов по культурам каменного века на Сахалине и Курильских островах позволил частично переосмыслить некоторые взгляды Р. В. Козыревой. Открытия 90-х гг. послужили вескими основаниями внести серьезные коррективы в ранние культурно-хронологические схемы. Однако при всех успехах сахалино-курильской археологии последних лет имя и дело Р. В. Козыревой нельзя превращать просто в символ, т. к. результаты ее исследований продолжают оставаться отправной точкой многих теоретических разработок в области изучения древних островных культур.

К началу своих «сахалино-курильских археологических странствий», как называла Р. В. Козырева многочисленные полевые сезоны, проведенные на островах, она подошла вполне сформировавшимся исследователем, получившим прекрасную базовую научную подготовку. Навыки серьезной поисковой работы она получила в отрядах ленинградской археологической школы. Многолетнее сотрудничество с А. П. Окладниковым, Н. Н. Гуриной, С. А. Арутюновым, работа в археологических экспедициях на северо-западе СССР, на далекой Чукотке — все это способствовало становлению Р. В. Козыревой как серьезного исследователя древних культур. Только положительные отзывы о ней мне часто приходилось слышать от А. П. Окладникова. А во время одной из недавних встреч С. А. Арутюнов поделился интересными воспоминаниями о сотрудничестве с Р. В. Козыревой в период совместных работ на Чукотке.

Многие археологи, так или иначе общавшиеся с Р. В. Козыревой, отмечали ее душевную теплоту, неутомимую энергию поиска, уважение к оппонентам с одновременной твердостью в отстаивании своих научных взглядов. Наиболее полно все эти прекрасные черты характера Риммы Васильевны проявились в экспедициях на Сахалине и Курильских островах.

В 1954 г. специальный сахалинский отряд Дальневосточной археологической экспедиции проводит, под ее руководством, обследования на юге и севере острова, в этом же году начинаются раскопки поселения Стародубское II в Долинском районе. Тщательный анализ добытых археологических материалов при сравнительной характеристике вещественных комплексов окружающих территорий дает ей основание высказать положение о возможности сближения поселения Стародубское II по времени с приморскими культурами и датировать этот памятник концом II-I тыс. до н. э.

Затем последовали разведки и раскопки большой группы древних поселений: Сусуйской стоянки, Верхней Санносавы, Второй Пади, группы стоянок в Невельском районе и т. д. Пи результатам этих работ Р. В. Козырева выделила еще один этап в древней истории Сахалина и назвала его «культурой раковинных куч». Позднее она наметила несколько хронологически различных периодов в развитии выделенной культуры. Детальный анализ обнаруженного при раскопках каменного, костяного инвентаря явился основой для градации большой группы стоянок, существовавших на острове с 1 тыс. до н. э. до второй половины II тыс. н. э.

Намечая в хронологических границах внешне единой культурной традиции две группы стоянок с раковинными кучами: раннюю и позднюю, Р. В. Козырева тем самым заложила концепцию формирования основы охотской культуры на Сахалине. К сожалению, некоторые исследователи, занимавшиеся этой проблемой, поставив знак равенства между культурой раковинных куч и охотской, ошибочно говорили о внезапности появления последней на Сахалине, примерно, в V—IV вв, до н. э.[2] По сути, еще на начальном этапе своих работ Р. В. Козырева указывала на существование неолитических истоков формирования охотской культуры. Это положение об автохтонности охотской культуры было доказано результатами археологических исследований А. А. Василевского.[3]

Поистине научным подвигом явились проведенные Р. В. Козыревой и ее сподвижниками широкие по масштабу археологические изыскания на северном Сахалине. На береговых террасах р. Тымь, Ноглики, Имчин, Аскасай была обнаружена большая группа стоянок. С помощью местных краеведов проводились раскопки жилищ вблизи Ноглик. Анализируя археологический инвентарь, Р. В. Козырева выделила изделия, заметно сохранившие древние традиции в обработке камня. В публикациях приводится описание серийных орудий на пластинчатых отщепах, пластин с ретушированными краями, вкладышей, нуклеусов, близких по форме к конусовидным. Широкое присутствие в каменном инвентаре северосаха-

линских памятников изделий микролитического характера свидетельствует, по мнению Р. В. Козыревой, о существовании довольно раннего этапа неолитической культуры на острове. При этом она допускала вероятность обнаружения в дальнейшем памятников более раннего, чем неолитический, этапа в древней культуре Сахалина.

Это предложение подтвердила небольшая коллекция микропластинок, собранная в 1963—1965 гг. на стоянке Имчии вблизи пос. Ноглики сотрудником Сахалинского областного краеведческого музея В. В. Вязовской. К сожалению, эти необычайно выразительные находки остались для Р. В. Козыревой неизвестными и не вошли в монографию «Древний Сахалин», вышедшую в Ленинграде в 1967 г.

Позднее в комментариях и письмах она высоко оценила имчинскую коллекцию В. В. Вязовской, а также открытый в 1973 г. В. О. Шубиным бескерамический комплекс стоянки Такое II на юге Сахалина. Большой интерес у Р. В. Козыревой вызвали материалы стоянки Адо-Тымово, с которыми ей удалось ознакомиться в 1978 г. В этом году по приглашению В. О. Шубина она посетила Сахалин, принимала участие в раскопках древних поселений Озерск I, Имчин II. Здесь же в полевом лагере на берегу р. Имчин сотрудники археологической экспедиции ЮСГПИ продемонстрировали найденные ими в районе пос, Адо-Тымово грубые каменные орудия на отщепах, скребла, нуклеусы, близкие по типу к леваллуазским. Основную массу адо-тымовских артефактов Р. В. Козырева однозначно отнесла к изделиям достаточно архаичного, палеолитического облика, вспомнив при этом о своих предположениях 60-х гг. относительно донеолитического этапа древней истории острова.

Завершая описание археологических изысканий Р. В. Козыревой 50—60-х гг., следует вспомнить о разведочных работах, проведенных на Курильских островах совместно с сотрудниками Сахалинского областного краеведческого музея Г. И. Жарнылской и Н. И. Залесским. Наиболее детально изучались стоянки на о. Итуруп: Касаткинская и Куйбышевская. Одновременно проводились сборы подъемных материалов с частичной шурфовкой на островах Кунашир, Шикотан, Парамушир. Сопоставляя инвентарь курильских и сахалинских археологических памятников, Р. В. Козырева высказала идею о различных путях развития древних культур этих регионов.[4]

Рассматривая в ретроспективе «сахалйно-курильскйе археологические странствия» Р. В. Козыревой, следует оценивать их как первоначальный этап островной археологии в советской исторической науке. Эти открытия как бы приподняли занавес над входом в огромную кладовую тайн и загадок древней истории нашей области. Р. В. Козырева оказалась необычайно талантливым проводником для многих ее последователей, посвятивших свою жизнь изучению островных древностей.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Козырева Р. В. Древний Сахалин. — Л., 1967.

[2] Шубин В. О. Локальный вариант охотской культуры на о. Сахалине. — Автореф. канд. дисс. — Новосибирск, 1977. — С. 6.

[3] Василевский А. А. Формирование охотской культуры на Сахалине (1 тыс. до н. э.). — Автореф. канд. дисс. — Кемерово, 1990.

[4] Чубарова Р. В. Неолитические стоянки на о. Итуруп //Советская археология. — 1960. — № 2. — С. 128—138.

М. М. Прокофьев

КИМУРА СИНРОКУ (1903—1941) — ПИОНЕР АРХЕОЛОГИИ КАРАФУТО
(неизвестные страницы жизни)

В 1954 г., когда на Сахалине начал свои исследования специальный отряд Дальневосточной археологической экспедиции ЛО ИИМК(ИА) АН СССР под руководством Р. В. Козыревой (Чубаровой), остров являлся белым пятном на археологической карте страны.

Материалы с археологических памятников Северного и Южного Сахалина, собранные в дореволюционный период И. А. Лопатиным, И. С. Поляковым, Л. Я- Штернбергом, Б. О. Пилсудским, Н. В. Кириловым и другими русскими исследователями, оказались разрозненными по различным музеям страны и в большинстве своем так и не были опубликованы. Работы японских археологов на Южном Сахалине (Карафуто) в 1905—1945 гг. также оставались вне поля зрения советских ученых.

Между тем степень изученности древних памятников на Южном Сахалине в период правления губернаторства Карафуто была гораздо выше, чем в северной части острова, где этому не уделялось совершенно никакого внимания.

Поэтому на начальном этапе исследований на Сахалине Р. В. Козырева в значительной мере опиралась на археологические коллекции, хранящиеся в Сахалинском областном краеведческом музее. Вот что она пишет об этом: «Когда археологи отряда приступили к... работе, они имели в своем распоряжении лишь две-три небольшие, плохо документированные археологические коллекции, хранящиеся в центральных музеях, да несколько коллекций, оставшихся от времен японской оккупации. Японские коллекции были документированы еще хуже. И для того, чтобы заставить эти запыленные каменные орудия и глиняные горшки что-то сказать о людях, когда-то трудившихся над их изготовлением, надо было много и кропотливо поработать. В конце концов нам удалось использовать их в качестве хотя бы не совсем полноправных, но довольно ценных источников».[1]

Среди японских археологических коллекций, с которыми ознакомилась в фондах музея Р. В. Козырева, основную часть составляли материалы, собранные в ходе разведок и раскопок японским археологом Кимура Синроку и его братьями Синдзабуро и Хитоси на Южном Карафуто в 1930—1939 гг. (их насчитывается в музее более 3.000 единиц хранения).[2]

Несмотря на то, что в монографии Р. В. Козыревой прямо не названо имя Кимура Синроку,[3] тем не менее она неоднократно ссылается в своей работе на японские коллекции музея при описании Сусуйской стоянки,[4] а также стоянок Шебунино (Минами Найоси),[5] Волково (Тей),[6] г. Невельска (на Гражданской улице и северной окраине города),[7] Верхняя Санносава, Рорей[8] и поселения Промысловое (Тарайка).[9]

Р. В. Козырева совершенно правильно отмечает, что «... ни в публикациях, часто труднодоступных (особенно японских), ни в наших музеях не было сколько-нибудь полного комплекса археологического материала и стратиграфических данных...».[10] Необходимо было провести новые исследования, в частности, рекогносцировочные раскопки. Это и было сделано Сахалинским отрядом Дальневосточной экспедиции.[11]

За сравнительно короткий срок (с 1954 по 1957 гг.) отрядом под руководством Р. В. Козыревой была проделана работа огромной научной значимости. Фактически заново «были обследованы многие участки западного и восточного берегов южной и средней частей острова — западный берег на участке Невельск—Холмск и Рыбновск—Александровск, берега залива Анива.., Терпения на участках Остромысовка-Ай-Кирпичное и Поронайск-Промысловая, северо-восточное побережье острова в районе п. Ноглики и т. д.».[12] При этом только «в южной части острова (Долинском, Невельском, Анивском, Поронайском... районах)... найдено 15 новых поселений или стоянок древнего человека».[13]

Без знания материалов русских дореволюционных, советских и зарубежных ученых (главным образом японских), добытых трудом огромных усилий, сделать это было бы практически невозможно.

Значение этих материалов для понимания развития древних культур на Южном Сахалине необычайно велико. И роль Р. В. Козыревой*здесь столь же велика, как и роль Кимура Синроку — являющихся пионерами археологии Сахалина.

Кимура Синроку по праву принадлежит приоритет в открытии и исследовании древнейшей на острове керамики типа Сонин, памятников культуры дземон, сацумон, яеи, а также тяси (часи) — фортификационных укреплений айнов. Собранные в то время археологические коллекции были частично опубликованы им в «Сообщениях краеведческой лаборатории Кимура».[14] Но основная часть коллекций, к сожалению, осталась недоступной для специалистов.

Подготовка к изданию этих коллекций и введение их в широкий научный оборот — одна из задач, которую мы ставим перед собой. Начало этому уже положено.[15]

В советской археологической литературе нет сведений о жизни и деятельности японского археолога Кимура Синроку. Их можно найти только в японских публикациях. Его жизнь — яркий пример служения делу, которому он отдал всего себя. Он умер в возрасте 38 лет — в расцвете творческих сил. Но дело, начатое им, не пропало даром. Значение сделанного им в то время еще предстоит оценить ученым.

Кимура Синроку родился 25 декабря 1903 г. в селе Мияучи волости Нагатое уезда Симамаки на о. Хоккайдо (рис. 1). Отец Кимура Синроку Ясомацу — уроженец из местности Ото префектуры Исикава. Первоначально носил фамилию Арасава, но после женитьбы вошел в семью жены и взял ее фамилию — Кимура. Он был плотником высокой квалификации. Семья Кимура Ясомацу до переезда на Карафуто жила в Нохоро близ г. Саппоро. Об этом свидетельствует тот факт, что Кимура Синроку начальную школу Тоохоку, в которой учился, называет родной. В детстве Кимура Синроку неоднократно посещал с отцом и братьями парк Оодоори и щуаей при университете Хокудай.[16]

По приезде на Карафуто в 1918 г. семья Кимура обосновалась в пос. Нагахама (ныне Озерский). Отец Кимура подрядился строить здание начальной школы и помещение общественных собраний. На заработанные деньги он смог купить рыболовный участок и небольшую шхуну. Однако в 1930 г. судно Кимура потерпело крушение, на котором погибли два наемных работника. Это привело в упадок его хозяйство.

С 1918 по 1922 гг. Кимура Синроку учился в гимназии Карафуто.[17] После окончания гимназии в марте 1922 г. выехал в г. Токио. По приезде в г. Токио в мае того же года Кимура Синроку устроился на работу учеником в желудочно-кишечную поликлинику Минамитаисо в районе Акасава. Одновременно он поступил в Институт физики.[18] Но учиться Кимура Синроку пришлось недолго. В 1924 г. он был призван в армию, где служил в гвардейской части. В 1926 г. демобилизовался и возвратился домой. Собирался продолжить учебу в институте, но престарелые родители просили его остаться. «Обдумывая положение родителей, он искал работу на Сахалине и подал заявление принять его полицейским, так как демобилизованным из гвардейской дивизии сравнительно легко было устроиться...» в этой должности.[19] В апреле 1929 г. Кимура Синроку женился на Ватанабэ Яй из г. Очиай (ныне ДолиНск), где он служил в полиции. В сентябре этого же года был переведен в приграничный пункт Анбэцу (ныне Пильво), расположенный на 50-й параллели. Именно здесь (по воспоминаниям жены Кимура Ватанабэ Яй) Синроку в свободное от дежурства время занимался сбором древних остатков, хотя страсть к этому делу у него зародилась гораздо раньше — еще в гимназические годы. В 1931 г. Кимура Синроку назначается в той же должности в г. Найхоро (ныне Горнозаводск). В 1932 г. последовал очередной перевод— в г. Хонто (ныне Невельск).

С 23 по 27 июня 1933 г. Кимура Синроку принимал участие в выставке «Первобытная культура Хоккайдо» в г. Саппоро, которая была открыта в магазине тканей «Имаи» и в работе симпозиума, организованного на ее базе Обществом «Сайкавакай», занимающимся археологическими исследованиями на о. Хоккайдо во главе с профессором Сугияма Суэо. На выставку из-за сильной занятости по службе Кимура Синроку смог представить только находки, собранные им в раковинной куче на территории храма «Компира», расположенного во втором квартале на улице Минамихамадоорн в *m'*. Хонто: «каменные наконечники 9, каменные копья 4, шлифованный топор 1, каменная ложка 1, бруски 3, каменная плита 1, костяные наконечники 7, костяное изделие 1», а из находок в Ранетой: «каменный наконечник 1, костяной наконечник 1, стеклянные бусинки 2».[20] Но на самом деле на выставку было отправлено гораздо больше находок. Об этом можно судить по заметке о посещении выставки, написанной Кимура Синроку для членов общества краеведов Карафуто сразу же по прибытии с Хоккайдо и опубликованной в третьем номере журнала «Сообщение краеведческой лаборатории Кимура» в г. Хонто 21 декабря 1933 г.[21] В ней Кимура пишет:

«На прощание я подарил профессору Сугияма из моих коллекций глиняный сосуд с изображением медведя 1, осколок с оттиском рыбьего скелета 1, костяной наконечник 1, осколок сосуда с лепным узором 1, костяную мотыгу 1, костяной наконечник 1, костяную застежку 1, 2 костяных копья, костяной гвоздь 1, каменную курительную трубку 1 и янтарные бусинки 3».[22] Кимура Синроку намеревался остаться в г. Саппоро до 28 июня и присутствовать на семинаре, который был запланирован на этот день, но из-за неотложных дел выехал обратно на Карафуто. От доктора Киндаити Кесуке и профессора Сугияма Суэо он получил задания по трем темам:

«1. Проводить археологические исследования керамики на Карафуто, уточнить район распространения керамики.

2. Найти ответ на вопрос: чем наносились на керамике оттиски в виде орнамента?

3. Подготовка и завершение публикации о... коллекциях».[23]

Несмотря на краткосрочный характер поездки на Хоккайдо, для Кимура Синроку она оказалась «очень полезной и содержательной».[24]

К выполнению намеченной программы работ Кимура Синроку приступил сразу же по возвращении на Карафуто. Следуя девизу «Изучение родного края силами местных жителей», Кимура Синроку на свои скромные средства основал в г. Хонто небольшую краеведческую лабораторию.[23] Штат ее состоял из 3-х человек: Кимура Синроку и его двух младших братьев — Синдзабуро и Хитоси (рис. 2). Функции между ними были распределены следующим образом: братья занимались сбором археологических материалов, а Кимура Синроку «предоставлено исследование руин, обработка и обобщение археологических материалов». Главная цель, которую ставила перед собой краеведческая лаборатория, состояла в том, чтобы «побудить у островитян любовь и интерес к родному краю». Кроме того, они были «намерены лет 15 спустя организовать при лаборатории краеведческий музей». «Пламенный энтузиазм и вдохновение — вот наши союзники, с помощью которых мы должны достичь своей цели» — писал Кимура.[26]

Это предопределило судьбу Кимура Синроку и стало делом всей его жизни.

8 июня 1935 г. Кимура Синроку организовал в актовом зале полиции г. Хонто выставку археологических коллекций из фондов краеведческой лаборатории для гимназистов 4-го курса, прибывших на экскурсию из г. Тоехара (ныне Южно-Сахалинск).[27] 15 июня Кимура Синроку нанес визит заведующий отделом Музея губернаторства Карафуто Сугавара Сигедзо.[28]

С 21 по 22 июля 1935 г. к 1-й годовщине со дня создания краеведческой лаборатории, Кимура Синроку открыл в Доме общественных собраний г. Хонто «Первую выставку археологических материалов первобытных времен на Карафуто». Выставка состояла из двух разделов: 1. археологических коллекций из фондов краеведческой лаборатории Кимура; 2. библиографической (справочной) литературы по археологии.[29] На подготовку и организацию выставки ушло довольно много времени. На ее открытие прибыли с о. Хоккайдо доктор Есидо Садакичи из университета Тоохоку и молодой ученый Ито Нобуо.

25—26 июля того же года Кимура Синроку вместе с Ито Нобуо совершил поездку на о. Кайбатоо (ныне о. Монерон) для археологических исследований. Итогом этой поездки явилось открытие 6 неизвестных ранее археологических памятников: Камодзава (на территории маяка), Минамикотан (на рыбном участке Игараси), Китакотан (на участке Миядзаки Эйдзиро), Китакотан (на участке № 10), Минамиусу (на холме акционерного общества) и Усу (Оодзаки).[30]

По возвращении с о. Кайбатоо в августе 1936 г. ими были проведены исследования южных районов Хонто. Поездка эта, хотя и была «непродолжительной, но... исключительно плодотворной».[31]

Являясь полицейским самого низкого чина, Кимура Синроку вместе со своими братьями проделал работу, которую можно сопоставить с работой целого научно-исследовательского института, настолько велики объем и результаты сделанного ими за это время.[32] Понимание значения их вклада в науку еще по настоящему не оценено учеными.

Неожиданная смерть брата вынудила Кимура Синроку прекратить информационную деятельность лаборатории, возглавляемой им со дня ее основания. За это время (с 1933 по 1935 гг.) им были подготовлены и выпущены в свет на свои скромные средства первые шесть номеров журнала под общим названием «Сообщения краеведческой лаборатории Кимура», не потерявшие до сих пор своей научной значимости.

В марте 1938 г. Кимура Синроку получил новое назначение — село Кенуси (ныне Лопатино), волость Найхоро. Здесь он вскоре начал пробуждать интерес школьников к археологии. Здесь же у него родилась идея издавать «периодические информации, независимые ни от кого по своему вкусу, переименовав их название... «Родной Карафуто».[33] Из-за частых болезней Кимура Синроку смог выпустить только один номер журнала. В 1940 г. его переводят вновь в Найхоро (Горнозаводск), а в 1941 г. — в г. Тоехара (ныне Южно-Сахалинск) в отдел охраны полицейского бюро губернаторства Карафуто. Но болезнь не отступала и все чаще и чаще давала о себе знать. По делам службы Кимура Синроку выезжал один раз в Сэндай и два раза в г. Токио. Во время последней командировки он скоропостижно умер 16 декабря 1941 г. в больнице г. Токио, где он когда-то начинал работать учеником.

После смерти Кимура Синроку все его археологические коллекции и собрание книг были выставлены в Музее губернаторства Карафуто, где они хранились до 1945 г. Сразу же после освобождения Южного Сахалина Красной Армией и национализации японского музея они перешли в фонды Государственного краеведческого музея Южно-Сахалинской области, открытого в мае 1946 г.

К сожалению, в обобщающей сводке японского археолога Есидзаки Масакадзу работы Кимура Синроку и сведения об открытых им археологических памятниках на Карафуто использованы далеко не полностью.[34] В советской археологической литературе они совершенно неизвестны и являются библиографической редкостью. Переиздание работ Кимура Синроку и других японских археологов и краеведов, проводивших в 1920—1940-х годах археологические и этнографические исследования на южном Карафуто и Курильских островах, осуществлено в Японии в 1984 г.[35] Пробел в этой области заполняет также работа Ниока Такехико и Утагава Хироси «Археологические памятники на южном Сахалине», вышедшая из печати в г. Саппоро в 1990 г.[36]

В настоящее время Сахалинским областным краеведческим музеем завершается перевод с японского языка всех работ Кимура Синроку. Подготовка к публикации и издание их планируется завершить параллельно с подготовкой каталога

археологических коллекций Кимура Синроку, работа над которым сейчас ведется в музее. Их публикация станет данью памяти Кимура Синроку и его братьев Синдзабуро и Хитоси, много сделавших для изучения и сохранения для будущих поколений древнейших страниц истории о. Сахалина. «В ближайшем будущем, — писал в одной из своих работ Кимура Синроку — я в этом уверен, взор научного мира археологов повернется на Север. Буду очень счастлив, если тогда понадобятся все мои собранные сведения»[37]

Эти слова Кимура Синроку оказались поистине пророческими.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Козырева Р. В. Древнейшее прошлое Сахалина. — Южно-Сахалинск, 1960. — С. 26.

[2] Фонды СОКМ. — Колл. 1—2, 4—6, 9—38, 68—70, 72, 72а, 75, 79—83, 115, 739—765, 775, 2272—2287.

[3] По устному сообщению Шубина В. О., в рукописи монографии Козыревой Р. В. эти сведения имелись, но в ходе ее подготовки к печати они были изъяты по цензурным соображениям.

[4] Козырева Р. В. Древний Сахалин. — Л., 1967. — С. 69.

[5] Там же. — С. 97.

[6] Там же. — С. 78.

[7] Там же. — С. 74, 81.

[8] Там же. — С. 91.

[9] Там же. — С. 103, 105.

[10] Там же. — С. 69.

[11] Там же.

[12] Козырева Р. В, Древнейшее прошлое Сахалина. — С. 26—27.

[13] Там же. — С. 27.

[14] Кимура Синроку. О часи на Карафуто //Сообщение краеведческой лаборатории Кимура. — № 2. — Хонто, 1933; Он же. Об одном каменном шлифованном наконечнике, открытом на Карафуто //Сообщение краеведческой лаборатории Кимура. — № 3. — Хонто, 1933; Он же. Отчет о результатах исследований раковинной кучи в Карафуто, городе Хонто во М-ом квартале улицы Минамидоори (в основном, о найденном в пункте «А» костяном идоле) //Сообщение краеведческой лаборатории Кимура. — № 4. — Хонто, 1934; Он же. Таблица названий местностей в уезде Хонто, где были открыты археологические материалы доисторических времен //Сообщение краеведческой лаборатории Кимура. —№ 5. Хонто, 1934; Он же. Сообщение об исследовании раковинной кучи в городе Хонто по ул. Хамадоори 8 //Сообщение краеведческой лаборатории Кимура. — № 6. — Хонто, 1935; Он же. Археологические находки на Карафуто с композициями животных //Родной Карафуто. — Вып. 1. — Хонто, 1939 (на яп. яз., перевод Ю Сон Гун).

[15] Прокофьев М. М., Дерюгин В. А. Неопубликованные коллекции Кимура Синроку по культуре сацумон с археологических памятникоа Южного Сахалина (1931—1932, 1935 гг.) //Исследования по археологии Сахалина и Курильских островов. Тезисы выступлений на II археологических чтениях, посвященных памяти Р. В. Козыревой. 8—9 декабря 1989 г. — Южно-Сахалинск, 1989. — С. 18—20; Прокофьев М. М., Дерюгин В. А., Горбунов С. В. Керамика культуры сацумон и ее находки на Сахалине и Курильских островах. — Южно-Сахалинск, 1990. — С. 16—21.

[16] Нисида Сигэру. Карафуто: полицейский, археология. Памятная записка о Кимура Синроку //'Культуры Хоккайдо. — № 50. — Саппоро, 1984 (на яп. яз.).

[17] После открытия такой же гимназии в г. Тоехара была переименована в гимназию Одомари (ныне Корсаков).

[18] Нисида Сигэру. Карафуто: полицейский, археология...

[19] Там же.

[20] См. Кимура Синроку. Заметка о посещении выставки первобытной культуры Хоккайдо //Сообщение краеведческой лаборатории Кимура. — № 3. — Хонто, 1933. — С. 9—21 (на яп. яз.).

[21] См. Кимура Синроку. Оглядываясь назад на прошедший 8 год Сева //Сообщение краеведческой лаборатории Кимура. — № 4. — Хонто, 1933. — С. 21 (на яп. яз.).

[22] См. Кимура Синроку. Заметка о посещении выставки... — С. 20.

[23] Там же. — С. 21.

[24] Кимура Синроку. Отчет о результатах исследований раковинной кучи... — С. 21.

[25] Там же.

[26] Там же.

[27] Кимура Синроку. Сообщение об исследовании раковинной кучи,.. — С. 18.

[28] Биографические сведения о Сугавара Сигэдзо (1876—1967) опубликованы в статье Синго Накадзава «Ботаник Сугавара Сигэдзо» //Идэн (Наследственность). — Т. 36. — № 8. — Токио, 1982. — С. 59—62 (на яп. яз.). Ряд новых неизвестных сведений о Сугавара Сигэдзо можно почерпнуть в другой статье Синго Накадзава «Сигэдзо Сугавара (1876—1967) — ботаник, посвятивший свою жизнь изучению биологии Сахалина». Сахалинским областным краеведческим музеем подготовлен перевод этой! статьи на русский язык. Издание ее будет осуществлено в журнале «Краеведческий бюллетень», № 1 за 1991 г.

[29] Кимура Синроку. Сообщение об исследовании раковинной кучи.,. — С. 18.

[30] Кимура Синроку. Таблица названий местностей в уезде Хонто... — С. 21.

[31] Кимура Синроку. Сообщение об исследовании раковинной кучи.,. — С. 19.

[32] Нисида Сигэру. Карафуто: полицейский, археология..,

[53] Кимура Синроку. Археологические находки на Карафуто... — Лист 1-1.

[34] Есидзаки Масакадзу. Древние культуры Южного Сахалина в свеге японских исследований //Арктическая антропология. — 1964. — № 1 (на англ. яз.).

[35] Культуры Карафуто и Курильских островов. — Саппоро, 1984 (на яп. яз.).

[36] Нииока Такехико, Утагава Хироси. Археологические памятники на южном Сахалине. — Саппоро, 1990 (на яп. яз.).

[37] Кимура Синроку. Сообщение об исследовании раковинной кучи... — С. 14.

Рис. **1.** Кимура Синроку. 1930-е годы.

Рис. 2. Кимура Синроку с женой Ваганабэ Яй и дочерьми Тейко и Нобуко. Во втором ряду стоят (справа налево) братья Кимура С: Хитоси и Синдзабуро. г, Хонто. 1934 г. Публикуется впервые.

Рис. 3. Вдова Кимура С. Ватанабэ Я со старшей дочерью Кумиэ Нобуко. о. Хоккайдо (Япония). 1990 г. Публикуется впервые.

Голубев В. А.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЯПОНИИ В 1990 г.

В августе 1990 г. участники археологического отряда Южно-Сахалинского государственного педагогического "института посетили Японию и получили не только прекрасные возможности познакомиться с результатами работ японских ученых, но и принять участие в исследованиях памятников "позднего палеолита на о. Хоккайдо. Эта поездка явилась конкретным выполнением взаимного договора, заключенного между археологической лабораторией НИСа ЮСГПИ и частного Университета г. Саппоро. Данный договор включает различные формы научного сотрудничества в изучении древних культур Тихоокеанского региона: совместные археологические исследования древних памятников на территории СССР (Сахалин и Курильские острова) и Японии (о. Хоккайдо), полевые экскурсии, коллоквиумы, подготовку и издание совместных публикаций, обмен научной информацией. Срок действия договора определяется с 1990 по 1995 гг., с работой ежегодных сменных отрядов ЮСГПИ и Университета г. Саппоро.

В полевой сезон 1990 г. в составе сахалинского отряда приняли участие: автор настоящей публикации (руководитель), А. А. Василевский, Н. В. Плотников — научные сотрудники лаборатории, А. Фетисов, О. Чанцев — студенты III курса исторического факультета. Принимающую организацию с японской стороны представляли: профессор Х. Кимура — руководитель археологического отдела Университета г. Саппоро и доцент У. Маэда — археолог из Университета Цукуба. В составе японского археологического отряда работали: Х. Като — аспирант Университета Цукуба, студенты старших курсов, имеющие достаточный опыт полевых исследований и специализирующиеся на изучении русского языка, истории, археологии, этнографии.

Японская сторона, принимавшая сахалинский археологический отряд почти на месячный срок, предложила достаточно обширную программу: знакомство с организацией исследовательских работ в научных, вузовских центрах, крупных музеях, посещение раскопок, изучение коллекций многих известных памятников от эпохи палеолита до средневековья. Ос-

новной район работ отряда включил преимущественно о. Хоккайдо (гг. Саппоро, Энгару, Асахигава, Абасири, Сяри, Обихиро, Сиратаки), а также частично о. Хонсю (гг. Сендай, Мориока, Токио, Иокогама).

Полевые исследования проводились совместно с японскими археологами на стоянке Хорокадзава (пункт Тома), раскопки которой уже несколько лет продолжает экспедиция Университета г. Саппоро под руководством профессора Х. Кимуры. Изучаемый памятник — одна из крупнейших палеолитических стоянок на о. Хоккайдо, входящий в комплексы типа Сиратаки. К настоящему времени в округах Абасири и Момбецу известно более 75 месторождений, большая часть которых занимает береговые террасы р. Юбецу и ее притоков.

Название стоянки связано с именем археолога-любителя из г. Энгару — Тома Мейдзи, который еще в 1927 г. обнаружил в уезде Сиратаки необычные археологические изделия из обсидиана. В те годы должной оценки специалистов они не получили, хотя Тома М. высказал предположение о значительной древности находок из района Сиратаки. Еще одна попытка переосмыслить коллекцию предметов из района Сиратаки была предпринята в 1940 г. археологом Х. Коно. После открытия в 1954 г. первой палеолитической стоянки на о. Хоккайдо — Тарукиси, значительно возрос интерес к каменным орудиям, найденным на стоянках Сиратаки. В этом же году Тома М. сообщил о находках крупных изделий из обсидиана, которые он собрал на стоянке в верховьях р. Хорокадзава — притока р. Юбецу. Необычность местоположения стоянки и насыщенный культурный слой вызвали повышенный интерес у специалистов. После первоначальных исследований в 70-х гг. стоянка получила название Хороко-Юбецу.[1] В публикациях последних лет она обозначается как стоянка Хорокадзава (пункт Тома), в память о первооткрывателе докерамических комплексов Сиратаки.[2]

К настоящему времени на стоянке располагается стационарная база археологической экспедиции Университета г. Саппоро, где проходят практику студенты, проводятся научные семинары по генезису докерамических культур о. Хоккайдо. При мэрии пос. Сиратаки имеется небольшой научно-исследовательский центр с библиотекой, фондохранилищем, в оборудованном читальном зале можно посмотреть подборки слайдов о раскопках. В исследованиях довольно часто

принимают участие зарубежные археологи. Так, в 1987 г. на раскопках в пункте Тома работала группа сибирских ученых иод руководством А. П. Деревянко, и этот участок раскопа студенты назвали «русским». На этом же участке работали сотрудники сахалинского отряда в августе 1990 г.

Стоянка Хорокадзава (пункт Тома) существенно отличается своим местоположением от комплекса стоянок Сиратаки (1—37). Она занимает большую площадь слегка пологих склонов холма Тенгу, в своеобразном треугольнике между рекой Юбецу и ее притоком — р. Хорокадзава. Сохраняющиеся заболоченные пониженные участки на левом берегу р. Юбецу, скорее всего, представляют собой остатки широкой речной поймы. К этим участкам на второй и третьей террасах приурочены многочисленные древние стоянки сезонного и постоянного типа. Их обитатели довольно часто совершали выходы к естественным обнажениям обсидиана. Вполне возможно, что на этих маршрутах, ближе к древним горным разработкам, должны были существовать промежуточные пункты для первичной обработки кусков обсидиана. Одним из таких мест, по нашему мнению, являлся пункт Тома, расположенный на высоте более 600 м над уровнем моря и в 3—4 км от мощных выходов обсидианового сырья.

Предварительные разведочные работы, проведенные ранее японскими коллегами, показали, что археологические материалы встречаются на значительной площади, но не равномерно. Основной раскоп площадью 96 м^2 включил место первоначальных находок в 1954 г. и относительно ровную часть седловины между высотами 739 и 577.

Для выяснения стратиграфической ситуации в юго-западном участке раскопа в 1977 г. была пробита траншея на глубину до 3 м. На уровне 2,5 м отчетливо виден тонкий слой пепла, датированный периодом 30 тыс. лет. Выше до дневного горизонта колонку траншеи заполняют: светло-желтая прослойка, близкая по составу к оползневым илам, пепловые горизонты светло-коричневого или желтоватого цветов, суглинки, гумус с плотной корневой системой, преимущественно курильского бамбука, среди зарослей которого был разбит раскоп.

В современной японской археологии разработаны и успешно применяются разнообразные методики раскопок памятников докерамической эпохи. Частично зная об этом из публикаций, на раскопах в пункте Тома мы получили возмож-

ность ознакомиться со многими сторонами японской практической археологии. Необычайно насыщенный культурный слой стоянки вызвал необходимость разборки по квадратам размером 1x1 м, а также использование специального набора инструментов: мотыжек, совочков, бамбуковых ножей, жестких и мягких кистей. Знакомые нам по раскопкам на Сахалине и Курильских островах лопаты используются японскими археологами исключительно для снятия растительного слоя и переброски отвалов.

Заполнение культурного слоя разбирается по горизонтам на глубину 5—10 см. Предметы крупных и средних размеров оставляют на месте находки, отмечая их специальными бамбуковыми палочками-метками. Разобранный участок слоя просеивается через металлические сита. Собранные при этом мелкие отщепы, сколы, фрагменты пластинок, чешуйки собираются в пакеты с соответствующей квадратам нумерацией. После нивелировки крупные находки также нумеруются и отбираются в отдельные пакеты. Следует отметить тщательный контроль за планиграфисй находок, постоянную фотофиксацию их положения. Для наибольшей рельефности отдельные» изделия обрызгиваются водой, особенно в жаркие дни.

Не вдаваясь далее в подробности раскопок на стоянке Хорокадзава (пункт Тома), отметим, что некоторые моменты методики разборки слоя, фиксации находок имеют место в полевой археологии на территории СССР, особенно при исследовании палеолитических или мезолитических памятников.

При всех крупных или мелких сюжетах совместных работ с японскими археологами, на первом месте остается важный фактор личного участия в раскопках крупнейшего палеолитического памятника на о. Хоккайдо. Все участники нашего отряда, по сути, впервые встретились с классической пластинчатой индустрией. Это различные варианты лыжевидных и краевых сколов, лодкообразные изделия, целые бифасы или их фрагменты, нуклеусы типа саккоцу и юбецу, резцы арая и т. д.

Крайне интересными были находки массивного лодкообразного орудия, являющегося полным аналогом изделию со стоянки Сокол на юге Сахалина или серии микропластинок,

которые имеются в коллекции со стойнки Такое II, наконец, крупных ножевидных пластин, абсолютно похожих на обнаруженные вблизи с. Троицкое в 12 км к югу от Южно-Сахалинска.[3]

В процессе раскопок между сотрудниками нашего' отряда и японскими коллегами возникали микродискуссии по оценкам находок, характеру исследуемого памятника. Стоянку Хорокадзава (пункт Тома), вероятнее всего, можно определить как своеобразную мастерскую или техкомплекс. Нам было крайне полезно узнать мнение Х. Кимуры о развитии техники микропластин на о. Хоккайдо, появлении наиболее характерных форм микронуклеусов типа «сиратаки-саккоцу», «тогэсита» и «ранкоси».

Позднее, работая с коллекциями в лаборатории Университета г. Саппоро, мы ознакомились с разработанной проф. Х. Кимурой методикой аппликативной реконструкции нуклеусов. Наряду с традиционным методом аппликации нуклеусов путем подбора элементов, составляющих их основную часть, в лаборатории Х. Кимуры успешно используется подготовленная программа для компьютера. Здесь же активно проводится процедура научного эксперимента по технике изготовления нуклеусов различных типов.

Параллельно с раскопками на стоянке Хорокадзава (пункт Тома) отряду была предоставлена возможность детального осмотра широко известных памятников в долине р. Юбецу: Сиратаки 13, 32, 33. Особое впечатление оставило изучение коллекции изделий из обсидиана в музее г. Энгару. Материалы последней полностью демонстрируют технологию расщепления камня, начиная с первичной его обработки до совершенных по форме изделий. Поражают воображение представленные в экспозиции музея в г. Энгару обсидиановые бифасы длиной до 25—30 см и не менее массивные краевые сколы.

Среди многочисленных археологических памятников о. Хоккайдо в программе работ был запланирован осмотр раскопок стоянки Маракуяма вблизи г. Титосе. Это многослойный памятник с четкой стратиграфией, маркирующими пепловыми прослойками. В нижнем палеолитическом горизонте (возраст 15—12 тыс. лет назад) отчетливо представлена микропластинчатая техника.

Руководитель раскопок Т. Тасиюки подробно познакомил нас с коллекциями в лаборатории городского научного цент-

ра. Среди них особый интерес представили материалы стоянки Мембусигава с характерными для этого комплекса крупными пластинчатыми отщепами, массивными сколами, довольно близкими по целому ряду признаков изделиям со стоянки Камисихоро-Симаки — одного из самых ранних памятников на о. Хоккайдо. Программа работ включала ознакомление с большой группой стоянок на северо-восточном побережье. Прежде всего — поселения периода дземон, охотской культуры и сацумон около г. Токоро, на берегах лагуны Сарома, раковинные кучи Майоро, на полуострове Сиретоко. Центром пребывания отряда на несколько дней стал музей в г. Сяри, в фондах которого проводилась работа с коллекциями из раскопок могильников Сюэн, стоянки Оннебецу и многих других памятников, расположенных на территории полуострова Сиретоко.

Во время пребывания в северо-восточной части о. Хонсю — Тохоку, нашему отряду представилась возможность побывать на раскопках раковинной кучи Сатохама, в окрестностях г. Сендая. Этот памятник связан с зарождением прибрежного собирательства и рыболовства на ранних этапах становления культуры дземон на о. Хонсю.

В историческом музее Тохоку (г. Сендай) японские коллеги познакомили нас с находками из многослойных палеолитических стоянок, исследуемых в префектуре Мияги. Один из ведущих археологов музея А. Ямада предложил просмотреть и оценить часть коллекций стоянок Бабадан и Дзазараги, нижние горизонты которых предположительно определяются возрастом старше 70 тыс. лет (Бабадан). Трудно передать впечатления от осмотра отщеиов, мелких грубо оббитых галек, узких сколов с едва заметными следами от ударов. Сложно согласиться с возрастным индексом — более 40 тыс. лет небольших остроконечников, скребков из отщепов (Дзазараги, слой 15) .[4]

Итак, при внешне фрагментарном по характеру ознакомлении с работами японских археологов, нашему отряду все же представилась возможность получить достаточно значительный объем информации. Участие в совместных раскопках стоянки Хорокадзава (пункт Тома), посещение ряда крупномасштабных объектов полевых исследований подтвердили наше убеждение о довольно высоком научном, методическом и техническом уровне обеспечения процесса раскопок.

Наиболее полное, даже концентрированное представление по этим направлениям было получено в Хоккайдском археологическом центре, сотрудники которого ежегодно вскрывают более 50 тыс. кв. м. Посещение фондохранилищ центра, многочисленных лабораторий по реставрации керамики, естественно-техническому анализу хозяйства древнего населения о. Хоккайдо — все это проводится на уровне последних достижений археологической науки многих стран мира.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Деревянко А. П. Палеолит Японии. -- Новосибирск, 1984. — С. 73,

[2] Кимура Х. По следам мамонтов: Древние следы человека на Хоккайдо. — Токио, 1985 (на яп. яз.); он же. Археологическое исследование на стоянке Хорокадзава пункт Тома. — Саппоро, 1987, — С, 105—145 (на яп. яз.).

[3] Голубев В. А., Лавров Е, Л. Сахалин в эпоху камня, — Новосибирск, Т988. — С. 159—162, рис. 66.

[4] Стоянки Дзазараги. — Сендай, 1983. — № 4 (на яп. яз.).

О. А. Шубина

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ БОЛЬШАЯ РЕЧКА 7^ В ОХИНСКОМ РАЙОНЕ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Северный Сахалин представляет собой интереснейший в археологическом плане район Дальнего Востока. Своеобразие географических и экологических характеристик северной части острова обусловило наличие здесь большого разнообразия археологических памятников, в том числе весьма специфичных, не имеющих пока аналогий на сопредельных территориях Сахалина и Дальнего Востока.

На территории Сахалинской области и материковой части Дальнего Востока широко распространены и к настоящему времени довольно хорошо изучены остатки углубленных жилищ или сооружений полуподземного типа, относящиеся к неолитическому времени и эпохе раннего металла. Они представляют собой хорошо выраженные на современной дневной поверхности котлованы в виде углублений округлых, четырехугольных или многоугольных очертаний, нередко с валом.

Однако нигде, кроме северной части острова Сахалин, преимущественно во внутренних районах Северо-Сахалинской равнины, пока не зафиксированы остатки жилых или хозяйственных объектов иного — наземного — типа, прослеживающихся на современной поверхности в виде холмообразных и кольцевых возвышений, сопровождающихся, как правило, небольшими ямами-углублениями но периметру. Сооружения такого рода были впервые выявлены А. С. Колосовским в Охинском районе Сахалинской области в конце 1970-х годов, частично исследованы им и названы условно «бубликовидными», поскольку внешне представляли собой круг с хорошо (а в некоторых случаях слабо) заметными стенками в виде небольшого вала или холмик округлой формы, нередко с углублением в центре, напоминающие по форме «бублик». Сведения о них впервые были введены в научный оборот лишь в 1988 г.[1]

Холмообразные и «бубликовидные» (кольцевые) жилища отмечены на поселениях побережья залива Пильтун в районе Сабо, в среднем течении (на удалении 10—20 км от устья) рек Нельма, Лангры, Чингай, Черная, Большая, Кадыланья и др. и приурочены, т. о., преимущественно к внутренним областям острова, причем на поселениях они встречаются вместе с котлованами жилищ углубленного типа. Это ярко проявляется на примере группы стоянок среднего течения реки Большая, обследованной А. С. Колосовским в 1979—80 гг. и совместно автором и А. С. Колосовским в 1988—89 гг.

Река Большая — одна из наиболее крупных рек Северного Сахалина, она протекает по Северо-Сахалинской равнине в направлении с юго-востока на северо-запад и впадает в залив Байкал, носит равнинный, характер. Центральная часть равнины, где берет начало река Большая, представляет собой полого-холмистую поверхность с широко разветвленной речной сетью и слабо выраженными водоразделами. Значительная ее часть покрыта чехлом аллювиальных-пролювиальных отложений четвертичного возраста. Преобладают супесчаные средне- и слабоподзолистые почвы. Русла рек сильно меандрируют, оставляя множество стариц. Древние стоянки и поселения привязаны, как правило, к высоким (10—50 м) надпойменным речным террасам, нередко отстоящим от современного русла реки на значительное расстояние (до 300—800 м), отмечаются памятники на террасах около стариц, на берегу реки, а также на низких (1—3 м) террасах, как правило, окруженных марыо и образующих своеобразные останцы — «островки». Древние поселения занимают, в основном, поверхность мысовидных выступов террас, образуемых поворотом или изгибом реки либо самой береговой террасы, нередко приурочены к устью притоков.

Растительность данного региона представлена преимущественно редкостойными лиственничными лесами, редким березняком, зарослями кедрового стланика, ольховником, травяно-кустарниковыми сообществами. Обширные пространства занимают ягельники и сухие мари.

В настоящее время только на небольшом участке среднего течения реки Большая 7—8 км вниз по течению от места впадения в нее правого притока, р. Черной — выявлено 13 археологических памятников, содержащих остатки древних жилищ различных типов.[2]

Наше внимание привлекло поселение Большая Речка 7. Визуальное обследование памятника и изучение подъемного материала выявили его своеобразие: здесь на небольшой площади сосредоточены жилища, относящиеся, вероятно, к разным хронологическим периодам от неолита до появления металла у древних обитателей этих мест.

Поселение Большая Речка 7 расположено, примерно, в 12 км от поселка Болыиереченск, в среднем течении р. Большой, примерно, в 40 км от устья, на останце низкой (1—1,5 метровой) террасы в пойме между р. Большой и ее правым притоком руч. Малым (Рис. 2). Площадь террасы-останца, окруженного марью с голубичником, морошкой и шикшей, составляют, примерно, 250х70 м, ее поверхность заросла лиственницей, березой, ольхой, кедровым стлаником. Поселение частично разрушено геологическим профилем, следом от бульдозера, которые затронули 4 котлована жилищ. Всего отмечено около 25 остатков древних жилищ, среди которых можно условно выделить три типа сооружений.

1. Подквадратные больших размеров (8—10 м в поперечнике, слабоуглубленные (0,3—0,4 м), слабовыраженные на поверхности, без признаков вала (3 котлована).

2. Четкой подквадратной формы, размером в среднем 4,5—5,5 м в поперечнике, углубленные до 0,4—0,5 м (15 котлованов) и два подобных котлована, но более крупных размеров — 6,5 и 8,5 м в поперечнике, глубиной до 1—1,2 м, в том числе с валом высотой до 0,5 м.

3. Третью группу составляют четыре слабовыраженные и одно хорошо выраженное на поверхности холмообразные возвышения, окруженные несколькими неглубокими ямами, интерпретированные как остатки жилищ наземного типа.

Этот тин сооружений вызвал наибольший интерес, встала задача выяснить их происхождение, функциональное назначение и культурную принадлежность. Первый шаг в этом направлении и был осуществлен в ходе археологических раскопок на поселении Большая Речка 7 в 1990 г.,[3] проведенных археологической экспедицией СОКМ при участим старшеклассников школы № 3 и членов краеведческого клуба «Чхыф» («Медведь») г. Охи под руководством директора школы А. С. Колосовского.

Для раскопов были выбраны три «холмообразных» возвышения, одно из которых (Раскоп 1) находится в северной части поселения, два других (Раскопы II, III) — в южной его части.

Раскоп 1 размером 8х8 м (площадью 64 кв. м) охватил хорошо заметное на современной древней поверхности возвышение в виде холмика округлых очертаний диаметром 7,5 м, высотой 0,5—0,57 м. Поверхность холмика уплощенная, с незначительными изменениями микрорельефа. По периметру холма прослеживаются ямы-углубления удлиненно-овальных очертаний, по форме соответствующих изгибу подошвы холма. Они отчетливо прослеживаются в юго-западном, северном и северо-восточном секторах раскопа (Рис. 3). В юго-восточном и северо-западном секторах отмечены пологие возвышения-площадки, в которые постепенно переходят склоны холма, и здесь отсутствует более или менее четкая граница подошвы.

Поверхность холма поросла мхом-ягелем, редкой травой, брусникой, имелось несколько небольших деревьев (береза, лиственница) и кустов кедрового стланика, а также старых пней. Дерн практически отсутствует или составляет прослойку из опавшей хвои, листьев, мха толщиной 2—3 см. Верхняя часть залегающего под дерном культурного слоя представляет собой светло-коричневую супесь, пронизанную корнями растений и насыщенную органикой, с включениями мелкого гравия (кремень и окремненные породы, халцедон, песчаник). Здесь встречаются немногочисленные артефакты, угольки, залегающие преимущественно па глубине от 0,1 до 0,3 м от уровня современной дневной поверхности. На глубине от 0,3 до 0,5 м находок и органических включений практически не встречается, супесь светлеет, приобретает ярко-желтый цвет, на глубине 0,5—0,6 м становится совершенно стерильной.

Культурный слой в пределах раскопа довольно однородный. На глубине 0,1—0,3 м отмечены пятна и прослойки мощностью до 0,05 м светло-серой золистой супеси; они имеют, как правило, размытые, неправильные очертания, на периферии холмообразного возвышения являются заполнением ям, прослеживаемых на современной дневной поверхности. Расчистка по материку показала, что граница пола или основания данного холмообразного объекта отсутствует, лишь в северо-восточном секторе раскопа внешняя линия холма прослеживается на глубине от 0,15 до 0,2 м в виде размытой дугообразной полосы серовато-бурой золистой супеси шириной около 0,25—0,3 м. Четкой границы между культурным слоем и материком не прослеживается. Материк предположи-

тельно залегает на глубине 0,3—0,35 м на периферии раскопа и 0,5—0,55 м под насыпью холма. От культурного слоя он отличается наличием прослоек и пятен геологического происхождения, чуть большей плотностью и отсутствием органических включений (Рис. 8).

Находки в раскопе 1 сосредоточены главным образом в центральной части холмообразного возвышения на глубине от 0,05 до 0,3 м от дерна (Рис. 4). Они представлены коллекцией, включающей 55 каменных изделий, около 100 фрагментов керамики и 3 медных изделия.

Каменный инвентарь включает 2 концевых скребка, наконечник, обломок ножа и 51 отщеп. В качестве сырья использованы преимущественно кремнистые породы серого (28 экз.), коричневого (20 экз.) и желтого (4 экз.) цвета различных оттенков, халцедон (3 экз.). Морфологически четкие типы орудий представлены всего 4 изделиями: двумя концевыми скребками, наконечником и обломком ножа.

На глубине около 0,2 м найдены: концевой скребок на тонком отщепе светло-серого кремня (Рис. 5, 6), с овально-выпуклым лезвием, обработанным краевой ретушью с дорсальной стороны; концевой скребок высокой формы, изготовленный на массивном отщепе серовато-коричневого кремня, обработан с дорсальной стороны крутой краевой ретушью, причем основание скребка слегка вогнутое, с вентральной стороны обработано сколами и, возможно, несет на себе следы использования (прослеживается рабочая ретушь) (Рис. 5, 12); обломок орудия-бифаса-ножа, изготовленного из аналогичного материала, двусторонне обработанного сплошной ретушью, удлиненно-овальной или листовидной формы, с уплощенно-линзовидными сечениями (Рис. 5, 13); наконечник "(возможно, заготовка или не до конца сделанное орудие) черешкового типа (нижняя часть черешка обломана), с листовидным пером и слабовыраженными плечиками, изготовленный из светло-коричневого кремня, двусторонне обработанный мелкими сколами и ретушью, линзовидный в сечении (Рис. 5, 15), верхняя часть одного края пера не доработана ретушью, можно отметить диагональную (хоть и выраженную довольно слабо) направленность сколов.

Отходы производства представлены 51 отщепом, из которых крупные (свыше 5 см) — 3 экз.; средние (3—5 см) — 27 экз. и мелкие (1,5—3 см) — 21 экз.; в их числе один первичный и три вторичных скола, 34 аморфных и 13 пластинчатых отщепов; 10 отщепов со следами использования, причем три из них трасологически определены как скобель, скребок и проколка* (Рис. 5, 11, 18).

-Керамика найдена как в виде отдельных разрозненных фрагментов, так и скоплениями — всего около 100—120 обломков, от 4—5 сосудов, сосредоточенных, в основном, в центральной части холмообразного возвышения. Преимущественно это мелкие, очень хрупкие, расслоившиеся или рассыпающиеся в руках фрагменты стенок сосудов. Обнаружено пять обломков плоских донышек, вероятно, от разных сосудов. Два из них не дают четкого представления о форме сосудов; два других — округлые, судя по сохранившимся частям: это были сосуды с диаметром дна около 11 и 13 см, со слабо расширяющимися вверх стенками (Рис, 6, 1—2); один фрагмент дна — весьма специфичен: судя по обломку, дно сосуда имело не округлые, а подпрямоугольные -очертания с хорошо выделенными, слегка закругленными углами (Рис. 6, 3), размер фрагмента 4х3,2 см, хорошо сохранилась лишь внешняя часть дна, внутренняя часть отслоилась. С точки зрения технологии это может означать не только слабый обжиг изделия, но и способ его изготовления: вероятно, к сформированной отдельно плоской «лепешке» дна методом ленточного налепа прикреплялись стенки сосуда, «подлепленные» с внутренней стороны и скрепленные с днищем тонким слоем глиняного теста, который впоследствии легко отпал. Собрано также 11 фрагментов прямых, слегка отогнутых наружу венчиков без орнамента, отдельные фрагменты стенок (Рис. 6, 4—7).

Вся керамика — ^ очень-хрупкая, слоиста-Яу причем отслаивается преимущественно по линиям соединения глиняных лент, пр^И£тая, изготовлена из мелкоструктурной глины с ооильным включением органической примеси животного происхождения (моллюсков), оставившей после выгорания многочисленные лакуны. Обжиг изделий слабый, низкотемпературный, цвет — светлый, желтовато-коричневый. Толщина стенок сосудов — 0,5—0,6 см, лишь два фрагмента имеют толщину 0,7 и 0,8 см. Фиксируются следы обмазки, заглаживания рукой по мокрой глине, преимущественно с внешней ^ороны изделий.

* Трасологический анализ артефактов из раскопок поселения Большая Сучка 7 произведен сотрудником ИИАЭ ДВО АН СССР (г. Владивосток) к. и. н. Кононенко Н. А.

Особый интерес представляет находка остатков сгоревшей деревянной посудины типа чашки: на глубине около 0,3 м от уровня современной дневной поверхности обнаружены мелкие, но довольно хорошо сохранившиеся угольки, образующие ободок овальной или подпрямоугольной формы размером 10,5x7 см, толщиной около 0,5 см, продолжающиеся в слое на высоту около 1,5—2 см. Судя по тому, что фрагменты керамики и отщепы располагались на одном уровне и рядом с деревянной чашкой, которая находилась в непотревоженном культурном слое, эти объекты можно считать одновременными.

В западном секторе холмообразного возвышения, в кв.А-2, на глубине около 0,2 м обнаружены три предмета, резко отличающиеся от всего остального материала, собранного в культурном слое данного объекта: это три медные бляшки гантелеобразной или 8-образной формы размером 2,1x1^ см, отлитые в односторонней форме, но не плоские, а углубленные — полусферические, которые могли использоваться как украшение для одежды (Рис. 5, 2—4).

Использование изделий подобного назначения характерно для народов юга Дальнего Востока во II тыс. н. э. Нахождение подобных изделий в неолитическом комплексе, скорее всего, случайно. Возможно, они связаны с расположенным рядом жилищем углубленного типа прямоугольной формы, довольно четких очертаний. Это жилище полностью сгорело, на полу и плечиках котлована отмечена прослойка углей хорошей сохранности, но какие-либо артефакты в слое отсутствуют. Возможно, это жилище этнографического времени, когда керамикой и каменными орудиями его обитатели уже не пользовались, изделия из дерева, бересты, других органических материалов сгорели бесследно, а редкие и ценные металлические предметы, вероятно, бережно сохранялись людьми и были унесены ими с собой.

В исследованном же раскопом 1 холмообразном возвышении все находки, за исключением медных бляшек и нескольких отщепов, были сконцентрированы около очага: в центральной части холма на глубине 0,15—0,2 м от дерна выявлена линза ярко-красной мелкозернистой супеси, явно обожженной или прокаленной, мощностью 0,08—0,1 м, диаметром около 0,5 м. Вероятно, это след от костра, горевшего на открытой поверхности. Углей в линзе не найдено, мелкие угольки встречаются почти повсеместно в культурном слое центральных квадратов раскопа, что свидетельствует об открытом ти"-пе очага, когда зола и уголь были развеяны ветром, размыты дождями, и сохранилась лишь линза прокаленной земли без четких очертаний.

Можно предполагать, что исследуемый объект является искусственной насыпью, сделанной из земли, вынутой из ям на периферии холма. Материалы и наблюдения в ходе раскопок не дают точного ответа на вопрос о функциональном назначении этой насыпи. Возможно, она служила площадкой для временного летнего стана небольшой группы древних охотников и рыболовов, защищая их от избытка влаги во время сильных дождей, когда вода, накапливаясь, не уходит в землю, а заполняет все неровности микрорельефа. О временном и недолгосрочном характере функционирования данного объекта свидетельствует малое количество и невыразительность находок, отсутствие более или . менее мощных очажных линз, ям от столбов, которые, как правило, являются важнейшей конструктивной особенностью долговременных жилищ, малая мощность и слабая насыщенность органикой и артефактами культурного слоя. Исследование аналогичных объектов было продолжено в раскопах II и III.

Раскопы II, III размером 6x6 м и 8x8 м (общей площадью 100 кв. м) охватили два расположенных рядом возвышения в виде слабозаметных на современной дневной поверхности холмиков округлых очертаний диаметром, примерно, 5,3 м (раскоп II) и 6,2 м (раскоп III), разделенных хорошо выраженной, хотя и неглубокой (0,2—0,25 м) впадиной. Контуры холмообразных возвышений также подчеркнуты неглубокими удлиненно-овальными ямами по периметру.

В раскопе II на современной дневной поверхности прослеживается слабовыпуклый (до 0,15 м) холмик, окруженный серией углублений (до 0,2 м).

В раскопе III холмообразное возвышение прослеживается чуть более отчетливо: его высота — около 0,17—0,2 м, ямы по периметру, преимущественно с восточной стороны, имеют размеры около 2—2,2 x 1—1,2 м, глубину до 0,1—0,15 м. С северной стороны холм не ограничен ямой, а как бы выравнивается до уровня современной дневной поверхности.

Поверхность в обоих раскопах покрыта слоем мха-ягеля, опавшей листвой и брусничником, имелось несколько кустов ольхи, кедрового стланика, багульника. Дерн практически отсутствует или составляет небольшую прослойку мощностью

2—3 см. Верхняя часть культурного слоя представляет собой светло-коричневую супесь, пронизанную корнями растений и насыщенную органикой, с включениями мелкой гальки, .отдельных угольков, пятен светло-серой золистой супеси, которая прослеживается кое-где непосредственно под дерном и является заполнением ям на периферии возвышений, в частности, между жилищами, где она распространяется до материка.

Находки в культурном слое обнаружены как непосредст-' венно" иод дерном, так и по всей сто толщине, до глубины 0,25 —0,3 м, но преимущественно на уровне 0,15—0,2 м. Материк от культурного слоя отделяется не всегда четко, его отличительными чертами являются: стерильность (отсутствие находок и органических включений), более светлая окраска и чуть более плотная консистенция. Материк сложен среднезернистым ярко-желтым песком с включением мелкой гальки. В некоторых местах над материком и на его уровне прослеживаются линзы красновато-бурой, вероятно, обожженной и спрессованной до каменистой твердости супеси с включением угольков, но, как правило, без находок (Рис. 8).

Находки в раскопах II, III очень немногочисленны: 7 отщепов и около 250 фрагментов керамики от 7—8 сосудов в раскопе II и 16 отщепов, 2 обломка орудий и около 100 фрагментов керамики от 5—6 сосудов в раскопе III (Рис. 9).

Каменный инвентарь в раскопе II представлен 7 отщепами кремня серого (5 экз.), желтого и белого цвета, из которых лишь один — обломок пластины с ретушью, и все семь отщепов — со следами использования, причем три из них трасологичеекп определены как обломок пилки и два ножа по мягкому (Рис. 10, 3, 1. 4). Размеры отщепов от 2,5x1,5 до 7x5,5 см (2 — крупных, 2 — средних и 3 мелких отщепа). Один из крупных пластинчатых отщепов был найден в центральной части ямы, разделяющей холмообразные возвышения в раскопах II и III на уровне материка в данном месте — это — 0,1 от уровня современной дневной поверхности), в слое заполнения ямы — светло-серой золистой супеси (кв. В-2) и являлся, вероятно, обломком пли заготовкой орудия (Рис. 10, 2) из светло-желтого окремненного сланца, обработанного вдоль одного края крупной ретушью с вертикальной стороны и со следами использования (но без специальной обработки) — с другой.

В северной части холмообразного возвышения в раскопе II, ближе к центру выявлено 3 скопления и отдельные фрагменты керамики на глубине около 0,1-0,15 м, сопровождающиеся мелкими угольками. Каждое из скоплений включает 30—50 фрагментов керамики, преимущественно мелких (2—3 см) разрозненных обломков стенок, вероятно, принадлежавших одному изделию. В первом скоплении (кв. А-2) собрано 5 обломков слегка отогнутых наружу венчиков без орнамента, 2 фрагмента плоских донышек, обломки стенок. Керамика имеет низкотемпературный обжиг, очень хрупкая, изготовлена из глины с обильной органической примесью и незначительной, возможно, естественной примесью мелкозернистого песка. Выделяется один фрагмент стенки с просверленным сквозным отверстием: его отличает плхшшш* и спеченность черепка, залощенность внутренней поверхности, почти полное отсутствие лакун от сгоревшей органической примеси. В соседнем кв. Б-2 отмечено несколько небольших скоплений керамики, вероятно, от одного сосуда, по основным показателям аналогичных вышеописанным, в том числе 10 фрагментов слегка отогнутых наружу венчиков, из них 5 имеют сквозные конические отверстия, просверленные с внешней стороны, как правило, около места разлома черепка (Рис. 11, 3).

На границе кв. А-3 и А-4 обнаружено скопление керамики (около 40 обломков) и несколько разрозненных фрагментов керамики, вероятно, от двух разных сосудов. В скоплении найдено около 25 мелких (1—4 см) фрагментов стенок, 8 обломков прямых венчиков, в том числе со сквозными коническими отверстиями, преимущественно вдоль линий разломов (Рис. 11, 1), обломок плоского донышка, диаметр которого составлял около 7—8 см, диаметр венчика сосуда, предположительно, — около 16 см. Сосуд изготовлен из глиняного теста со сравнительно небольшой примесью органического происхождения — в черепке отчетливо прослеживаются (преимущественно на внешней или внутренней поверхности, меньше — внутри черепка) довольно крупные (до 0,6—1 см) лакуны от выгоревших включений; вместе с тем, черепок довольно плотный, среднетемпературного обжига, светло-коричневого цвета. На внешней и внутренней поверхностях изделия хорошо заметны следы обмазки слоем жидкой глины и затирки, судя по отпечаткам, пучком травы или щепкой.

На границе кв. А-4 и Б-4 обнаружено скопление керамики (около 30 фрагментов), среди которых около 10 крупных обломков стенок и придонных частей сосуда, а также раздробленное (вероятно, еще при жизни поселения) плоское дно сосуда подпрямоугольных или овальных очертаний, размером 10х11 см, толщиной 4—6 см. С внешней стороны на дне заметны параллельные продольные линии-бороздки — вероятно, следы деревянной подставки, на которой стоял сосуд во время формовки изнутри донце покрыто мелкими вдавлениями — следами от пальцев, «утрамбовывавших» дно сосуда во время изготовления. Края донца обломаны, в связи с этим трудно определить его точную форму и характер крепления со стенками. В то же время найдены фрагменты (похоже, от того же сосуда) придонной части сосуда — кромка дна и плавно расширяющиеся вверх стенки. Интересна еще одна технологическая деталь, связанная с методами формовки сосуда способом ленточного налета: стыки лент скошены сверху вниз в направлении от внешней к внутренней стороне стенки сосуда. Большинство фрагментов керамики расслоилось по местам ленточных стыков, часто отслаивается верхний (наружный) слой черепка. Вся найденная в слое керамика — очень хрупкая, тонкостенная 65г-6 мм), легко ломается и расслаивается в силу очень слабого низкотемпературного обжига п рыхлости черепка. Сосуд изготовлен из глины с незначительной (вероятно, естественной) примесью мелкого песка и довольно многочисленными органическими добавками. В некоторых лакунах от выгоревшей примеси прослеживаются дугообразные параллельные полосы, конфигурация некоторых лакун имеет веерообразную форму.

При расчистке ямы, пятно которой было выявлено при зачистке по материку около южной стенки раскопа (кв. Б-4), за пределами холмообразного возвышения, на глубине около 0,35—0,4 м от уровня современной дневной поверхности, обнаружено скопление керамики в культурном слое заполнения ямы — в плотной спрессованной или прокаленной супеси светло-коричневого цвета с многочисленными (в районе скопления керамики) угольками. Найдено около 50 фрагментов — преимущественно мелких, раздробленных, и несколько относительно крупных (до 7х7 см) обломков сосудов (Рис. 11, 2, 4). Можно предположить (судя по цвету и степени обжига), что в скоплении представлены фрагменты двух сосудов. Часть фрагментов имеют довольно яркую, оранжевого оттенка окраску, более прочный черепок. Среди них — около 10—15 фрагментов стенок, крупный обломок слегка отогнутого наружу венчика со сквозным коническим отверстием, фрагмент придонной части стенки сосуда.

Другая часть фрагментов керамики (около 25—30 обломков, преимущественно мелких размеров) имеет более слабый обжиг, очень хрупкий слоистый черепок, светлый желтовато-коричневый цвет. Имеется обломок прямого венчика со сквозным коническим отверстием, со следами нагара преимущественно на внешней стороне, черные пятна нагара отмечены и на других фрагментах с внутренней стороны. Найдено два обломка плоского донышка, причем, судя по одному из обломков, оно имело в плане не круглую, а овальную форму. Меньший диаметр дна составляет 7 см, больший, вероятно, — около 9—10 см (Рис. 11,6).

Рядом с керамикой в заполнении этой же ямы найдены два отщепа серого кремня со следами использования, причем один из них — центральный сегмент пластины или пластинчатого отщепа, обработанного двусторонней краевой ретушью с одного края и односторонней краевой — с другого, использовался в качестве пилки (Рис. 10, 3).

В северо-восточном углу квадрата В-4, в яме за пределами холмообразного возвышения на глубине около 0,4 м от уровня современной дневной поверхности и, примерно, 0,1 м ниже уровня материка, в культурном слое заполнения ямы — желтовато-коричневой супеси, и под линзой прокаленной спрессованной супеси с угольками собрано 17 фрагментов керамики. Среди них 4 фрагмента венчика, которые удалось собрать вместе, и мелкие раздробленные обломки стенок сосуда. Венчик прямой, слегка загнут внутрь, диаметр его — около 20—21 см, имеется 3 сквозных конических отверстия диаметром 0,4 см в 0,7—1 см ниже края венчика (Рис. 11, 5). Керамика изготовлена из глинькс обильной органической примесью, довольно хорошо обожжена, имеет относительно прочный черепок желтовато-серого цвета. На внешней и внутренней поверхности имеются следы обмазки и затирки, хотя сохранились многочисленные лакуны от выгоревшей примеси.

После расчистки по материку (Рис. 12) выявлено несколько пятен от небольших, хаотично расположенных ямок округлых очертаний диаметром 0,2—0,3 м, глубиной 0,1—0,15, до 0,3 м и три довольно больших ямы близ восточной и южной стенки раскопа, лежащих за пределами холмообразного

возвышения. На границе кв. Б, В-2, 3 отмечено возвышение неправильной формы, вытянутое в северном направлении, сложенное плотной красновато-бурого цвета, с угольками, супесью. Южная часть возвышения сложена спрессованной супесью, линзы обожженной спрессованной спеси отмечены также в кв. В-3, В-4 на уровне материка.

Каменный инвентарь в раскопе III включает следующие артефакты. Обломок наконечника стрелы, у которого отсутствуют перо и насад, изготовленного из светло-серого окремненного сланца, двусторонне обработанного сплошной ретушью, линзовидно-выпуклого в сечении (Рис. 10, 7); обломок сверла или провертки на пластинчатом отщепе светло-коричневого кремня со слегка выделенным с помощью мелкой краевой ретуши острием, конец которого обломан (Рис. 10, 9); 16 отщепов. Большинство каменных изделий изготовлено из кремня и кремнистого сланца серого (14 экз.), желтовато-серого (3 экз.) и коричневого (1 экз.) цвета. Имеется 5 пластинчатых и 11 аморфных отщепов размером от 2х0,7 до 6,5х3 см (2 крупных, по 7 — средних и мелких отщепов), в том числе 7 — со следами использования, из них 6 трасологически определены как скребок (Рис. 10, 6), скобель и обломок скобеля (Рис. 10, 5, 14), 2 ножа по мягкому и двулезвийный строгальный нож (Рис. 10, 13, 11).

Керамический материал представлен тремя скоплениями и разрозненными фрагментами керамики.

За пределами холмообразного возвышения, под южной стенкой раскопа III и частично за его пределами обнаружено скопление керамики и угольков, которые располагались на площади около 0,25—0,3 м в диаметре, на глубине 0,28—0,3 м, в культурном слое довольно обширной ямы (размером около 1,5х1,8 м, глубиной до 0,7 м).

Керамика в скоплении представлена двумя обломками плоских донышек, фрагментами слабовыпуклых стенок (около 10 обломков) и двумя фрагментами прямых венчиков, один из которых имеет сквозное биконическое отверстие в 1 см ниже края. Вероятно, все фрагменты — от одного сосуда (за исключением, возможно, одного из обломков донышка) — плоскодонного, слабопрофилированного, изготовленного из глиняного теста с обилием органических включений, низкотемпературного обжига, очень хрупкого; толщина стенок сосуда — от 4 до 6 см, цвет — светлый, желтовато-коричневый, на обломках венчиков имеется темно-серый нагар.

В центральной части кв. Е-2 на глубине 0,15—0,2 м, в слое буровато-желтой супеси с включением мелких угольков, пронизанной корнями, найдено скопление керамики, занимающее площадь около 0,35—0,4 м в диаметре. Здесь, вероятно, находились развалы по крайней мере двух сосудов, лежащих кверху дном. Они сохранились очень плохо, т. к., возможно, еще во время жизнедеятельности данного жилища сосуды были разбиты, брошены на пол и втоптаны в него ногами, о чем свидетельствует раздробленность керамики на мелкие фрагменты, хотя при этом довольно хорошо прослеживается форма дна. Некоторые фрагменты стенок и венчиков располагались в слое в вертикальном или наклонном положении.

При расчистке скопления было отмечено, что донышко сосуда имело подпрямоугольные со сглаженными углами очертания или, возможно, близкую к овальной форму. В слое донышко располагалось внешней стороной вверх и было чуть продавлено внутрь и раздроблено на множество мелких обломков. Размеры донца были, примерно, 8х10 см. В связи с плохой сохранностью, хрупкостью и слоистостью керамики реконструировать его не удалось. Из более чем 60 фрагментов скопления отобрано 17 обломков венчиков (возможно, от двух сосудов), в том числе верхняя часть слабопрофилированного сосуда с закругленными и слегка отогнутыми наружу венчиком, с коническими сквозными отверстиями близ трещин и разломов (Рис. 11, 7), без орнамента, обломки стенок. Керамика аналогична вышеописанной.

В кв. Д-3 найдено около 20—30 мелких фрагментов керамики, частично в скоплении вместе с угольками. Среди них — три обломка венчиков (от двух сосудов), это — прямые или чуть отогнутые наружу венчики, один—с легким утолщением по краю (Рис. 11, 8), без орнамента. Выделяются по технологии обработки два фрагмента — они имеют более плотный, хорошо обожженный, спеченный черепок светло-серого цвета, заметен слой обмазки как на внешней, так и на внутренней поверхности, возможно, производилось лощение. Остальные фрагменты керамики отличаются хрупкостью, слабым обжигом, отсутствием или низким качеством обмазки.

В культурном слое на глубине 0,1—0,15 м от уровня современной дневной поверхности выявлены линзы красновато-бурой обожженной спрессованной супеси с многочисленными угольками. Возможно, это — места кострищ (открытых

очагов), о чем свидетельствует прокаленность слоя и обилие углей. Встречаются также прослойки и пятна светло-серой золистой супеси, которой заполнены и ямы на периферии холма (Рис. 9). В одной из них (кв. Ж-4) обнаружено 5 отщепов: в слое светло-серой золистой супеси, слагающей верхнюю часть заполнения ямы, на уровне материка (0,28—0,3 м) найден крупный пластинчатый отщеп желтовато-серого камня, со следами использования в виде мелкой рабочей ретуши и микро-выкрошенности по краям (Рис. 10, 12). Нижняя часть заполнения ямы сложена очень плотной, вероятно, прокаленной супесью бурого цвета с мелкими угольками, в ней, на глубине около 0,2 м ниже уровня материка (или около 0,5 м от уровня современной дневной поверхности) найдено 4 мелких аморфных отщепа серого кремня и светло-желтого окремненного сланца.

После расчистки площади раскопа III по материку, на глубине 0,2—0,35 м от дерна выявлены следующие объекты (Рис. 12). По периметру холмообразного возвышения, в квадратах Д, Е-1, Ж-2 и Ж-4 расположены ямы, хорошо заметные и на современной дневной поверхности. Под дерном они прослеживались как пятна светло-серой золистой супеси аморфных очертаний. После снятия культурного слоя на уровне материка стали заметны пятна буроватой плотной супеси, окружающие остатки светло-серых золистых пятен, причем, размеры ям оказались в некоторых случаях больше, чем было заметно на поверхности. Можно предполагать, что эти ямы являлись очажными — в них разводили огонь, вследствие чего стенки и дно ям оказались прокалены. Впоследствии ямы заполнились светло-серым подзолом, который распространен повсеместно на северном Сахалине и является характерным типом почвы для этого региона.

Линзы и площадки спрессованной супеси буровато-красного цвета или прокаленной земли размером до 1,5—2 м, мощностью от 0,8 до 0,15 м, расположены в центральной и западной частях основания холма, на уровне материка, перекрыты культурным слоем мощностью 0,15—0,2 м, и, как правило, сопровождаются скоплениями углей или мелкими разрозненными угольками.

Обобщая материал, собранный в процессе раскопок трех холмообразных объектов на поселении Большая Речка 7, можно сделать предварительные наблюдения и выводы.

Археологический инвентарь очень малочислен. Находки располагаются в слое на глубине около 0,1—0,2 м, приурочены в основном к центральной части холмообразных возвышений. Характерно, что в каменном инвентаре преобладают отщепы со следами использования и обломки орудий, отсутствуют целые изделия и орудия четких морфологических форм. Преобладают аморфные отщепы средних размеров, встречаются пластинчатые отщепы и орудия на них, пластин правильной огранки нет. Отсутствуют также нуклеусы, отходы производства в виде первичных и вторичных сколов, чешуи чатых и мелких отщепов, не встречено преформ, заготовок, орудий, связанных с процессом производства (отбойников, наковаленок, точильных камней, шлифовальных плиток), орудий, связанных со строительством и деревообработкой (топоров, тесел, долот и т. п.). Почти все найденные орудия — разового использования, специально обработанных и предназначенных для долговременного использования орудий — всего б экз.

Вся найденная при раскопках керамика — фрагментированная, разбитая еще в период функционирования поселения. И хотя большая ее часть собрана в скоплениях, но они не представляют собой целые сосуды, не дают возможности восстановить хотя бы частично ни одного изделия. Керамика, также как и каменный инвентарь, очень малочисленна (если не принимать во внимание множество мелких фрагментов, на которые она буквально рассыпается в руках). Судя по сохранившимся обломкам, это были плоскодонные слабопрофплпрованные сосуды горшковидной формы, с плавно расширяющимися вверх стенками, слабо-выпуклым туловом, практически не выделенной шейкой и прямым, иногда утолщенным или слегка отогнутым наружу венчиком. Размер сосудов установить трудно, можно по сохранившимся частям изделий предположить, что диаметр донышек был около 10—12 см, диаметр венчиков — 15—20 см, высота — около 20 см. Интересен тот факт, что среди обломков керамики имеется несколько фрагментов донышек овальной или подпрямоугольпой с сильно сглаженными углами формы. По фрагментам венчиков и стенок эта особенность не прослеживается, вероятно, в силу раздробленности обломков.

Однако реальность их существования косвенно подтверждается находкой в раскопе 1 остатков деревянной чашки овально-подпрямоугольных очертаний. Собранная при раскоп-

ках керамика имеет толщину стенок 0,5—0,6 см, при этом посуда чрезвычайно хрупкая, что обусловлено, на наш взгляд, двумя технологическими факторами. Во-первых, очень слабый низкотемпературный обжиг, в результате которого получался черепок светлого, желтовато-бурого цвета, в большинстве случаев с полосой нсдожега в изломе; во-вторых, глиняное тесто содержит большое количество органической примеси, выгоревшей при обжиге — сохранились многочисленные лакуны аморфных, подквадратных и подтреугольных очертаний размером до 0,8—1 см, причем они хорошо заметны как в изломе черепка, так и на внешней и на внутренней его поверхности. В качестве примеси в гончарную массу добавлялись раздробленные раковины (возможно, вместе с мякотью) моллюсков. Иногда фиксируется минеральная примесь в виде мелкоструктурного кварц-полевошпатового песка естественного происхождения. Черепок хрупкий, слоистый, пористый, каплю воды впитывает за 60 секунд, что говорит о его высокой водопроницаемости. Керамика в слое была пропитана влагой, пронизана тонкими корнями растений, что и послужило причиной ее разрушения.

Судя по характеру разломов керамики, формовка сосудов производилась способом ленточного налепа, вероятно, от венчика к донышку: скосы лент направлены от внешней к внутренней поверхности стенки; донышко, видимо, лепилось целиком из одного куска глины, отдельно, а затем скреплялось с туловом, место соединения со стенками скреплялось подлепом с внутренней стороны. На ряде фрагментов близ трещин и мест разломов отмечены сквозные конические отверстия диаметром 0,2—0,5 см, просверленные снаружи; возможно, они использовались для реставрации, продления срока «жизни» сосудов в древности. Орнамент на всех найденных керамических изделиях отсутствует.

Малочисленность археологического инвентаря (в раскопе I — 55 каменных изделий и фрагменты от 4—5 сосудов, в раскопе II — 8 каменных изделий и фрагменты от 7—8 сосудов, в раскопе III — 18 каменных изделий и фрагменты от 5—6 сосудов), отсутствие целых и законченных форм изделий, целого ряда категорий орудий, использование отщепов в качестве одно-двухразовых инструментов может свидетельствовать о кратковременности поселения, о его сезонном характере и о том, что обитавшие здесь люди не занимались производством орудий и керамики на месте, а, скорее всего, при-

несли с собой все необходимые им вещи и, покидая стоянку, унесли их с собой, оставив лишь сломанные, разбитые и потерянные вещи, а также использованные орудия разового назначения.

Облик археологического инвентаря — главным образом, керамики — позволяет предположить ранненеолитический возраст исследованных объектов, а особенности технологии и морфологии гончарного производства указывают на связи (возможно, генетического характера) с имчинской неолитической культурой (IV—I тыс. до н. э.) и южносахалинской неолитической культурой (V—IV тыс. до н. э.).

2. Исследованные на поселении Большая Речка 7 объекты представляют собой не котлованы углубленных жилищ, распространенные в неолитическое время по всему Сахалину, а, напротив, выпуклые, хорошо или слабо заметные на современной дневной поверхности холмообразные возвышения, окруженные по периметру удлиненно-овальными неглубокими ямами.

Культурный слой во всех трех раскопах — небольшой мощности (от 0,2 до 0,4 м), причем большинство находок отмечено в верхнем его горизонте — на глубине 0,1—0,2 м, а нижняя часть слоя, как правило, «пустая», отмечена лишь мелкими отдельными угольками, по цвету и консистенции мало отличающаяся от материка. Отсутствуют более или менее стройная система столбовых ям и признаки пола жилищ, особенно в раскопе I. Вместе с тем, в раскопах II, III по периметру холмов хорошо прослеживается система относительно крупных ям, которые заметны на современной дневной поверхности и фиксируются в материке. Стенки и дно ям прокалены, включают угли, редкие находки. Рядом с ними, как правило, расположены небольшие площадки уплотненной и насыщенной угольками супеси или плотные прокаленные до красновато-бурого цвета линзы толщиной 0,08—0,15 м, сопровождающиеся обычно скоплением углей. Вероятно, это и есть остатки кострищ. Оставленные под открытым небом, они были размыты дождями, уголь и зола развеяны ветром. Наверное, если бы очаги находились в закрытом помещении или после оставления жилищ их обитателями были бы перекрыты рухнувшей крышей, засыпаны землей, — то они сохранились бы значительно лучше — в виде углистой линзы или углисто-золистого пятна ..(чему примером могут служить рас-

копанные на поселениях Имчин II, XII и др. жилища с очагами).[4] Никаких признаков искусственной обкладки очагов не обнаружено.

Таким образом, отсутствие следов более или менее укрепленных и утепленных жилищ, ярко выраженных очагов, ямок от столбов и других признаков долговременных построек позволяет предположить наличие сезонных жилищ легкого, наземного типа, которые обиталнсь лишь в теплый летний период. Вероятно, это были легкие сезонные постройки типа чума, шалаша или навеса, не исключена возможность обитания здесь людей и под открытым небом. Можно предположить, что, прибыв на место будущей стоянки, се древние обитатели устраивали площадку — возвышение, выкапывая землю по окружности выбранного места, вследствие чего образовывались ямы, а поселенцы были защищены от скопления дождевой воды во время сильных ливней. На получившемся возвышении ставили один-два, условно говоря, «чума» или просто располагались вокруг костров.

В раскопе I отмечена только одна очажная линза, в раскопе II также можно предполагать наличие только одного очага, а в раскопе III, вероятно, горело 2—3 костра. Ямы на периферии жилых площадок могли быть очажными и использоваться для обогрева, о чем свидетельствует покаленная земля с угольками. В них могли запекать рыбу или мясо, укладывая продукты на дно ямы, выстланное травой и листьями, и засыпая сверху землей, углями из очага или разводя над ямой костер.

Можно предполагать, что на стоянке жили рыболовы и охотники, пришедшие сюда без семей, на непродолжительный срок сезонного лова рыбы и охоты. Судя по находкам, их быт был довольно скуден. Возвращаясь па «зимние квартиры», они забрали с собой все принесенные из «дома» вещи, кроме сломанных, использованных и потерянных, а брошенные жилые площадки и кострища со временем размывало дождями и заносило песком, вследствие чего и могли возникнуть возвышения-холмики, окруженные ямами.

Приведенное объяснение, безусловно, гипотетично, хотя сами объекты, исследование которых началось в полевой сезон 1990 г., несомненно, представляют собой большой интерес и требуют более широкого археологического изучения. Продолжение работ в этом направлении может пролить свет на проблему истоков имчнскои и южносахалинскои неолитических культур, элементы которых присутствуют в инвипаре поселения Большая Речка 7, а также поможет в изучении образа жизни и занятий древнего населения этого региона.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Колосовский А. С, Горбунов С. В. Археологические памятники Охинского района. — Оха, 1988; Шубина О. А., Колосовский А. С. Археологические разведки в Охинском районе в 1988 г. /Исследования по археологии Сахалина и Курильских островов. Тезисы выступлений на археологических чтениях, посвященных памяти Р. В. Козыревой. — Вып. 1. — Южно-Сахалинск, 1988. — С. 15—16.

[2] Шубина О. А. Отчет о полевых археологических исследованиях в Охинском районе Сахалинской области в 1988 году. — Южно-Сахалинск, 1988. — Рукопись. — НА СОКМ. — Оп. 3. — № 272; Шубина О. А., Колосовский А. С. Указ. соч. — С. 15—16.

[3] Шубина О. А. Отчет о полевых археологических исследованиях в Охинском районе Сахалинской области в 1990 г. — Южно-Сахалинск, 1990. — Рукопись. — НА СОКМ. — Оп. 3. — № 329.

[4] Шубина О. А. Жилища поселений имчинской неолитической культуры (Северный Сахалин). — Южно-Сахалинск. — 1987.

Рис. 1. Карта-схема археологических памятников среднего течения реки Большой в Охинском районе Сахалинской области.

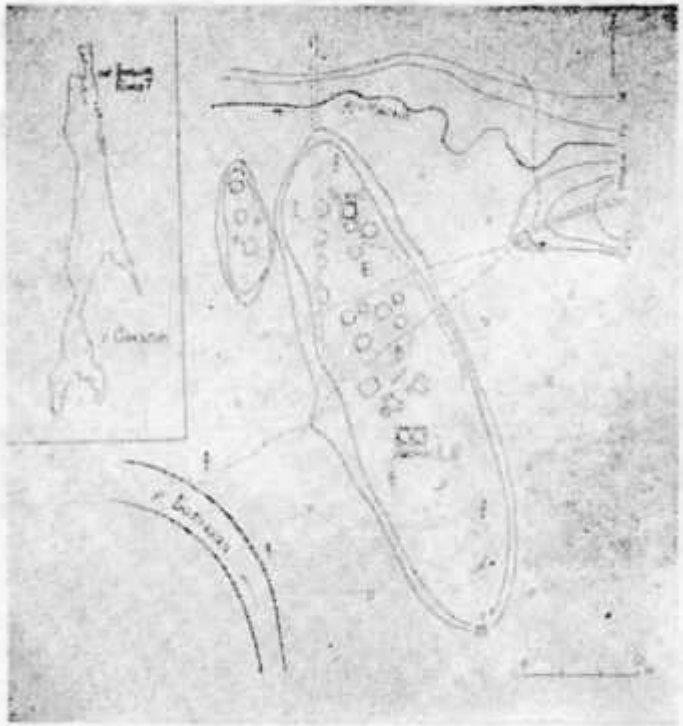


Рис. 2. Пяан поселения Большая Речка 7 в Охинском районе Сахалинской области.

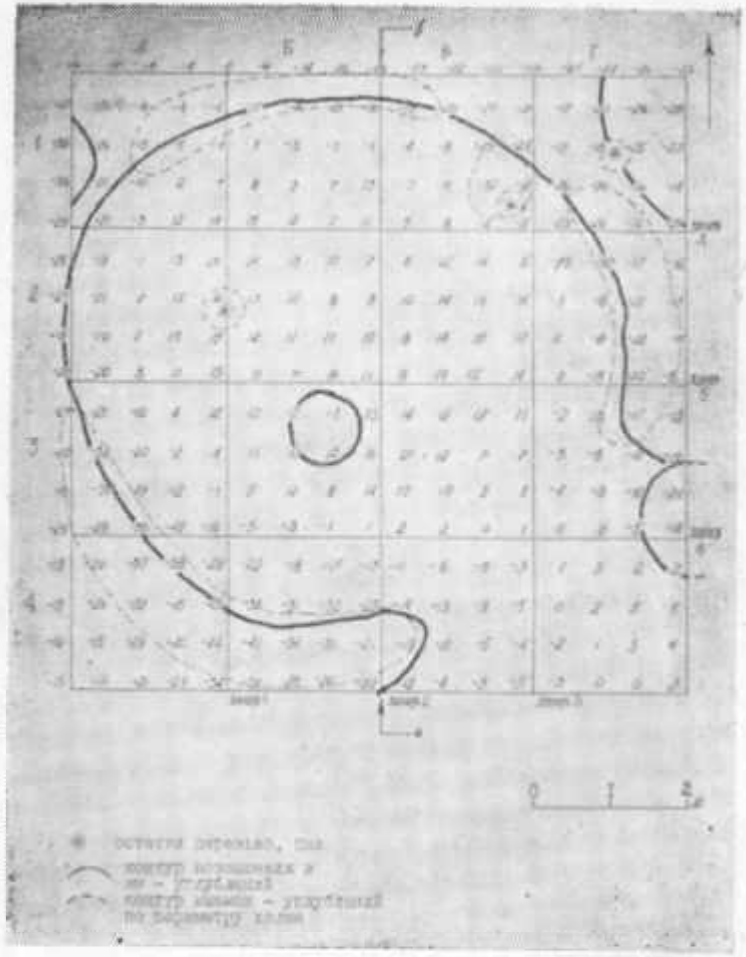


Рис. 3. План раскопа 1 с нивелировочными отметками, поселение Большая Речка 7.

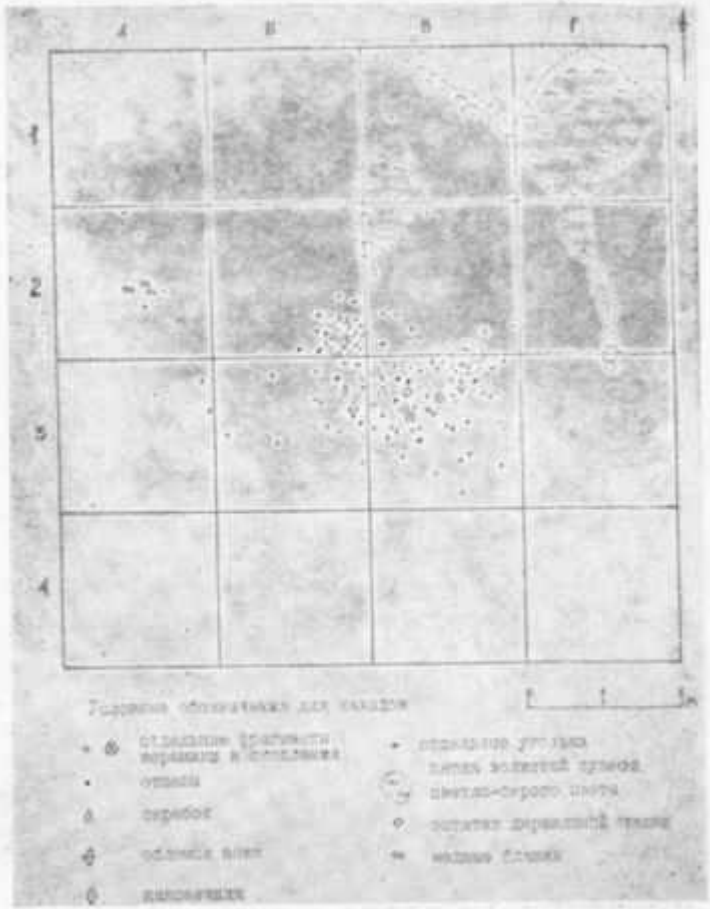


Рис. 4. План расположения находок в раскопе 1, поселение Большая Речка 7.

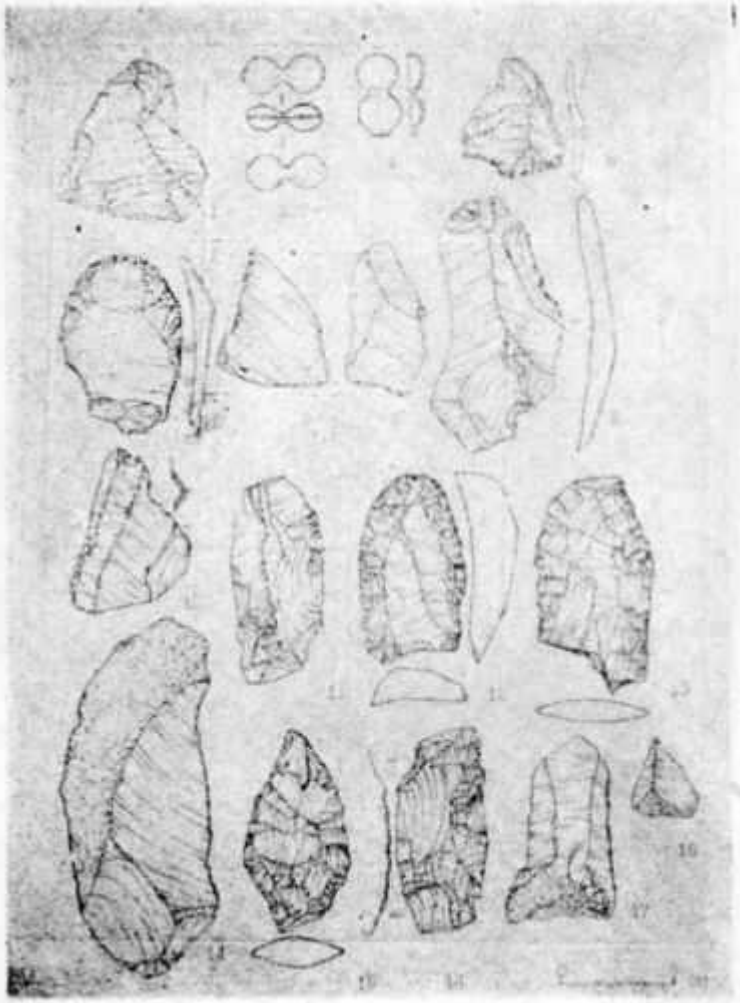


Рис. 5. Находки из раскопа \ на пос. Большая Речка 7:
1, 7 — 10, 14, 16, 17 — отщепы со следами использований;
2—4 — медные бляшки, 5 — скобель, 6, 11, 12 — скребки, 13 — обломок ножа, 15 — наконечник, 18 — проколка.

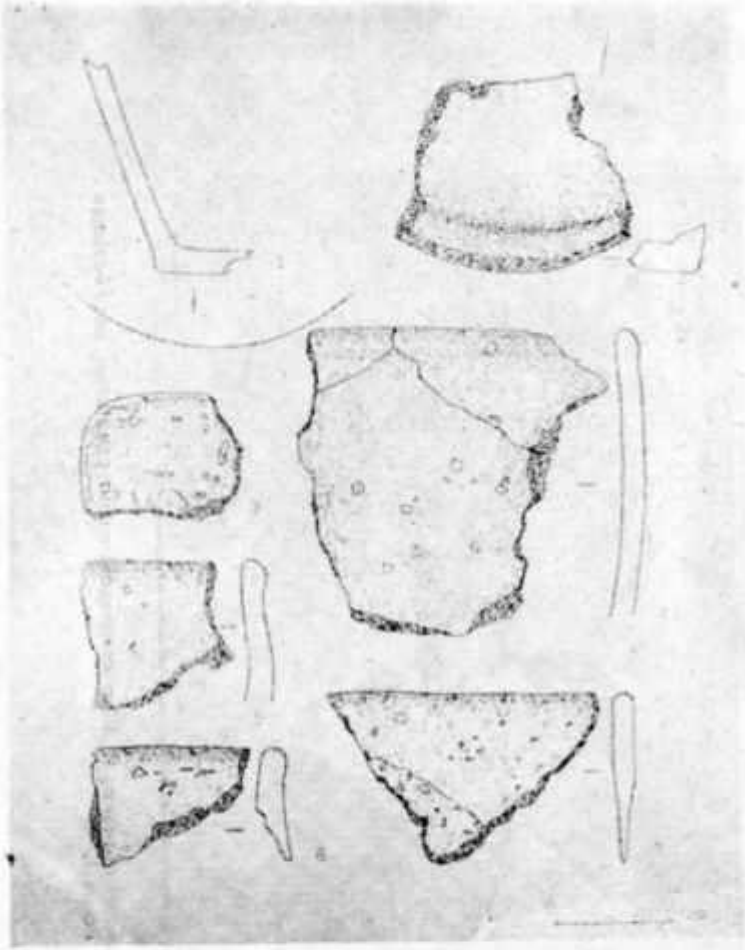


Рис. 6. Фрагменты керамики из кв. В-3 в раскопе 1, поселение Большая Речка 7.

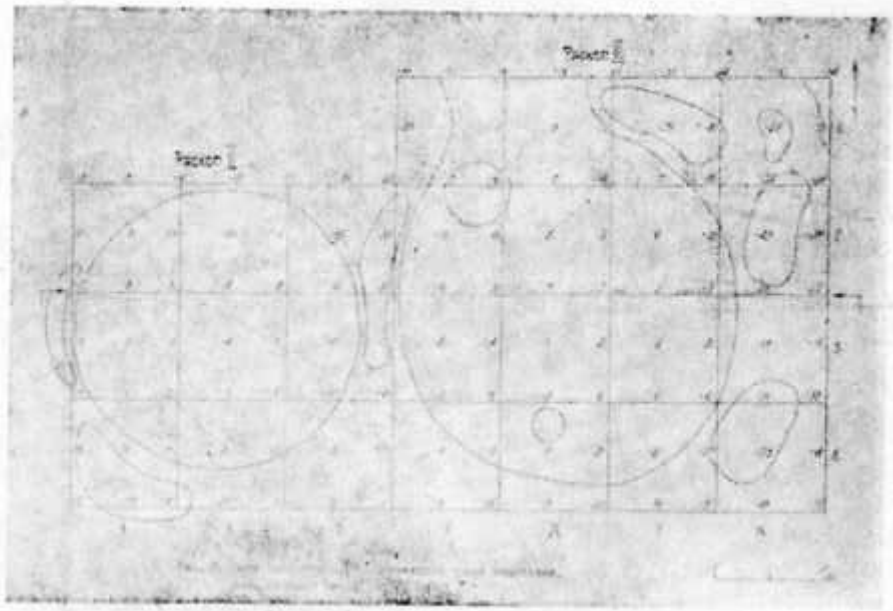


Рис. 7. План раскопов II, III с нивелировочными отметками, пос. Большая Речка 7.

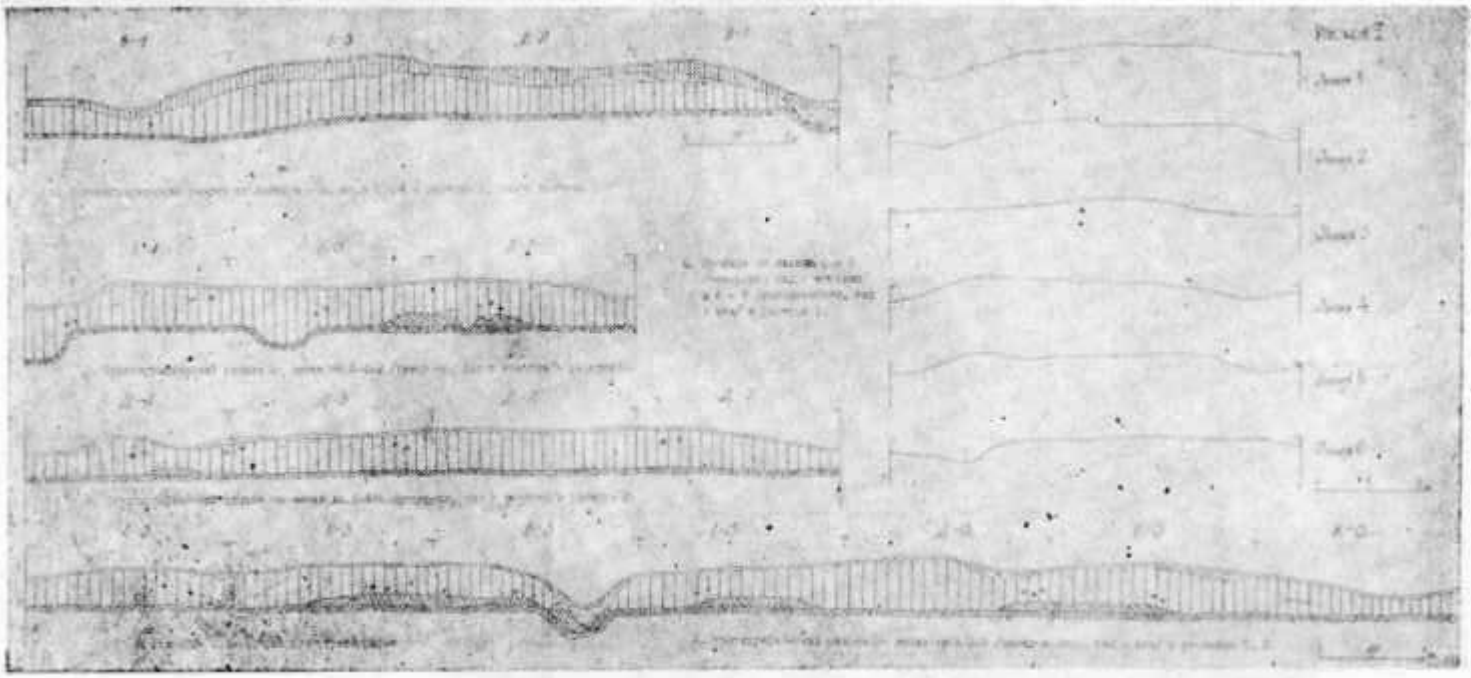


Рис. 8. Стратиграфические разрезы в раскопах I, II, III поселения Большая Речка 7.

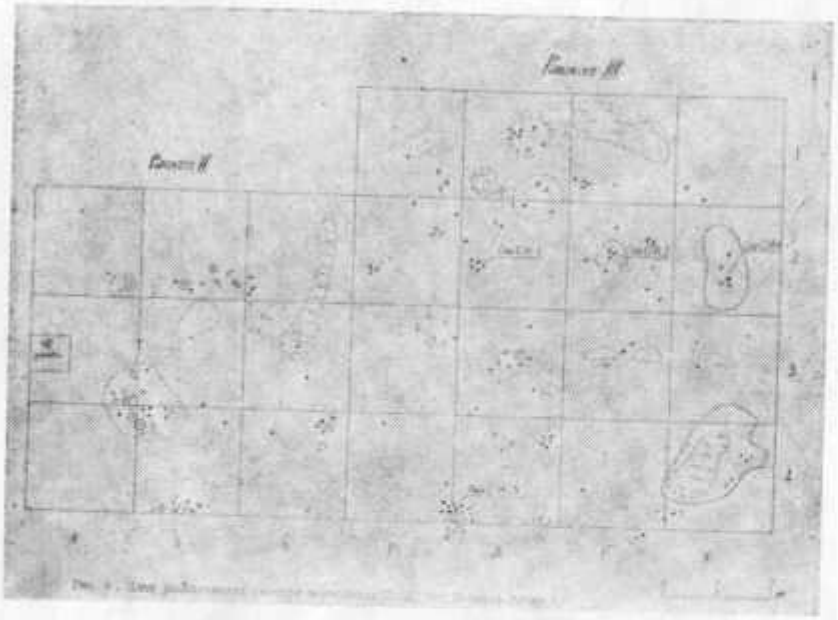


Рис. 9. План расположения находок в раскопах II, III, пос. Большая Ре-чка 7.

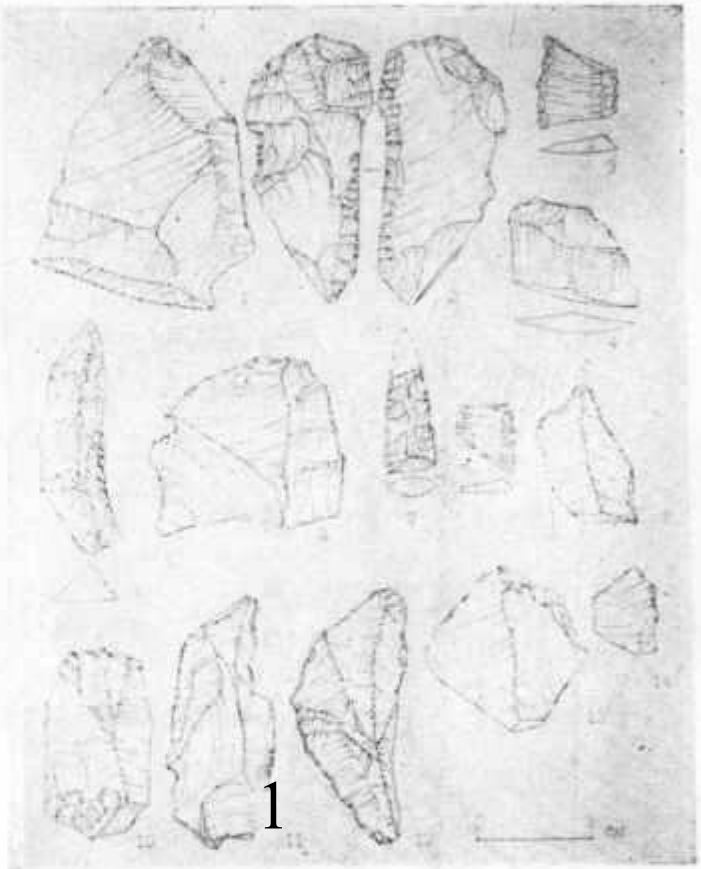


Рис. 10. Каменный инвентарь из раскопов II, III на пос. Большая Речка 7. 1, 4, 10, 13 — ножи по мягкому, 3 — обломок пилки, 5, 14 — скобели, 6 — скребок, 7 — обломок наконечника, 9 — обломок сверла, 2, 8, 12 — отщепы со следами использования, 11 — строгальный нож.

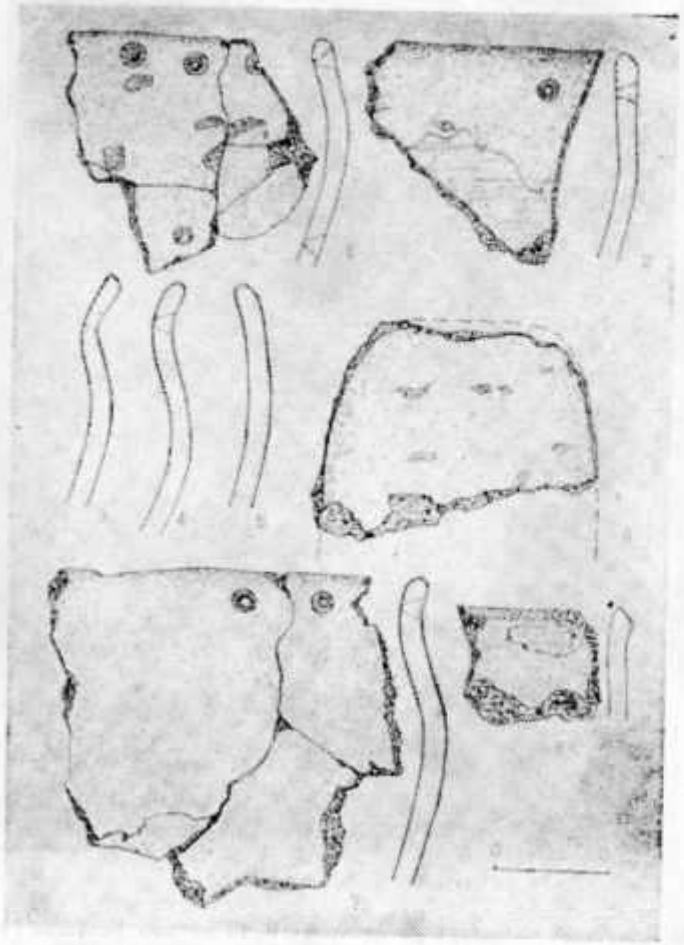


Рис. 11. Фрагменты керамики из раскопов II, III, пос. Большая Речка 7.

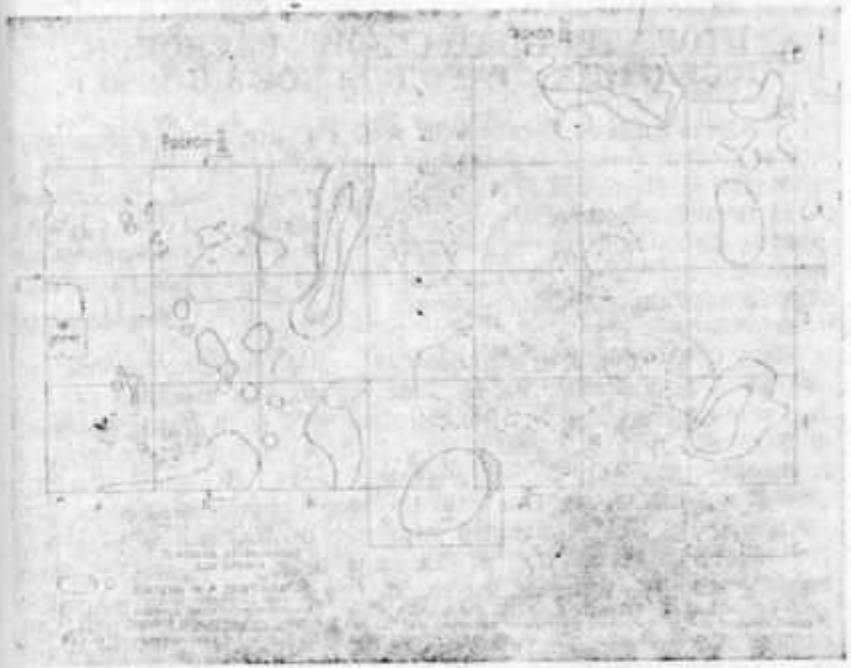


Рис. 12. План расчистки по материку раскопов II, III, пос. Большая Речка 7.

А. А. Василевский

ИТОГИ ТРЕТЬЕГО СЕЗОНА РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ СТАРОДУБСКОЕ-3 В 1990 г.

Согласно плану раскопок в зоне строительства внешнего подъездного пути к асфальтово-битумному заводу, в 1990 г. экспедиция НИС ЮСГПИ проводила работы на поселении Стародубское-3, начатые в 1988 г. Раскоп IV (1990 г.) был разбит на южной границе пункта 2 названного поселения на площади 348 кв. м. Раскоп захватил две видимых на поверхности западины древних жилищ №№ 99—100 (Рис. 1).

Три поперечных и продольных взаимнопересекающихся траншеи, заложенные на раскопе, позволили выявить характер чередования слоев. Ниже почвенного горизонта, включающего дерн и гумусированную подстилку (до 15 см), залегал горизонт супеси светло-коричневого цвета со значительной долей суглинков, имеющих инородное происхождение, что указывает на искусственный характер отложений (до 30 см). Последний подстилался в межжилищном пространстве легким суглинком, темнеющим книзу (до 20 см) и иногда перекрывался тонким серым прослоем подзола, характерного для отложений средиевысотных террас Сахалина. В жилищах ниже почвенного слоя прослеживался слой рыжей поддерновон супеси (до 10—12 см), еще ниже выявлялся тонкий горизонт плотной (утоптанной?) светло-коричневой супеси, темнеющей книзу, и в основании — глинисто-щебнистый пол. В межжилищном пространстве в северо-западной части раскопа ниже культурного слоя в траншее прослеживались горизонтально залегающие пласты аллювиального происхождения (на глубину до 120 см) красно-рыжих тонов, ожелезненные, в верхней части включающие окатанную гальку, песок, частично глинистую фракцию. Артефакты связаны с суглпнпсто-супеснымп и почвенными горизонтами (Рис. 2-IV).

Эти наблюдения позволили уже на стадии начала работ не только выяснить будущие объемы и определить методику раскопок, но и вычленить два культурных горизонта, один из которых связан с жилищами, выкопанными в более раннем слое. Второй же в чистом виде прослеживается только в северной части раскопа в надматериковом слое (Рис. 2, 4).

В результате раскопок выяснилось, что оба жилища относятся к неолитической культуре, следы которой выявлены ранее в раскопах I (1988) и III (1989 г.). Жилище 99 при площади до 72 кв. м имело четырехугольную форму. По длинной оси (9,1 м) оно ориентировано с востока на запад, а по короткой (8,5 м) — с севера на юг. Стенки котлована выпуклые, северная врезана в уступ террасы, остальные — искусственные подсыпные. Очаг расположен несколько к югу-западу от центра, рядом с ним выявлена яма с канавкой для отвода воды. Очаг представлял собой зольное пятно, «приподнятое» над полом на глиняной «подушке». Через южную стенку жилища сделан выход в виде слабонаклонного пандуса. На углах жилища выявлены выемки на плечиках, о назначении которых можно лишь догадываться. Система каркаса, восстанавливаемая по обнаруженным пятнам-ямкам в полу и плечиках ,— традиционна для региона. Она основана на связке угловых и боковых стропил с подпорками и симметрично расположенных в центре пола вертикальных опор, вероятно, скреплявшихся между собой рамой светового-дымового окна в крыше. Скопления артефактов обнаружены в углах котлована, под его плечиками, отдельные находки в очаге и в столбовых ямках. Примечательно, что аналогичные найденным в жилище керамика и орудия обнаружены также над плечиками в южной части раскопа в межжилищном пространстве непосредственно в приматерпковом горизонте супеси.

Жилище № 100 имело площадь до 127 кв. м, оно вписано в особенности рельефа местности, чем, вероятно, объясняется неровность линии стен. Наличие пятого угла, как представляется, обусловлено необходимостью сложной конструкции каркаса, которую вынуждены были моделировать древние строители из-за большой площади жилища и фактуры микрорельефа, согласно которой ориентирована сама полуземлянка. Очага в полном понимании слова в жилище 100 не обнаружено, хотя встречены отдельные углистые линзы, следы горелостей. Собственно, очаг с мощным скоплением углей, в которых обнаружено большое скопление керамики, отщепов, выявлен за пределами землянок близ северо-западного угла жилища 100. Как и в жилище 99, в нем выявлены глубокие (до 70 см) ямы от несущих опор каркаса, а также ямы стропил и подпорок. Основные скопления артефактов выявлены на полу жилища под плечиками, близ углов. В одном из них, са-

мом большом по численности фрагментов керамики (более 200 экз.), были найдены развалы трех остродонных сосудов, лежавших под обвалившимся бортиком жилища, а также отдельные каменные предметы (Рис. 3, 1, 3, 9).

Следует отметить явную технологическую и стилевую однообразность керамики и однотипность шлифованных и ретушированных изделий из камня в обоих жилищах. Почти вся керамика изготовлена с минеральной отощаю щей- -примесью.

Сосуды, судя по целым и фрагментированным находкам, представлены остро- и плоскодонными изделиями, преобладают первые. Стенки этих сосудов прямые, плавно расширяющиеся к устью, либо слегка выпуклые (Рис. 3, 1). Венчик всегда прямой, реже вогнутый, фигурные или изогнутые венчики неизвестны. Устье открытое, широкое, сосуды с намеченной или выделенной горловиной неизвестны в принципе, что соответствует основному традиционному керамическому стилю южносахалинского неолита. В этом же стиле выполнены и все орнаментальные композиции на керамике, в основе которых лежггх шнуровой декор. Кроме того, на ряде фрагментов встречены гребенчатые оттиски в виде «гусеницы» и прочерченные линии, насечки. Но преобладающий мотив — горизонтальные шнуровые оттиски, петли, «подвески», «крюки» — подковы и т. и. (Рис. 3, 1—4).

Обнаруженные в раскопе в слое 1—2 каменные орудия преимущественно выполнены на аморфных и пластинчатых отщепах методом двустороннего ретуширования (Рис. 3, 7, 9, 10). Это черешковые наконечники, листовидные клинки копий и ножей, боковые и концевые скребки, последние реже, а также рукояточные ножи с овальным, листовидно-асимметричным или треугольным лезвием. Шлифованные топоры, тесла, долота со следами оббивки как метода первичной обработки, найдены как в межжилищном пространстве, так и в жилищах, в т. ч. в очаге (Рис. 3, 5). Традиционны для памятника каменные шлифованные стержни с заостренным или с раздвоенным жальцем (Рис. 3, 6, 8). Вероятно, часть из них использовалась в качестве челноков для шитья сетей, другие же применялись для выполнения каких-то операций при обработке дерева или кости. |Кроме того, в верхних слоях и, в том числе, на и под плечиками жилищ в оползнях найдены артефакты более раннего облика. Это обломки микронуклеусов, микропластины и изделия из них, преимущественно выполненные из обсидиана (Рис. 4, 1—11). Они имеют происхождение из нижнего культурного горизонта (Рис. 2, 4, 2А).

В чистом виде нижний слой стратиграфически прослеживается только выше по рельефу над жилищем № 99 в межжилищном пространстве в северо-восточном секторе раскопа, где он связан с надматериковым слоем супеси, темнеющей книзу. Причем, верхний слой там очень слабо выражен и преимущественно связан с почвенным уровнем. В нижнем слое артефакты преимущественно группируются на площади до 20 кв. м, где керамики не обнаружено вовсе. Среди находок — десятки фрагментированных и целых микропластин, часть из которых являлась орудиями, а также шлифовальные плиты, отбойники, наконечники, ножи, оббитые двусторонне тесла, топоры, мотыги. Последние выделяются не по форме орудий, но по характеру изношенности рабочего края. Непосредственно на материковом слое выявлена яма овальной формы глубиной 0,2 и размерами 1,2х1,4 м. В ней обнаружен обломок микропластинки, отдельные отщепы и один мелкий фрагмент керамики, не позволяющий сколько-нибудь точно судить о технологических или декоративных характеристиках керамики. Происхождение этой ямы в непереотложенном горизонте и присутствие в нем керамики объяснить сложно.

В связи с тем, что в раскопе IV получены многочисленные материалы, соотносящиеся с жилыми комплексами, достаточно хорошо стратифицированные, а также имеющие определенные аналогии в других сахалинских комплексах и, в т. ч., в раскопах I, III изучаемого поселения, необходимо высказать возникающие суждения.

На самом поселении в той или иной мере четко прослеживаются остатки пяти периодов обитания, соотнесем их здесь с пятью горизонтами, моделируя тем самым стратиграфическую схему. Во-первых, это довольно многочисленные находки верхнепалеолитического облика, в том числе оббитые гальки типа скребел, чоппингов, а также широкие пластинки из обсидиана. Назовем этот ансамбль горизонтом 1. Горизонт 2 представлен ранненеолитическими находками, в т. ч. находками из слоя 2 раскопа IV, описанными выше, а также менее древними артефактами из слоя 3 раскопа III (1989 г.), относящимися по комплексу признаков к южносахалинской культуре и соотносимыми с жилищем *N°* 153 (раскоп III), из которого имеется радиоуглеродная датировка: ТИГ 269 — 6588±125—(Тк) = 7214±145 л. н. В этом случае возможно выделение подгоризонтов А и Б, соответственно. К третьему горизонту относим совпадающие между собой по комплексу

признаков материалы из жилищ N° 5 (раскоп 1), 99, 100 (раскоп IV) и из слоя 2 раскопа III (1989 г.). Это поздненеолитические комплексы, включающие остро- и плоскодонную керамику, а также каменный инвентарь поздненеолитического облика. К горизонту 4 отнесем оба жилища из верхнего слоя раскопа III (раскопки Н. В. Плотникова), интерпретируемые как комплексы 1 тыс. н. э. охотской культуры.[1] По логике, этот горизонт следует относить к эпохе раннего железа на Сахалине. И, наконец, последний, пятый горизонт представлен двумя жилищами (№№ 3, 4) из раскопа I, интерпретируемыми как комплекс неоайнской культуры, иначе говоря — позднесредневековый. Радиоуглеродная его датировка — 411± 110 л. н. (Рис.2).

/Х теме нашего доклада имеют отношение подгоризонт А горизонта 2 и горизонт 3, выявленные в раскопе IV в стратиграфической последовательности (Рис. 2, 4, 2А; 2, 5—2А).

Особенности подгоризонта А таковы: доминирующая роль техники микропластин, ориентация на применение обсидианового сырья, присутствие оббитых двусторонне и частично шлифованных рубящих орудий, черешковых наконечников, двустороннеретушированных ножей. Яркий индикатор возраста, позволяющий скоррелировать его с датированными памятниками — серийность стрел на микропластинах. Полностью аналогичные стародубским черешковые и особенно бесчерешковые наконечники широко известны в мезолитических и ранненеолитических памятниках Алтая, Приангарья, Якутии, Приамурья, Приморья.[2] В некоторых публикациях они называются «стрелы даурского типа». Кроме того, большие серии бесчерешковых наконечников на пластинах, идентичные стародубским, найдены при раскопках стоянок близ города Асахикава, а также на' стоянках Хигасикусиро и Юбецу-Ичмкава на о. Хоккайдо. Последние датированы по радиокарбону, соответственно, 7130±120 и 7100±115 л. н.[3] По некоторым данным ранненеолитические комплексы, включающие, кроме древнейшей керамики типа Нумадзири и серии таких стрел, на о. Хоккайдо датируются в диапазоне 7800—7200 л. н.

Если учесть сахалинские аналоги, можно привлечь отдельные находки стрел на пластинах со стоянок Кузнецово-4, Славная-1, возможно, Ныйво-1, Змея, частично Такое-2, где известны и другие составляющие элементы, характерные для горизонта 2А Стародубского-3. Учитывая датировки южносахалинской культуры типа Кузнецово-3 — Садовники-2,

Стародубское-3 (горизонт 2Б) 7200—6100 л. н. но радиоуглероду, резонно отнести комплекс горизонта 2А из раскопа IV ко времени старше семи тысяч лет, что соответствует и хоккайдским, и континентальным аналогам. Исследование этого пласта древней истории Сахалина находится еще в зачаточном состоянии, но уже сейчас без тени сомнения относим его к самой ранней фазе неолита на острове — начальной.

Что касается характеристики поздненеолитического горизонта № 3 Стародубского-III, мы совместно с И. С. Жущиховской и Н. В. Плотниковым высказывали ранее ряд суждений, подтверждающихся материалами раскопок 1990 г.[4] Хотя абсолютных датировок еще нет, сравнение названного комплекса с комплексами Стародубского-2, Кузнсцово-1 (начальный этап охотской культуры), Сабо, Кадылаиья-1 (северосахалинская культура), Южная-2, Предрефлянка (анивская культура), позволяет датировать его в рамках, II тыс. до н. э. Его близость к раннеохотским памятникам имеет, безусловно, генетический характер, что подтверждается аналогиями в формах жилищ, сосудов, композициях шнурового, прочерченного и гребенчатого декора, типах тесел, долот, украшений, стерженьков. Отличия между ними прослежены по тем же категориям сравнения, но они имеют в основном временной характер. Эти наблюдения позволяют ставить под сомнение прежде незыблемые тезисы о времени и основе процесса формирования охотской культуры. Но, кроме того, и это гораздо важнее, встает вопрос о разграничении и, вероятно, делении «неделимого монстра», каковым ныне является охотская культура. Получение синхронных стародубскому горизонту 3 комплексов в других районах юга, накопление абсолютных датировок, как представляется, в ближайшем будущем заставит археологов решать эту задачу. При этом необходимы, как думается, нетрадиционные теоретические и методические решения, способные более или менее достоверно объяснить суть процессов, происходивших на юге Сахалина в позднем неолите. Пока же считаем вопрос открытым. Также открыт вопрос об основных традициях и источниках оригинального комплекса гор-изонта 3 Стародубского-3. Мы придерживаемся мнения, высказанного ранее, что основой этой культуры являются традиции неолитических культур и юга, и севера, при большей адаптивной силе первых.[5]

Главный итог раскопок 1990 года — получение двух комплексов — ранненеолитического и поздненеолитического в стратиграфической последовательности. Это, в свою очередь, позволило объединить результаты исследований предыдущих лет и создать единую для памятника стратиграфическую шкалу (Рис. 2). Впоследствии по итогам раскопок будущих лет она дополнится новыми данными, радиоуглеродными датировками, палинологическими спектрами. Но уже сейчас поселение Стародубское-3 можно с полным основанием считать опорным памятником археологии Южного Сахалина.

Другой, не менее важный итог раскопок — спасение от разрушения при будущих строительных работах ценнейших материалов истории острова.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Плотников Н. В. Раскопки на поселении Стародубское-3 в 1989 году //Исследования по археологии Сахалина и Курильских островов. — Вып. II. — Южно-Сахалинск, 1989. — С. 9—10.

[2] Кунгурова Н. Ю. Микролитические памятники средней Катуни //Северная Азия в эпоху камня. — Новосибирск, 1987. —• С. 37—51. Валентин-перешеек — поселок древних рудокопов. — Москва, 1987. — С. 6, 191—192, 195—200.

Василевский Р. С, Бурилов В. В., Дроздов Н. И. Археологические памятники Северного Приангарья. — Новосибирск, 1988. — С. 137—139.

[3] Чард Ч. С, Морлан Р. Е. Абсолютная хронология каменного века Японии //Сибирь и ее соседи в древности. — Новосибирск, 1970. — С. 109—138.

Васильевский Р. Су, Лавров Е. Л., Чан Су Бу. Культуры каменного века Северной Японии. — Новосибирск, 1982. — С. 113—117.

[4] Василевский А. А., Жущиховская И. С, Плотников Н. В. Комплексные исследования поселения Стародубское-3 //Древние культуры Дальнего Востока СССР (археологический поиск). — Владивосток, 1989. — С. 34—41.

[5] Там же,

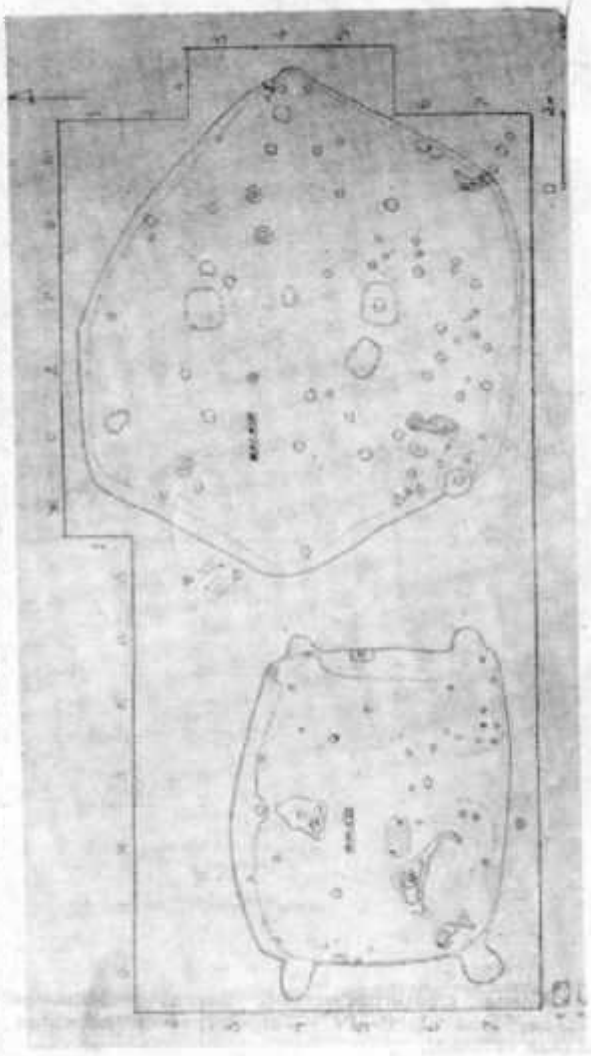


Рис. 1. План раскопа IV (1990 г.) на пос. Стародубское 3 и жилищ №№ 99 и 100.
Условные обозначения: 1— очаг, 2 — яма, 3 —сосуды.

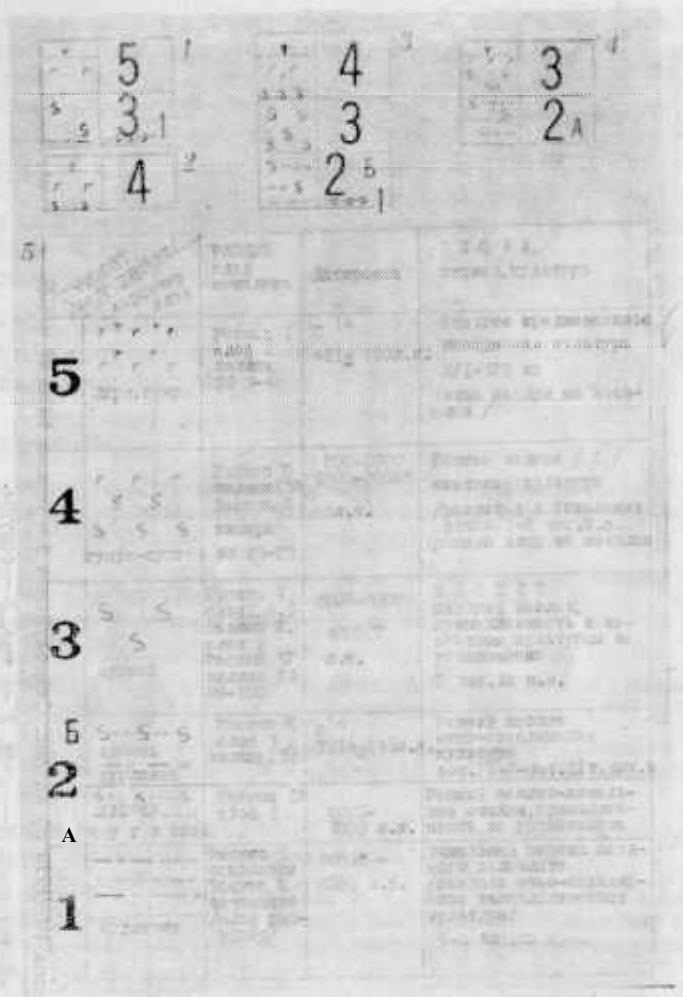


Рис. 2. Сводная таблица стратиграфических разрезов раскопов I—IV пос. Стародубское 3 (I—IV — стратиграфия раскопов I—IV, V — сводная таблица).

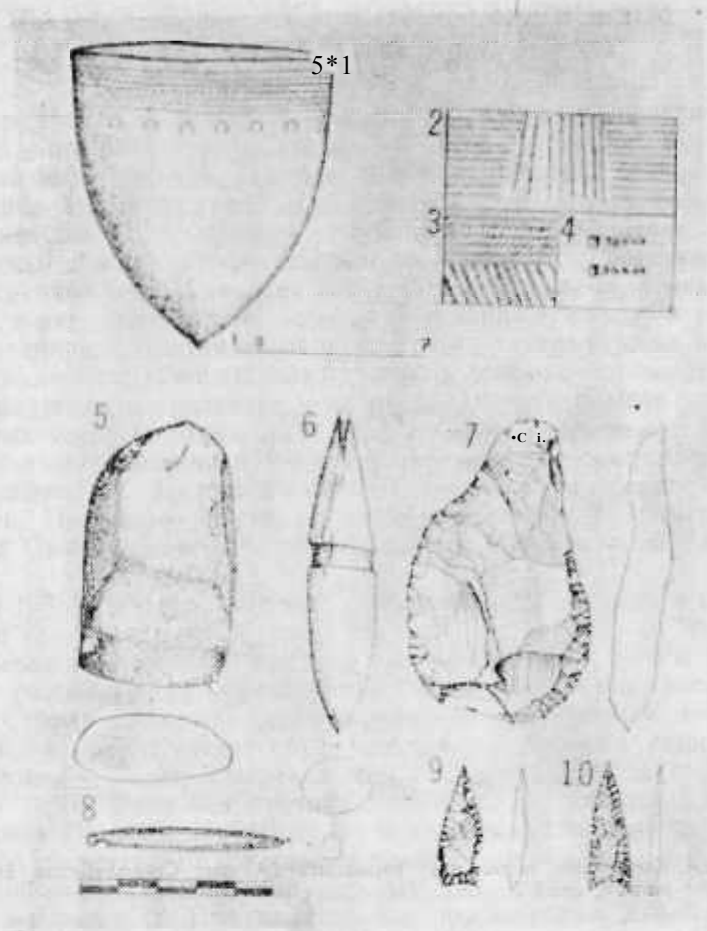


Рис. 3. Керамика и каменный инвентарь горизонта 3 пос. Стародубское 3. Раскоп IV, слой I.

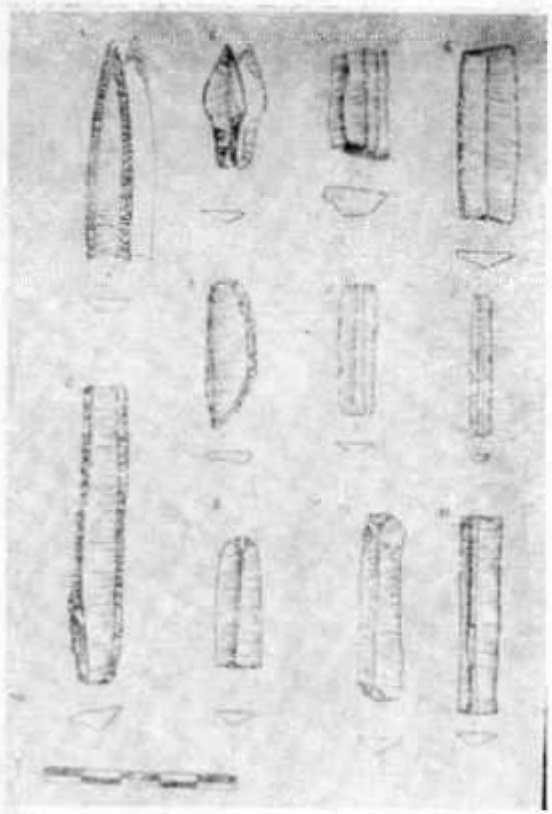


Рис. 4. Каменный инвентарь горизонта 2А пос. Стародубское 3. Раскоп IV, слой 2.

Е. М. Лосан

ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПОСЕЛЕНИИ СТАРАЯ КАКОРМА В НИКОЛАЕВСКОМ РАЙОНЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

Территория бассейна нижнего течения Амура характеризуется широким развитием озер различных генетических типов, водных режимов, размеров и форм. Поэтому эта часть бассейна Амура заслуженно называется «озерным районом».[1]

Наиболее крупные озера приурочены к тектоническим котловинам и связаны с опусканием последних. О неизменности (по крайней мере в течение четвертичного времени, а может быть, и ранее) пространственного положения этих озер и унаследованном развитии связанных с ними тектонических впадин свидетельствуют данные буровых и геофизических работ, указывающие на развитие в их пределах однородных толщ рыхлых озерных отложений.[2] Пресноводные (озерные) четвертичные отложения мощностью 56 м вскрыты скважиной 1, пройденной в Нижне-Амурской депрессии, на берегу оз. Орель.[3] Площадью 314 кв. км озеро соединено с Амуром протокой Пальвинской и с соседним озером Чля протокой Члянской.[4]

В 1988 г. археологической экспедицией Хабаровского краевого краеведческого музея в 4,5 км к юго-востоку от места впадения Пальвинской протоки в озеро Орель, на 5—6 м террасе со скальными обнажениями было обнаружено поселение Старая Какорма. Терраса покрыта смешанным лесом, причем по краю растут преимущественно береза и осина, в глубине — хвойные деревья: ель, лиственница. С северо-запада террасу огибает протока Члянская, с юго-запада — протока Пальвинская (Рис. 1). Вся поверхность террасы занята западинами от котлованов древних жилищ овальной, округлой формы и подпрямоугольных очертаний (всего около 2Q0 котлованов). Предварительная глазомерная съемка не дала возможности систематизировать расположение западин по формам, размерам, глубине.

В том же году были заложены 3 шурфа размерами 2х1 м. Найденный в них археологический материал позволил выявить два периода заселения.террасы и определить их культурную принадлежность. Первоначально были выделены слои тэбаховской и польцевской культур раннего железного века.

В 1989 г. заложены два раскопа. Первый, площадью 20 кв. м, продолжил шурф 1988 года, он расположен в глубине террасы, здесь выявлен чистый культурный слой польцевской культуры. Второй раскоп, на краю террасы, площадью 64 кв. м, позволил проследить напластования слоев, по меньшей мере, трех комплексов. Раскоп, ориентированный по сторонам света, был разбит на сетку метровых квадратов, стратиграфические бровки оставлены почти по центру раскопа. Стратиграфия в общей сложности такова: линия, отделяющая культурный слой от материка, прослеживается довольно четко. Материк' представляет собой плотную темно-желтую супесь с дресвой. Над материком почти повсеместно залегает неолитический слой светло-желтой супеси мощностью от 0,04 до 0,25 м, перекрытый темно-коричневой гумусированной супесью, очевидно, погребенным дерном, мощностью 0,1 — 0,24 м. Выше лежит слой желто-коричневой мешанной супеси мощностью 0,09—0,27 м, подстилающий прослойку коричневой супеси мощностью до 0,12 м. Сразу под дерном толщиной 0,05—0,13 м залегает прослойка светло-коричневой пылеватой супеси, содержащая находки раннего железного века и частично неолитические. Вышележащие прослойки перемешаны вследствие перекопов ранних жилищ более поздними. Только на уровне темно-коричневой гумусированной супеси слой однородный.

Характер залегания прослоек, археологический инвентарь позволяют выделить 3 разновременных культурных слоя, связанных с остатками разновременных жилищ:

— слой тэбаховской культуры;

— слой польцевской культуры;

— неолитический слой.

Расчистка производилась по условно выделенным горизонтам, в целом соответствующим культурным слоям.

Культурный слой первого горизонта почти повсеместно представляет собой светло-коричневую супесь, насыщенную плитами сланца, включает в себя зольно-угольные прослойки и пятна, гальку, а также археологические находки — преимущественно фрагменты керамики раннего железного века тэбаховской и польцевской культур. Развалы сосудов тэбаховского типа найдены в основном у северной стенки раскопа, на границе с культурным слоем II горизонта и в зольно-углистой прослойке, лежащей между ними. Очевидно, данным раскопом охвачен угол жилища тэбаховской культуры, выявленный после зачистки II горизонта. Большая часть комплекса находится за пределами раскопа.

Посуда тэбаховского типа несколько отличается от уже известной. Это слабопрофилированные горшки с яйцевидным дном, коричневого цвета. Венчики сформованы при помощи налепных валиков, рассеченных по краю. Слабо выраженная шейка орнаментировалась штамповыми оттисками, вся поверхность тулова и дна — ложнотскстильными вдавлениями. Отличаются сосуды лишь размерами и набором штампов. По назначению посуда кухонная — на поверхности сохранились следы нагара. Толщина стенок — 4—6 мм (Рис. 2). Предварительно материал датируется второй половиной 1 тыс. до н. э.

Культурный слой II горизонта — заполнение жилищ раннего железного века, составленное коричневой супесью. За пределами жилищ — это мешанный слой желто-коричневой супеси. Там, где неолитический слой не нарушен, между ним и культурным слоем 1 горизонта залегает темно-коричневая гумусированная супесь. После зачистки выявлены углы, очевидно, прямоугольных в плане жилищ раннего железного века — в кв. 2—5ЖЗ и в кв. 1—6ГД (Рис. 3). Плечики очень низкие, при зачистке границы стираются. В кв. 3ЕЖ—4ЕЖ найдены куски шлака, рядом — очаг овальных очертаний, обложенный плитами сланца. Заполнение очага — темно-желтая супесь с органическими включениями (кусочки кости). После выборки этой супеси до угольной прослойки сделан разрез, выявивший мощность залегания угольной прослойки (0,10—0,12 м) и подстилающей ее оранжевой прокаленной супеси — 0,05—0,06 м. Прослежена система ямок вокруг очага. Две ямки, расположенные по линии север—юг, заполнены мелкой галькой, очевидно, принесенной извне. По всей видимости, очаг принадлежит позднему жилищу, контуры которого не удалось выявить. Возможно, жилище — наземного типа. Котлован другого жилища раннего железного века имел форму прямоугольника. Данным раскопом охвачена лишь часть жилища, вследствие чего о размерах судить трудно. Глубина от уровня современной дневной поверхности в среднем — 0,41—0,7 м. Высота плечика — 0,10 м.

Пол жилища покрывал довольно ровный плотный слой супеси черно-коричневого цвета. Зафиксированы остатки сгоревших бревен. Жилище не докопано из-за недостатка времени и средств (Рис. 3).

По керамике можно судить, что это жилище польцевской культуры раннего железного века. Найденная в раскопе керамика плоскодониа, преобладают формы с четко выраженной горловиной и хорошо профилированным округлым туловом, она изготовлена способом кольцевого ленточного налепа. В составе теста отмечается примесь песка, слюды. Орнаментальными зонами являются венчик, шейка, тулово. На некоторых сосудах орнамент расположен на горловине и в верхней части тулова. Орнаментация сосудов в целом однообразна — это гребенчатые прочерченные горизонтальные линии в сочетании с волнообразными, ногтевой, реже — штамповый орнамент. Выпуклый орнамент представлен налепными валиками, размещающимися часто на стыке горловины и тулова, с вмятинами и различными насечками. Толщина стенок сосудов — 4—10 мм.

Каменный инвентарь представлен галечными грузилами с выемками на противоположных сторонах, скребками иогтевидной формы с овально-выпуклым лезвием, кремневыми наконечниками стрел с прямым и вогнутым основанием, рубящими орудиями, отщепами (Рис. 4). Материал датируется первой половиной 1 тыс. до н. э.

Третий культурный слой — неолитический, который был обнаружен после снятия темно-коричневой супеси (погребенного дерна). При выборке неолитического слоя выявились остатки небольшого сооружения, очевидно, маленького жилища.

Котлован подпрямоугольной формы с закругленными углами, диаметром в среднем 3 м. Плечики неглубокие, сложены темно-желтой супесью со щебнем. Северо-западное плечико шириной 0,08 м имеет высоту 0,12 м, юго-западное — 0,09 м. Юго-восточное плечико разрушено поздним жилищем. Пол представляет собой довольно ровную поверхность, площадь которой составляет, примерно, 8 кв. м. В центральной части пола расположено очажное пятно прямоугольной формы, размером 0,66х0,48 м, сложенное спрессованной обожженной супесью буровато-красного цвета с золистой супесью темного, почти черного цвета. За пределами очажного пятна располагались сланцевые плиты, сложенные по одной, через 0,3—0,6 м, с запада на восток (Рис. 5).

В целом, неолитический слой однородный, четко различается по цвету от вышележащих прослоек, находки из слоя представляют собой выдержанный комплекс. Орудия из камня типичны для ранненеолитических культур: рубящие изделия подтреугольной формы, односторонне-выпуклые в сечении, наконечники стрел с прямым и вогнутым основанием, двусторонне обработанные отжимной ретушью, кремневые вкладыши, отщепы. В яме найден единственный шлифованный нож из сланца, с рукоятью.

Керамическая посуда плоскодонная, баночной формы, хорошего обжига, в основном, светло-коричневого цвета. В тесте отмечается примесь органики. Орнаментальными зонами служат зона венчика (каннелюры) и тулова (вертикальный гребенчатый зигзаг) (Рис. 6).

Характерная посуда с примесью в тесте органики животного происхождения известна на поселении Сучу на Нижнем Амуре, аналогична керамике неолитической имчинской культуры на Северном Сахалине.

Вопрос о датировке неолитического комплекса пос. Старая Какорма еще окончательно не решен. Предварительно его можно отнести к IV—II тыс. до н. э.

Судя по стратиграфии в раскопе и выявленным находкам, поселение Старая Какорма — памятник многослойный. Раскопом охвачены участки разновременных комплексов. Время обитания на поселении довольно продолжительно — IV тыс. до н. э. — 1 тыс. до н. э.

Памятник перспективен для разработки стратиграфической колонки древних культур в низовьях Амура.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Плахотник В. Г. Из истории развития низовьев Амура и сопредельных с ними территорий //Известия АН СССР. — Серия географическая. — М., 1969. — № 4. — С. 126.

[2] Гальцев-Безюк С. Д. О соединении Сахалина с материком и о. Хоккайдо в четвертичное время //Известия АН СССР. — Серия географическая. — М., 1964. — № 1.

[3] История развития рельефа Сибири и Дальнего Востока. М., 1972. — С. 308.

[4] Краткая географическая энциклопедия. М., 1960. — С. 548.

Рис. 1. План-схема поселения Старая Какормг.

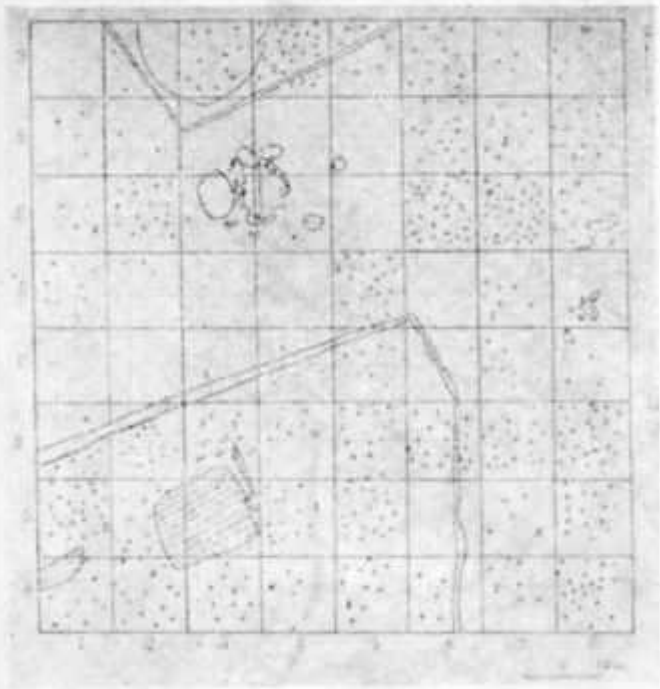


Рис. 2. План расположения находок II горизонта в раскопе I, пос. Старая Какорма.

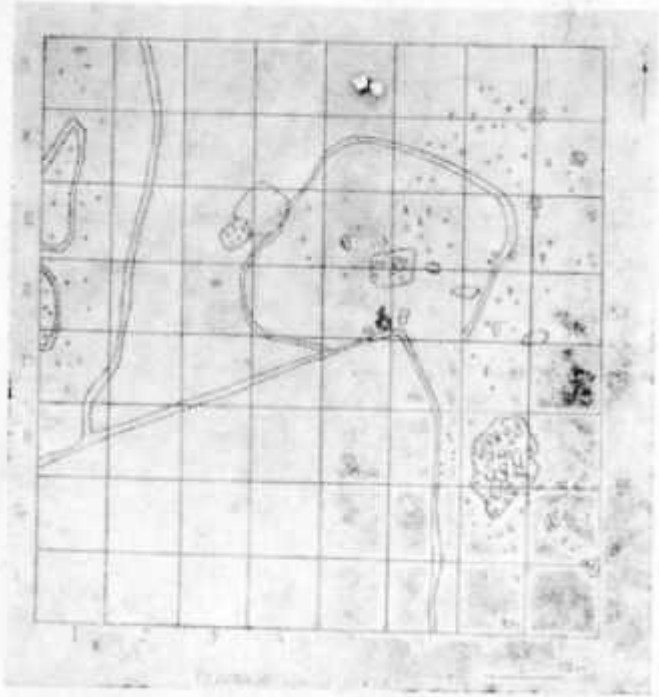


Рис. 3. План расположения находок III горизонта в раскопе I. пос. Старая Какорма.

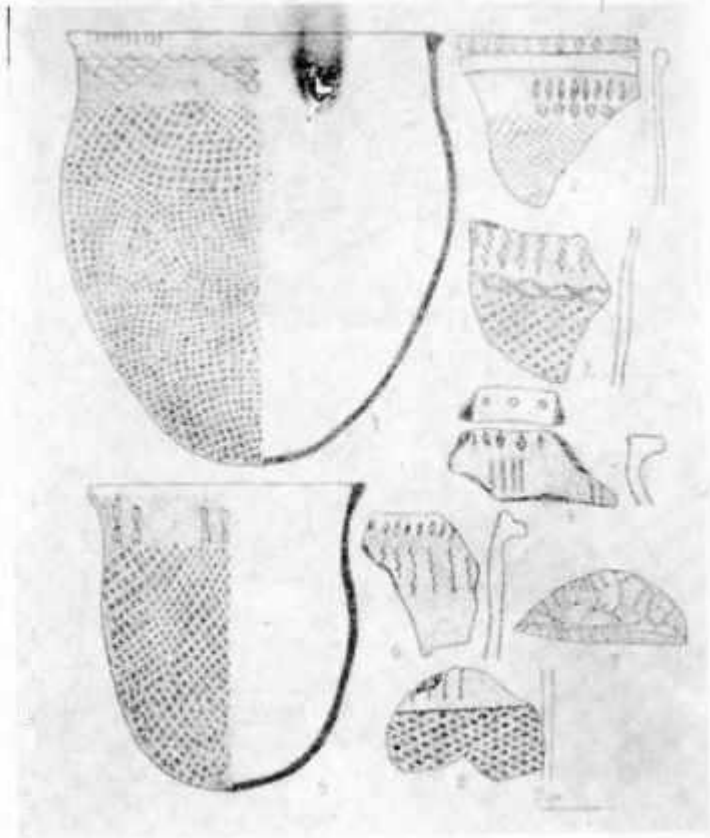


Рис. 4. Керамический материал (1—6, 8) и каменный нож (7) тзбаховской культуры в раскопе I, пос. Старая Какорма.

Рис. 5. Керамический материал (1—20, 34, 35, 38) и каменный инвентарь (21—33, 36, 39—45) польцевской культуры в раскопе I, пос. Старая Какорма.

Рис. 6. Керамический материал (1—17, 20—23, 25—33) и каменный инвентарь (18—19, 24, 34—36) из неолитического слоя раскопа I, пос. Старая Какорма.

С. В. Горбунов, В. Я. Горобец,

НОВАЯ ГРУППА ДОНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НА ЮГЕ САХАЛИНА

В мае 1985 года в 0,5 км восточнее шоссе Южно-Сахалинск—Корсаков в 14 км от Южно-Сахалинска к югу от дороги, ведущей к пионерскому лагерю «Олимпия», на пашне, С. В. Горбуновым обнаружен интересный археологический памятник, получивший название Олимпия 1. Тогда же в 0,5 км восточнее было найдено еще одно небольшое местонахождение археологического материала — Олимпия 2. В ноябре 1987 года на противоположном склоне широкой распаханной балки, примерно, в одном километре к юго-востоку от Олимпии 1, В. Я. Горобцом было открыто местонахождение Олимпия 3.

Памятники находятся на распаханных предгорных шлейфах южной., оконечности Сусунайского хребта, переходящих в этом районе в Корсаковское плато, простирающееся к югу до залива Анива. На цоколе из пород третичного возраста залегают четвертичные аллювиально-делювиальные глины и суглинки, содержащие археологический материал.

Стоянка Олимпия 1 расположена на пашне на западном склоне и вершине возвышенности, ограниченной с востока, юга и запада понижением рельефа в виде широких пологих балок. С нее открывается прекрасный вид на южную часть Сусунайской долины. К северу от стоянки проходит дорога, ведущая к пионерскому лагерю «Олимпия». В результате неоднократных подъемных сборов на стоянке была собрана коллекция, состоящая из 293 артефактов. Из них 89 артефактов представляют собой орудия, пластины и нуклеусы, а 204 — отщепы и отходы производства. При изготовлении орудий использовался обсидиан (242 экз.) и кремень различных оттенков серого цвета — 51 экз.

Почти все орудия сделаны из пластин и пластинчатых отщепов. Количество крупных изделий сравнительно невелико. Напротив, для Олимпии 1 следует отметить процесс микролитизацни каменных орудий. Из 204 отщепов — 163 или 79,9 проц. представляют собой мелкие отщепы и чешуйки. 145 из них сделаны из обсидиана. Из пластин 50,5 проц. изделий представляют собой мелкие пластинки размером от

1,0x0,3 см до 3,0x1,0 см (Рис. 2, 1—37). Все они, за исключением трех маленьких кремневых пластинок (Рис. 2, 18—20), изготовлены из обсидиана. На стоянке найдено 3 торцовых клиновидных (гобийских) нуклеуса (Рис. 4, 8—10), изготовленных из кремня и несущих следы скалывания тончайших микропластинок. Все нуклеусы сравнительно малых размеров, что позволяет отнести их к категории микронуклеусов. Микролитизация наблюдается в основном на изделиях из обсидиана. Изделия из кремня чаще всего средних размеров. Если не считать отщепов и микропластин, 21 орудие изготовлено из кремня, 22 — из обсидиана. Мелкие пластинки длиной от 1 до 2,5 см не имеют ретуши и, по-видимому, использовались как вкладыши для ножей. Пластины длиной от 3 до 5 см, напротив, почти все обработаны ретушью и использовались непосредственно как ножевидные и скребловидные орудия. Ретушь чаще всего мелкая, пологая, хотя имеются орудия, покрытые фасетками крупной ретуши.

Среди изделий, найденных на стоянке, трудно выделить какие-либо четкие классические типы орудий. Почти все орудия могли выполнять функции и ножа, и скребка.

Выделяется серия типологически близких орудий, изготовленных из кремня и по внешнему виду очень напоминающих резцы арая (Рис. 2, 41, 42, 44; Рис. 3, 13, 14, 16, 17). Все они в верхней части имеют диагональный скол, направленный справа налево. Но использовались они, вероятно, не только как резцы. С противоположной диагональному сколу стороны они обработаны ретушью, причем чаще всего только в верхней части орудия. Вполне возможно, что они служили комбинированными орудиями типа скребок-резец, нож-резец или просто как ножевидно-скребловидные орудия. В коллекции имеется и нож-резец (Рис. 3), диагональный скол у которого направлен слева направо, изготовленный на крупной обсидиановой пластине, а также ножи на пластинах (Рис. 2, 48; Рис. 3, 2).

На местонахождении Олимпия 2, находящемся в 0,5 км восточнее Олимпии 1, на пашне около дороги найдена мелкая обсидиановая пластинка размером 1,6x0,5 см (Рис. 4, 13), один отщеп из кремня (Рис. 4, 17) и три отщепа из обсидиана (Рис. 4, 14—16).

Местонахождение Олимпия 3 расположено в 1 км от Олимпии 1 на вершине распаханной возвышенности. Здесь найден обсидиановый скол (Рис. 4, 20), два ножевидно-скре-

бловидных орудия, одно из которых изготовлено ИЗ светло-серого кремня (Рис. 4, 18), другое — из окремненного алевролита (Рис. 4, 21) и крупный отщеп из светлого кремня (Рис. 4, 19).

К сожалению, немногие из находок могут являться датирующими элементами исследуемых памятников, но в целом стоянка Олимпия 1 по составу и типологии каменного инвентаря близка к стоянке Саккоцу на Хоккайдо, датированной по обсидиану возрастом 12500 лет назад.[1] Чуть позднее, наряду с начавшимися в это время на о. Хоккайдо процессом микролитизации каменных изделий, появляются миниатюрные призматические и конические нуклеусы, керамика, двусторонне обработанные наконечники стрел. Всего этого, кроме отмеченного выше процесса микролитизации, пока нет на стоянке Олимпия 1. Следовательно, ее предварительно можно датировать возрастом не моложе 12000 лет. Местонахождение Олимпия 2, по-видимому, синхронно стоянке Олимпия 1. Вопрос о возрасте Олимпия 3 ввиду малочисленности находок остается открытым.

Открытие новой группы донсолитических позднеплейстоценовых памятников на юге Сахалина, несомненно, дополняет наши знания по этому вопросу и представляет определенный научный интерес.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Деревянко А. П. Палеолит Японии. — Новосибирск, 1984. — С. 80.

[2] Собранные коллекции хранятся в фондах краеведческого клуба «Абориген» Сахалинского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Авторы выражают благодарность всем участникам работ и А. В. Белозерцеву за участие в подготовке иллюстраций для настоящей заметки.

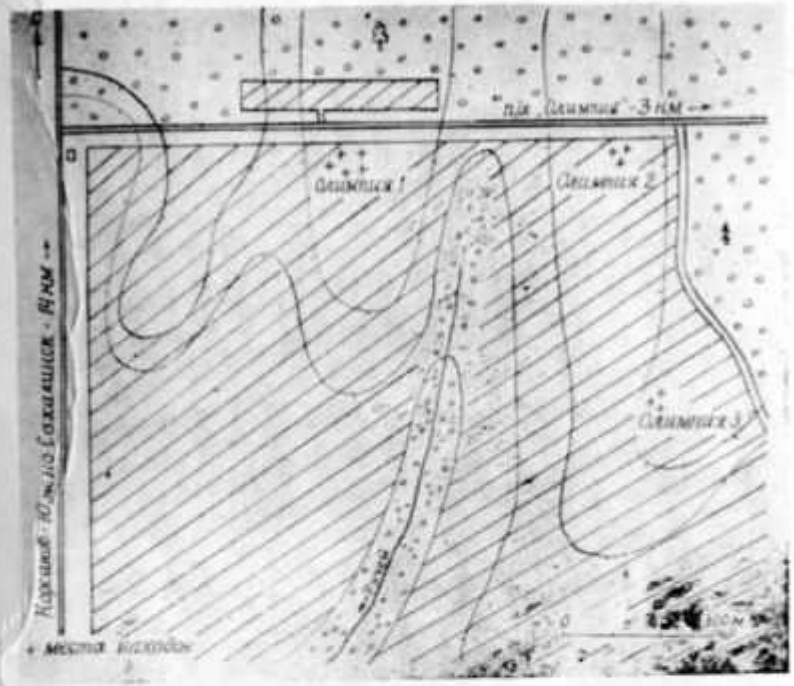
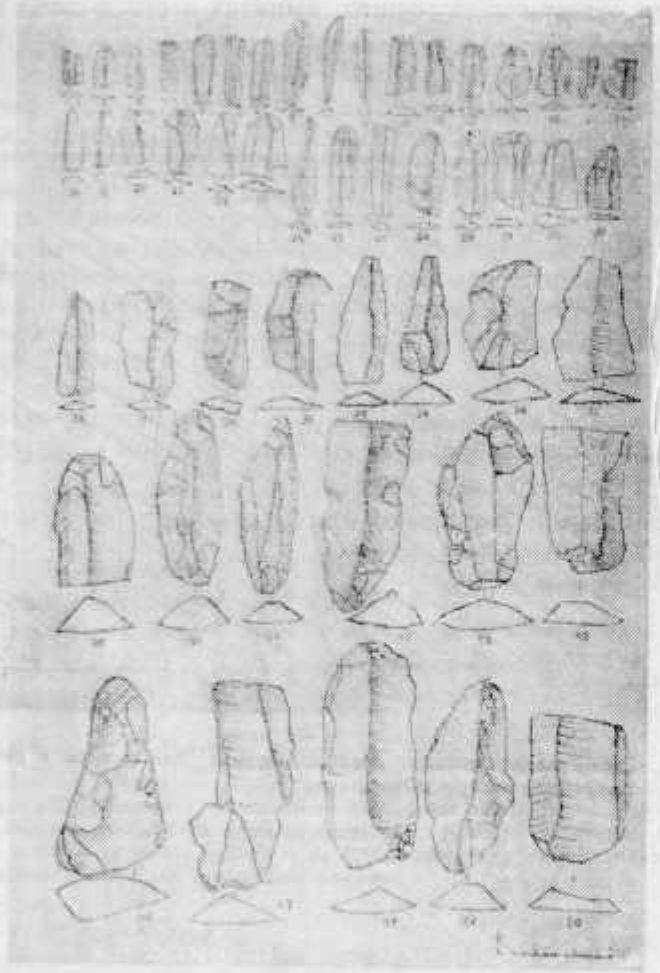


Рис. 1. Схема расположения археологических памятников в районе пионерского лагеря «Олимпия».



Ркс. 2. Каменный инвентарь стоянки Олимпия I. 1—17, 21—39 — из обсидиана, 18—20, 40—50 — из кремня.

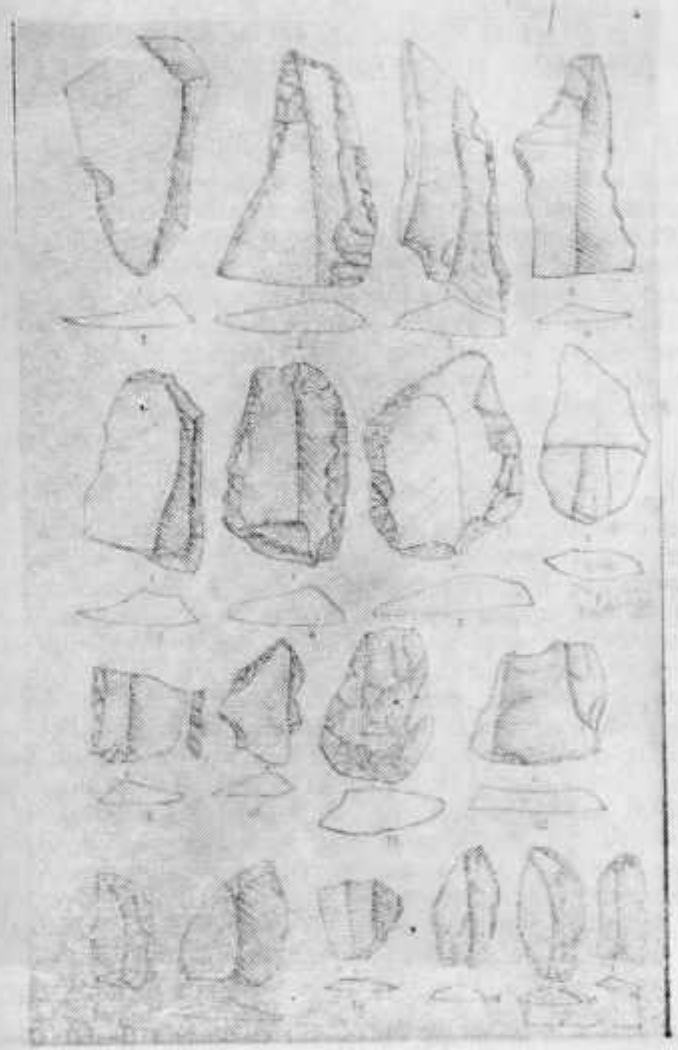


Рис. 3. Каменный инвентарь стоянки Олимпия 1: 1—12 — из обсидиана, 13—18 — из кремня.

Рис. 4. Каменный инвентарь памятников Олимпия I (1—12), Олимпия ? (13—17), Олимпия 3 (18—21): 1—7, 12—16, 20 — из обсидиана, 8—11, 17—19 — из кремня, 21 — из окремненного алевролита.

Н. В. Плотников

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В НЕВЕЛЬСКОМ РАЙОНЕ В 1990 г. РАЗМЕРНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ЖИЛИЩ

Невельский район богат памятниками археологии. В разные годы здесь работали японские и советские исследователи. В результате было выявлено значительное количество памятников древней истории острова. В полевой сезон 1990 г. археологическая лаборатория научно-исследовательского сектора Южно-Сахалинского госпединститута продолжила исследования в Невельском районе. Работы осуществлялись по условиям хоздоговоров. В итоге были открыты новые памятники, а также проведена глазомерная и инструментальная съемка некоторых ранее известных, но не опубликованных поселений.

ЧКАЛОВКА

Памятник расположен в 5 км южнее пос. Шсбунино, на удалении 700 м от берега Татарского пролива. Площадь поселения занимает вторую четырехметровую речную террасу правого берега р. Чкаловка. Памятник состоит из 17 видимых на поверхности западений, 2 из которых частично разрушены (Рис. 1). Выделяются котлованы, по внешнему контуру обнесенные валом, повторяющим форму западения. Ширина вала 1,5—2 м, высота 0,5 м. Размеры котлованов варьируют: диаметр от 6,5 до 9 м, глубина от 0,3 до 1,2 м. На береговых осыпях был собран археологический материал: отщепы, фрагменты плоскодонных сосудов, орнаментированные по налепному венчику прочерченными линиями, косыми насечками, композиционно образующими горизонтальный зигзаг, заключенный в параллельные линии. Обнаруженные артефакты типологически датируются временем охотской культуры.

ГОРБУШОВАЯ U

Поселение открыто в 1990 г. Оно расположено в 15 км южнее пос. Перепутье, на правом берегу р. Горбуша, примерно, в 400 м от берега моря. Котлованы жилищ выявлены на трех уровнях разрезанной ручьями террасы, соответственно на высоте 3, 6, 9 м над уровнем моря. Размещение котлова-

нов древних жилищ, а также различные размерные показатели (диаметр 4—14 м, глубина 0,4—2 м) позволяют предположить неодновременность их обитания (Рис. 4).

КОВРИЖКА

Поселение расположено на мысе Виндис, на плоской вершине выдающейся в море одиночной горы Коврижка высотой 70 м. Первые сведения о памятнике относятся к 1930-м годам. В японской литературе он известен под названием «энчиси».[2] Впоследствии в 1970-е годы памятник был переоткрыт и осматривался советскими археологами. В 1990 г. была проведена инструментальная съемка поселения. В ходе исследования выявлены 17 западений округлой и прямоугольной формы: диаметром 2—10 м, глубиной 0,4—1 м (Рис. 2). На площади памятника была собрана коллекция артефактов, представленная фрагментами плоскодонных сосудов охотского облика, наконечником стрелы треугольной формы с оттянутой шпорой, отщепами. Учитывая интересное топографическое расположение поселения — на высокой выдающейся в море отдельной горе, можно предположить, что оно было естественной крепостью. Люди в древности могли во время войн укрываться здесь от неприятеля, используя недоступность расположенных на вершине жилищ.

ВИНДИС II

Поселение обнаружено в 1989 г. в долине р. Виндис недалеко от места впадения в нее правого притока р. Дубинка. Расстояние до берега моря — 1400 м. На поросших лесом сопках выявлено 18 западений подпрямоугольной формы диаметром 5—12 м, глубиной 0,5—1,3 м (Рис. 3). Подъемный материал отсутствует.

КУЗНЕЦОВО VI

Поселение расположено на мысовидном выступе левого берега р. Кузнецовка в месте впадения в нее р. Сонька. Оно частично разрушено лесопосадками и эрозионными процессами. Всего в ходе исследования выявлены две группы западений подчетырехугольной формы. Первая находится на восьмиметровом уровне и связана с 5 котлованами жилищ диаметром 8—10 м, глубиной 0,8—1 м. По контуру двух из них фиксируются следы обваловки. Вторая группа — 2 котлована диаметром 8—8,5 м, глубиной 0,5 м. Они расположены на высоте 2—4 м над уровнем реки Кузнецовка (Рис. 4). В береговых осыпях найден керамический и каменный инвентарь.

Встречены обломки плоскодонных сосудов. Венчики оформлены в виде карниза-налепа, украшенного рядами горизонтальных прочерченных линий, косыми насечками, волнообразными защипами. Также обнаружен обломок наконечника стрелы с треугольным пером, намеченными плечиками и треугольным насадом-черешком.

В целом, обнаруженный материал аналогичен таковому из верхнего слоя поселения Кузнецово 1, расположенного в приустьевой части р. Кузнецовка, и типологически датируется поздними этапами развития охотской культуры.

СИ РАН У СИ ЧАС И

В японской литературе упоминания о древнем фортификационном сооружении Сирануси часи относятся еще к концу XVIII—началу XIX вв. Мамиа Риндзо, посетивший о. Сахалин в 1807—1809 гг., оставил следующее описание остатков «некогда разрушенного форта, называемого на языке аборигенов «часи»... Этот форт был с трех сторон обнесен насыпным валом, за которым располагались некогда заполненные водой рвы».[3]

4 июля 1990 г. автор в составе группы советских и японских исследователей (Прокофьев М. М., Сахалинский краеведческий музей, Е. Хиракава, Г. Ямада — исторический музей Хоккайдо) посетил памятник. Целью являлось сопоставление данных и определение современного состояния Сирануси часи.

Укрепление расположено в 2 км севернее м. Крильон на левом берегу ручья. На ровной поверхности 14—16-метровой морской террасы ясно фиксируются остатки трех соединенных между собой валов в виде квадрата без одной стороны, ориентированного углами по сторонам света (Рис. 6). С юго-западной стороны оборонительный вал отсутствует, граница укрепления проходит по краю обрывающейся вниз террасы. Между тем, судя по рисунку конца XVIII в., данный вал существовал.[4] По-видимому, он был разрушен эрозией. Средняя высота вала составляет 2,3 м от уровня поверхности внутренней территории, длина около ПО—115 м. Ширина вала в основании 6 м, наверху 2,5 м. Общая (внутренняя) площадь около 11000 кв. м. С внешней стороны укрепление опоясывает ров глубиной 0,8 м, шириной 1 м. В настоящее время в средней части сохранившихся валов симметрично расположены ворота, оборонительный ров перед ними отсутствует. Аналогичные ворота существовали и в юго-западной и северо-восточной стенах.

Проводимые в 30-е годы на Сиранусп часи исследования Кимура С. позволили выявить дополнительную информацию о наличии на углах укрепления квадратных выступов, а также располагавшиеся ранее в центре возвышенности площадью 6 кв. м, высотой 0,5 м, которую опоясывал канал глубиной около 1 м (Рис. 7).[5]

Аналогичное по форме и конструкции укрепление, но меньшее по размеру (длина стены 50 м), было обнаружено в с. Пугачево (Макаровский район).[6]

Полученные в результате полевых исследований сведения дополняют данные по археологическим памятникам Невельского района. Все эти материалы будут учтены при составлении свода памятников археологии Сахалинской области.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Есидзаки М. Древние культуры Южного Сахалина в свете японских исследований //Арктическая Антропология. — № 1, 2. —* 1963. — С. 131—157 на (англ. яз.),

Козырева Р. В. К истории культуры раковинных куч на о. Сахалине. — Материалы и исследования по археологии СССР. — № 131 //Палеолит и неолит СССР. — Т. 5. — М. — Л., 1965. — С. 281—296.

Голубев В. А. Археологические памятники Сахалинской области. — Южно-Сахалинск, 1973. — С. 28—32.

Шубин В. О., Шубина О. А. Стоянки первобытного человека на Южном Сахалине //Исследования по археологии Сахалинской области. — Владивосток, 1977. — С. 79—88.

[2] Нииока Т., Утагава Х. Археологические памятники на Южном Сахалине. — Саппоро, 1990. — С. 66 (на яп. яз.).

[3] Описание Северного Эдзо, сделанное Мамия Риндзо //Краеведческий бюллетень. — № 2. — Южно-Сахалинск, 1990. — С. 99.

[4] Ксерокопия рисунка из работы Ураками Химанодзе «Увиденное на острове Эдзо. 1799 г.». Хранится в научном архиве археологической лаборатории ЮСГПИ.

[5] Кимура С. О часи на Карафуто //Сообщение краеведческой лаборатории Кимура. — № 2. — Хонто, 1933. — С. 9—10 (на яп. яз.) //Перевод Ю Сон Гун.

[6] Там же. — С. 4.

РАЗМЕРНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ЖИЛИЩ

ЧКАЛОВКА

№	Диаметр	Глубина (м)	%	Диаметр	Глубина (м)
1.	8 X 8	1	10.	9,5 X 9,5	1
2.	9 X 9	1,2	11.	9,5 X 9,5	1
3.	7,5 X 7,5	0,5	12.	6,5 X 5	1,1
4.	9 X 9	1,3	13	6,5 X 6,5	0,6
5.	8 X 8	1,4	14.	6 X 6	0,7
6.	8,5 X 8,5	0,3	15.	6,5 X 6,5	1,1
7.	9 X 9	0,4	16.	7 X 7	0,8
8.	9 X 9	0,4	• 17.	7 X 7	0,8
9.	9 X 9	1			

ГОРБУШОВАЯ II

1	7 X 7	0,5	6.	12 X 12	1,5
2.	4 X 4	0,5	7.	9 X 9	0,5
3.	9 X 9	0,8	8.	10 X 10	0,5
4.	6 X 6	0,8	9.	7,5 X 7,5	0,5
5.	13 X 13	1,5			

КОВРИЖКА

1.	6 X 6	0,8	10.	2 X 2	0,4
2.	4 X 6	0,8	11.	4 X 4	0,6
3.	5 X 6	0,9	12.	10 X 10	0,9
4.	6 X 5	0,7	13.	4 X 5	1,1
5.	4 X 5	0,8	14.	5 X 7	1
6.	7 X 7	0,5	15.	8 X 8	0,8
7.	4 X 4	0,5	16.	7 X 5	0,8
8.	10 X 10	0,5	17.	6 X 7	0,8
9.	5 X 5	0,5			

№	Диаметр	Глубина (м)	№	Диаметр	Глубина (м)
	ВИНДИС II				
1.	6 X 8	1	6.	11 X 12	1
2.	6 X 7	0,8	7	8 X 8	1,3
3.	8 X 8	0,5	8.	15 X 13	1,5
4.	10 X 10	1,7	9.	5 X 5	0,7
5.	10 X 10	1	10.	10 X 8	1
			11.	5 X 5	0,6
			12.	12 X 10	1,2
			13.	12 X 10	1
			14.	10 X 10	1,5
			15.	10 X 10	1,3
			16.	10 X 10	0,6
			17.	8 X 8	0,7
			18.	7 X 7	0,5
	КУЗНЕЦОВО VI				
1.	8 X 8	0,5			
2.	8,5 X 8,5	0,5			
3.	8 X 8	0,5			
4	8 X 8	1			
5.	10 X 10	0,9			
6.	10 X 10	0,8			
7.	10 X 10	1			

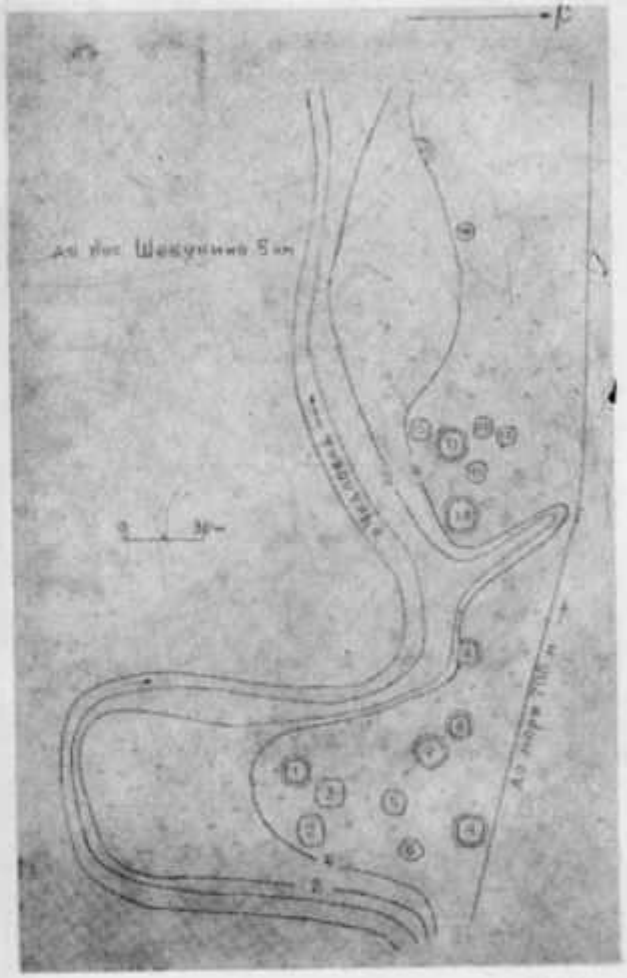


Рис. 1. План поселения Чкаловка.

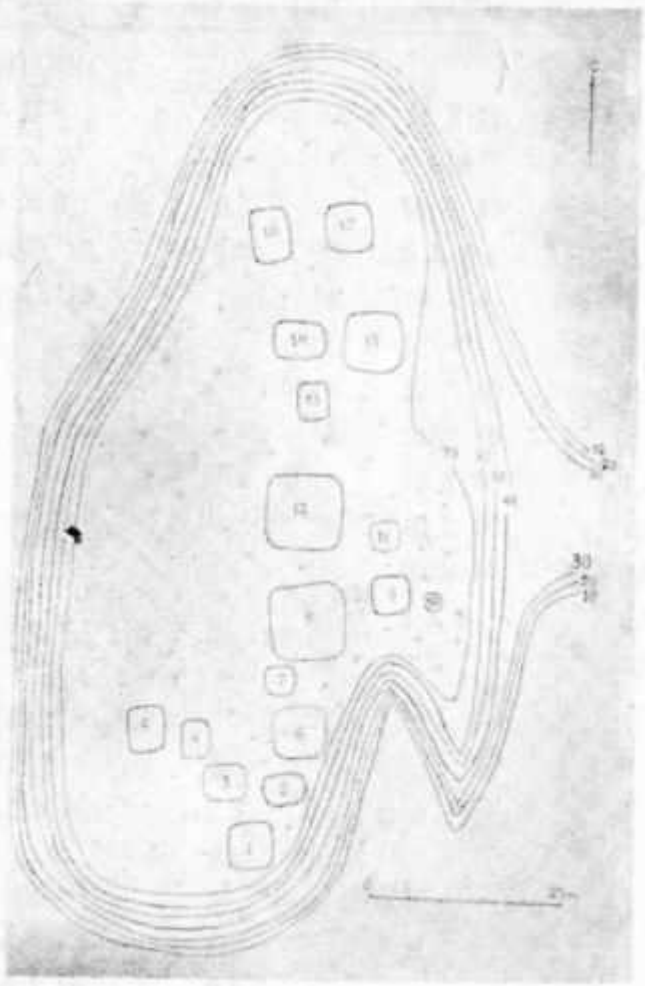


Рис. 2. План поселения Коврижка.

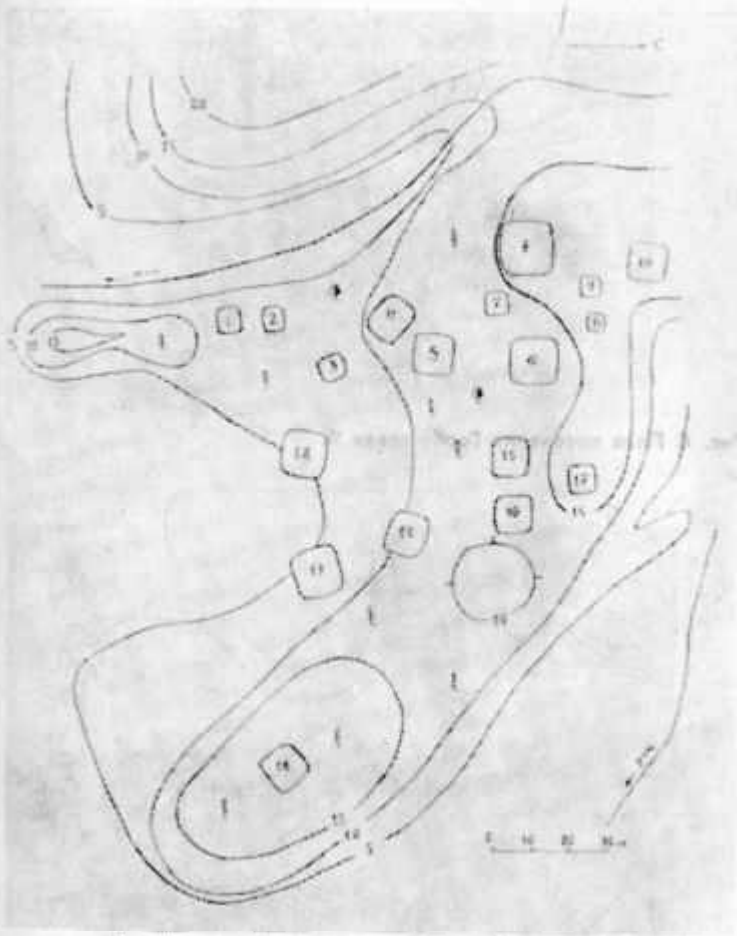


Рис. 3. План поселения Виндис II.

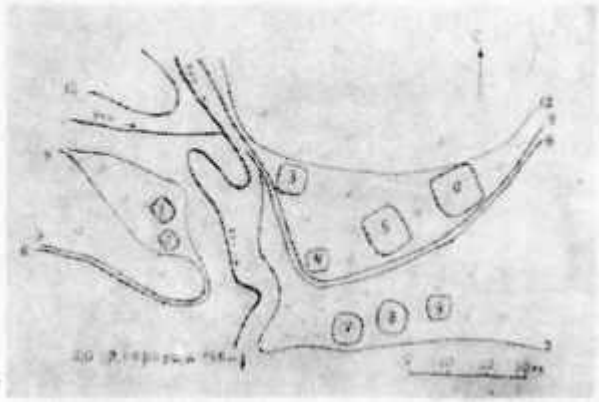


Рис. 4. План поселения Горбушовая II.

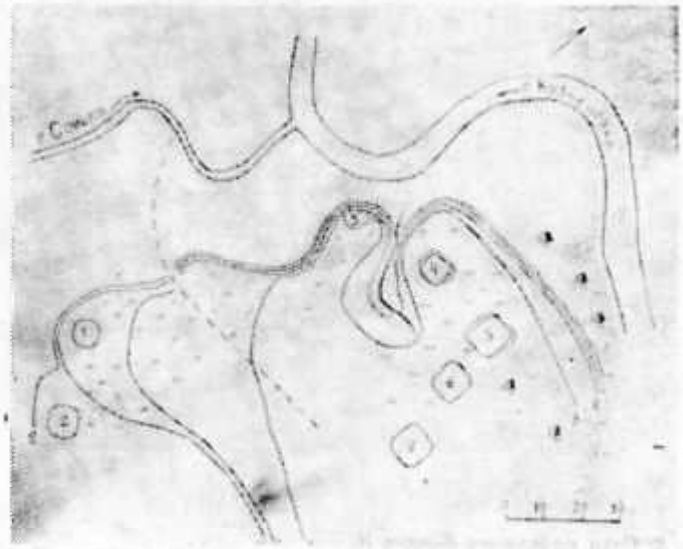


Рис. 5. План поселения Кузнецове VI.

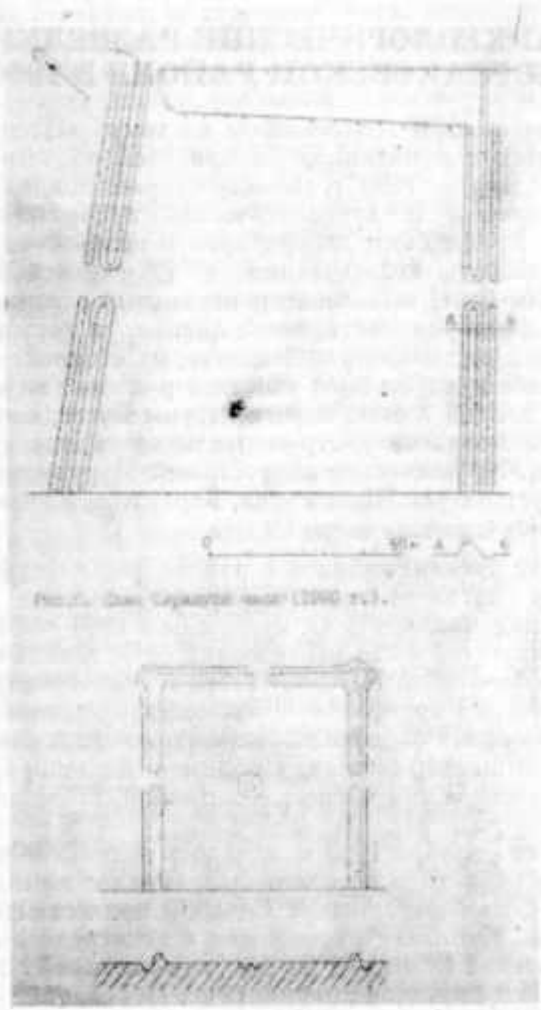


Рис. 7. План Сирануси часи (по Кимура С, 1933).

И. А. Самарин

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В КОРСАКОВСКОМ РАЙОНЕ В 1990 г.

В соответствии с хоздоговором на тему «Паспортизация археологических памятников Сахалинской области», заключенным в марте 1990 г. между управлением культуры Сахоблисполкома и археологической лабораторией НИС ЮСГПИ, сотрудниками лаборатории в полевой сезон 1990 г. были произведены исследования в Корсаковском районе. Целью работ было выявление и первичный осмотр памятников древней истории, составление планов, а также проверка современного состояния ранее известных стоянок. Осматривались берега предустьевых участков рек на юго-западном побережье залива Анива, берега лагуны Буссе, озера Тунайча. Была произведена инструментальная съемка стоянок на территории Муравьевского полуострова: Муравьево-2, 3, 4, 5, стоянок в устьях рек Шишкевича, Горемыка, Южанка, комплекса стоянок в районе озера Седых.

Комплекс древних стоянок в районе озера Седых.

Стоянка на юго-западной окраине поселка Охотское впервые осматривалась В. О. Шубиным в 1980—81 гг. В 1988-90 гг. она частично была исследована сотрудниками археологической лаборатории НИС ЮСГПИ. В обнажениях была собрана коллекция артефактов: проколка, 3 нуклевидных обломка, 3 концевых скребка на отщепах, обломок наконечника, 2 ножа на отщепах, 4 тесла, 4 обломанных топора, 24 фрагмента керамики, в том числе тонкостенной, 77 сколов и отщепов.

В августе—ноябре 1990 г. началось детальное обследование местности, в ходе которого был выделен комплекс древних стоянок на берегах озера Седых и прилегающих к нему территориях. Комплекс расположен в непосредственной близости от поселка Охотское, на его юго-западной окраине. В него включено 7 пунктов-стоянок (Рис. 1).

1 пункт, насчитывающий 975 котлованов древних жилищ, распространяется к югу от озера Седых и ограничивается с востока берегом протоки Красноармейская, с запада — протокой, соединяющей озера Седых и Тунайча. Котлованы занимают поверхность 4—6 м террасы, покрытой хвойным лесом в южной и смешанным лесом в северной части памятника. Размеры котлованов четырехугольной формы размером от 2x2 до 18x18 м, при глубине 0,4—1,5 м. Они ориентированы, как правило, стенками по сторонам света, хотя отмечена ориентация и углами. Встречаются котлованы с обваловкой и четко фиксируемым выходом. Часть котлованов разрушена при строительстве дороги, рыбацкого стана и базы отдыха.

Пункт 2 расположен на правом берегу протоки, соединяющей озера Седых и Тунайча, на поверхности 10 м террасы. Основная масса жилищ тяготеет к юго-восточному краю террасы. Отмечено около 20 котлованов четырехугольных жилищ размером 6x6, 8x8 м, глубиной 0,6 м.

Пункты 3, 4, 5, 6 расположены на 10 м террасах — мысах в западной и северо-западной части озера Седых. Пункт 7 насчитывает около 250 котлованов жилищ. Он расположен на восточном и северо-восточном берегах озера Седых. С востока и запада стоянка ограничивается уступами террасы, с севера — автомобильной дорогой Южно-Сахалинск—Охотское. Котлованы привязаны к руслам впадающих в озеро ручьев и краям 10 м террасы.

Общая площадь комплекса, насчитывающего около 1550 котлованов жилищ, составляет 1,5 кв. км. Столь плотная концентрация жилищ на'сравнительно небольшой территории объясняется, с одной стороны, необычайно удобным местом для поселения древних рыболовов и охотников: озера лежат на путях сезонных миграций перелетных птиц, протока Красноармейская соединяет Охотское море с нерестилищами лососевых рыб, озеро Седых является крупным источником пресной воды. С другой стороны, очевидно, что котлованы комплекса разновременны: отмечены «котлован в котловане», часть котлованов разрушена при строительстве более поздних жилищ.

СТОЯНКИ МУРАВЬЕВСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Стоянки в районе поселка Муравьево известны еще по работам японских археологов.[1] В различные годы они обследовались и советскими археологами В. А. Голубевым и В. О. Шубиным.[2] В 1988, 1990 гг. на полуострове работали сотрудники археологической лаборатории НИС ЮСГПИ. Были исследованы стоянки Муравьево-2, 3, 4, 5, произведен сбор подъемного материала, сделана инструментальная съемка местности (Рис. 2).

Муравьево-2. Стоянка расположена в 250 м к юго-востоку от небольшого озера на восточной окраине пос. Муравьево. 5 м терраса, на которой находится стоянка, покрыта хвойным лесом, опушка которого является своеобразной границей памятника на юго-западе и севере. Восточной границей стоянки является место сбора подъемного материала. На территории памятника отмечено 38 западений квадратной формы. 14 из них имеют размеры 5х5 м при глубине *0,4*—0,5 м, 4 — 4х4 м, 9 — 6х6 м, 3—7х7 м, глубиной 0,4—0,6 м, 3 — 8х8 м, глубиной 0,5— 1 м, 2 — 15х15 м, глубиной 1 м, одно прямоугольное западение 10х12 м соединено с соседним ходом-канавкой. Большинство западений ориентировано по сторонам света стенками, 5 — углами. На обнажениях в восточной части стоянки собран подъемный материал: 7 фрагментов керамики найдзи, 2 обломка металлического котла, 2 концевых скребка.

Муравьево-3. Стоянка расположена в 2,5 км к юго-востоку от пос. Муравьево. Она занимает территорию двух невысоких террасок-островков, покрытых хвойным лесом. Границы стоянки пролегают по опушкам леса. Особенности рельефа позволяют выделить 2 пункта стоянки, расстояние между которыми составляет около 50 м. Пункт 1 расположен в 350 м к востоку от берега залива Анива, на западном крае 10 м террасы. Зафиксировано 19 западений, среди которых 7 имеют округлую форму, остальные — прямоугольных очертаний. Выделено 7 западений 5х5 м, 3 — 6х6 м, 6 — 4х4 м, 1 — 8х8 м, 1 — 9х9 м, 1 — 10х10 м, глубиной 0,4—0,8 м. Самый крупный котлован имеет обваловку и выход на восток. Пункт 2 расположен в 50 м к югу от пункта 1. Отмечено 15 прямоугольных котлованов древних жилищ, среди которых — 2 размером 10х10 м, 4 — 8х8 м, 2 — 7х7 м, 5 — 6х6 м, 1 — 5х5 м, 1 — 4х4 м, глубиной 0,4—0,8 м. Основная часть котлованов ориентирована по сторонам света стенками, 3 — углами, 2 котлована в западной части стоянки разрушены пашней. На пашне собран подъемный материал: 38 фрагментов керамики охотского облика, два фрагмента керамики найдзи, 8 отщепов и сколов, наконечник копья и обломок ножа.

Муравьево-4. Стоянка расположена в 3,5 км к юго-востоку от пос. Муравьево. Она занимает поверхность небольшого холма, возвышающегося на 1,5—2 м над заболоченной поверхностью 10 м морской террасы. Расстояние от памятника до берега залива Анива — 440 м. Поверхность стоянки покрыта редким хвойным лесом. Зафиксировано 15 сильно оплывших котлованов округлой и овальной формы. Большая часть их имеет глубину 0,8—1 м, одно западение — 0,5 м, 7 котлованов имеют размеры 7х7 м, 4 — 6х6 м, 2 — 8х8 м, 1 — 5х5 м, 1 — 6х10 м.

Муравьево-5. Стоянка расположена в 4,5 км к юго-востоку от пос. Муравьево, в 0,5 км от устья безымянного ручья, впадающего в залив Анива. Котлованы обнаружены на поверхности 20 м морской террасы, у подошвы круто поднимающейся вверх сопки. Памятник насчитывает 109 котлованов жилищ, вытянутых вдоль склона террасы с юга на север. Остатки жилищ неодновременны, о чем свидетельствуют котлованы, разрезанные при строительстве других, более поздних.

Отмечены котлованы с валом, некоторые имеют выход. Ориентация котлованов произвольная, преобладает по стенкам. Превалирует четырехугольная форма западений, встречены котлованы округлой и овальной формы. На обнажениях собран подъемный материал: 38 фрагментов керамики, орнаментированной горизонтальными прочерченными линиями, косыми насечками и каннелюрами.

Работа в районе Муравьевского полуострова включала осмотр и фотофиксацию состояния стоянок в устьях рек Игривая и Островка, а также осмотр долины реки Шишкевича. В результате была обнаружена стоянка, названная Шишкевича-2. Памятник расположен в 3,5 км к югу от поселка Береговое, в северной части 5 м террасы, покрытой хвойным лесом. У северного и восточного подножий террасы местность заболочена, вдоль западного — пролегает автодорога Корсаков—Новиково. В 35—40 м на запад от края террасы — берег лагуны Буссе. Зафиксировано 9 котлованов прямоугольной формы, глубиной 0,3—0,5 м. 4 котлована имеют размеры 4х4 м, 2 — 5х5 м, 2 — 6х7 м, 1 — 7х7 м. Крайний южный котлован врезан в северный склон 2-го уступа террасы.

Северное Урочище (Рис. 3). Стоянка открыта в 1987 году экспедицией ЮСГПИ. Расположена на левом берегу р. Южанка в 200 м к востоку от ее устья. Котлованы жилищ можно разделить на 3 группы. 1 группа, насчитывающая 3 западения, расположена на левом берегу небольшого ручья, впадающего в р. Южанка. Котлованы четырехугольной формы врезаны в северный склон 12 м террасы. 2 группа, также из 3-х котлованов, расположена возле северного края 5 м террасы, на правом берегу ручья. В 60 м к югу от них

расположена основная масса котлованов—22. Они находятся на поверхности 5 м террасы, постепенно повышающейся к югу. Самые южные котлованы стоянки врезаны в склон на уровне 12 м. Два котлована в западной части памятника разрушены в результате эрозии почвы. Отмечены котлованы следующих размеров: 6 — 4х4 м, 9 — 5х5 м, 8 — 6х6 м, 1 — 5х6 м, 3 — 8х8 м, глубиной 0,4—1 м.

Стоянка в долине р. Горемыка известна с 30-х годов как Команбецу-4 (Мраморная-4).[3] В 1987 г. долину исследовал отряд под руководством А. А. Василевского. Было зафиксировано 2 местонахождения: на правом берегу реки в 40 м от устья — Горемыка-1[4] и в долине — Горемыка-2.

Стоянка Горемыка-2 расположена на северном борту долины реки, на левом берегу безымянного ручья, впадающего в р. Горемыка (Рис. 4). Котлованы зафиксированы на 3-х четко выделенных уровнях 12—15 м террасы, узким языком выдающейся в долину. С востока, юга и запада терраса граничит с заболоченной поймой ручья. Первая группа котлованов расположена на 3-х м уровне и насчитывает 14 котлованов, вторая в количестве 14 — на 8 м, 7 — на 12 м. Группа из 6 котлованов располагается на 8-метровой террасе-мыске, образованной двумя ручьями. Отдельный котлован зафиксирован на правом берегу ручья. Отмечены котлованы следующих размеров: 3 — 4х4 м, 18 — 5х5 м, 1 — 4х5 м, 13 — 6х6 м, 3 — 5х6 м, 2 — 7х7 м, 2 — 6х7 м, 1 — 12х8 м, глубиной 0,4—0,8 м. Все котлованы ориентированы по сторонам света стенками. В обнажении обнаружен подъемный материал — фрагмент керамики, орнаментированный треугольным штампом.

Таким образом, в полевой сезон 1990 г. были получены новые сведения и уточнены данные о памятниках древней истории Корсаковского района, которые будут использованы при составлении Свода памятников истории и культуры Сахалинской области.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Нииока Х., Утагава Т. Археологические памятники на южном Сахалине. — Саппоро. — 1990. — С. 116, 118 (на япон. яз.).

[2] Голубев В. А. Археологические памятники Сахалинской области. — Южно-Сахалинск, 1973. — С. 17. Археология Амуро-Сахалинского региона. — Владивосток, 1979. — С. 74.

[3] Нииока Х., Утагава Т. Указ. соч. — С. 129.

[4] Василевский А. А. Отчет о работах 1 археологической лаборатории ЮСГПИ на южном Сахалине в полевой сезон 1988 г. — Южно-Сахалинск, 1989. — С. 48—49.

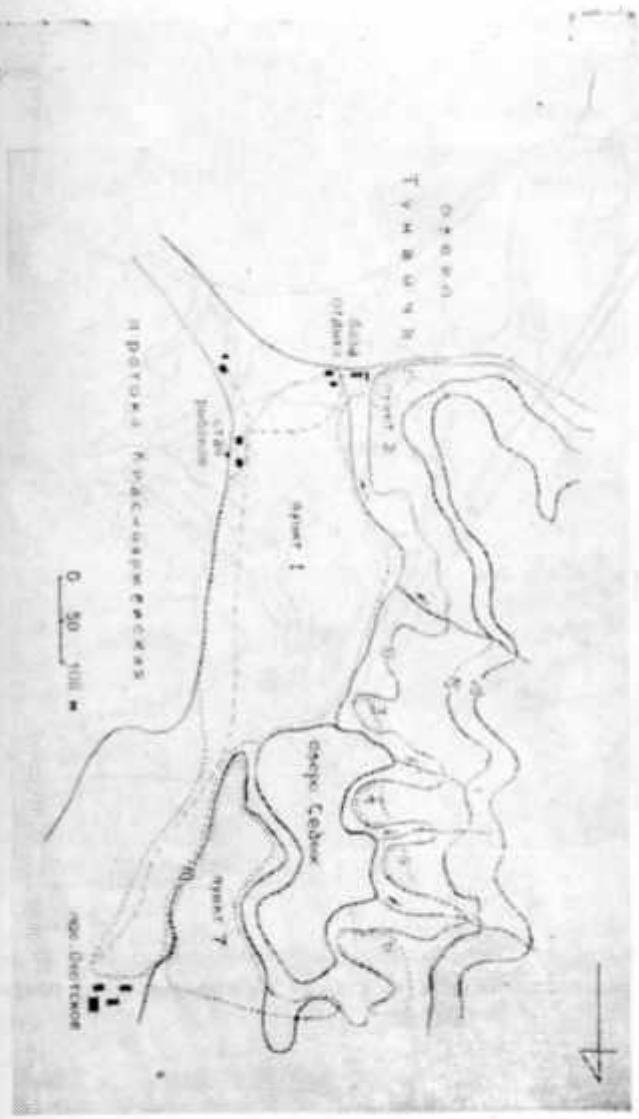


Рис. 1. Схема расположения комплекса древних стоянок озера Седых.

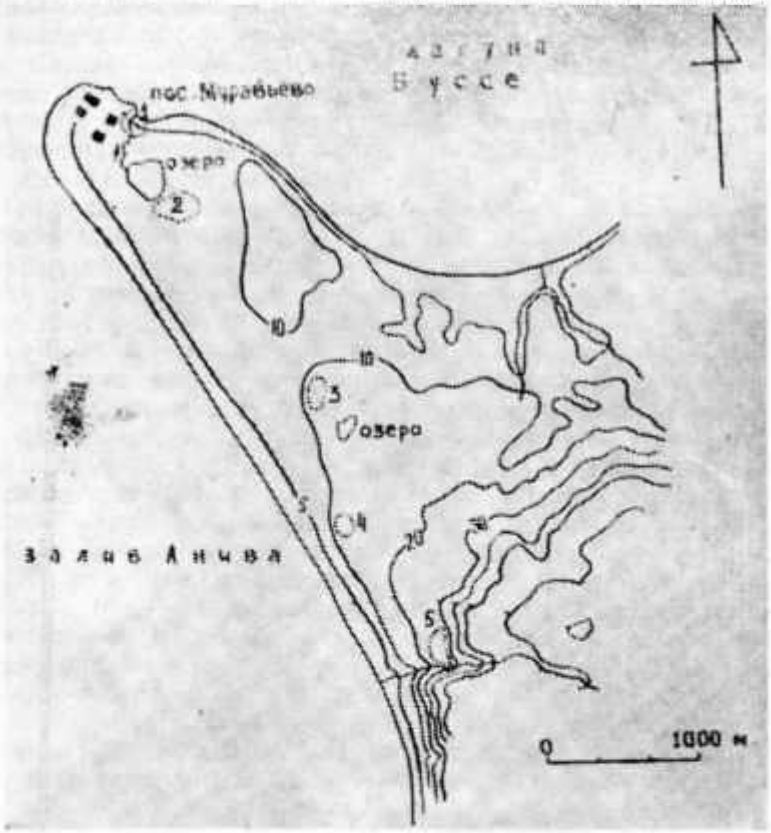


Рис. 2. Схема расположения древних стоянок на Муравьевском полуострове.

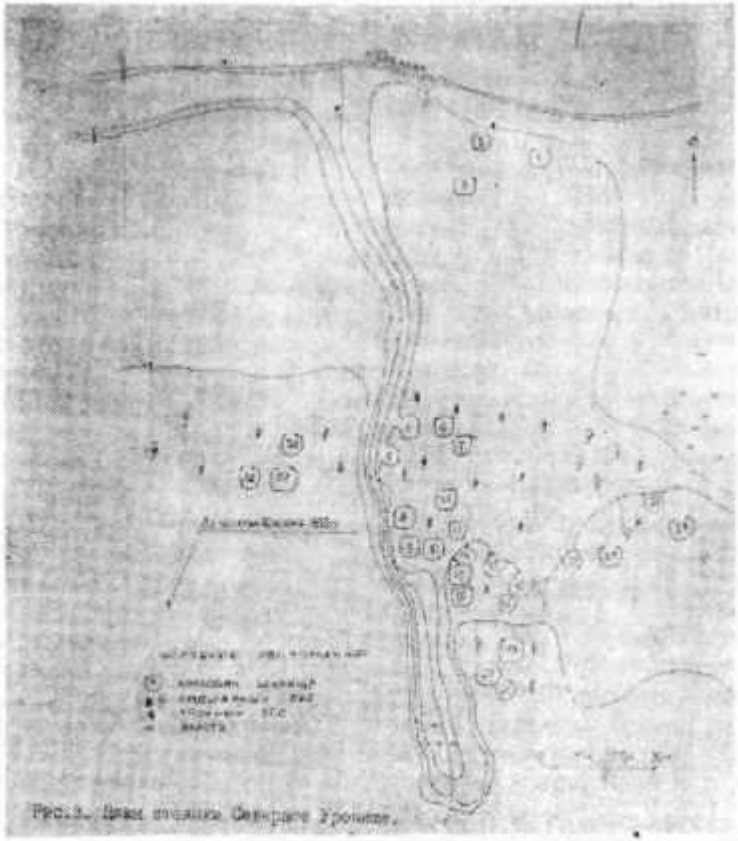


Рис. 3. План стоянки Северное Урочище.

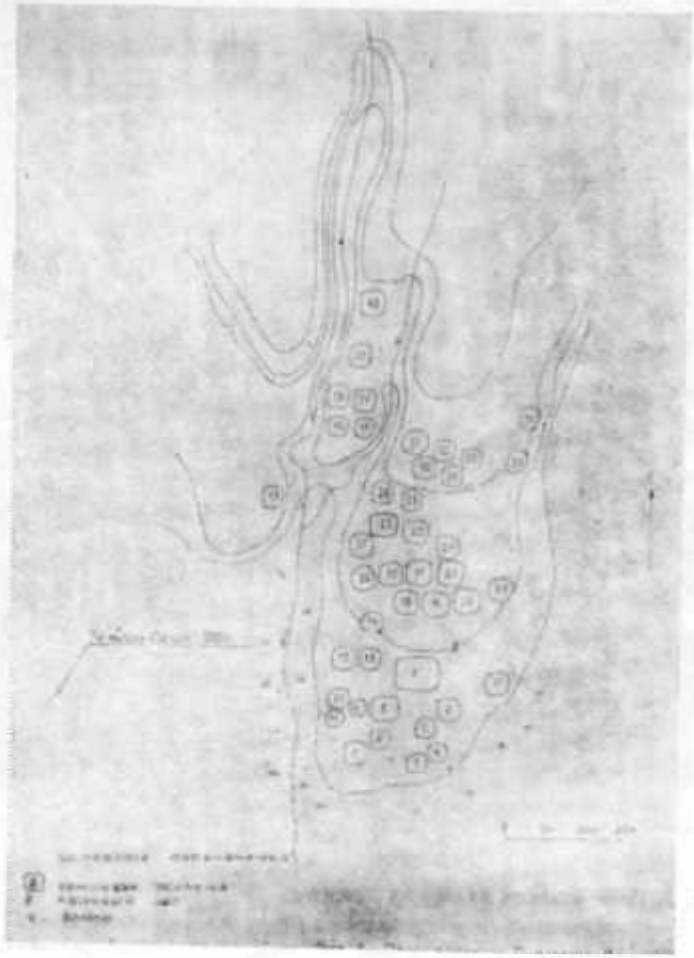


Рис. 4. План стоянки Горемык* II.

С. В. Горбунов

ГОРНОЗАВОДСК-2 — ПАМЯТНИК ЮЖНОСАХАЛИНСКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Начиная с 1979 г., на Сахалине проводится изучение памятников южносахалинской неолитической культуры, широко распространенной на Сахалине 5—7 тысяч лет назад и впервые обнаруженной еще японскими археологами. Памятники этой культуры обычно расположены на высоких от 20 до 80 метров речных и морских террасах, иногда в некотором удалении от моря. На поверхности этих террас обнаружены прямоугольные со сглаженными углами котлованы полуподземных жилищ. Сейчас археологам известно около 20 таких памятников, расположенных как на западном, так и на восточном побережье Сахалина. Это поселения Садовники 2, Пугачево 7, Красногорск 2, Славная 3,-Кузнецове 2—4 и др.

Широкие раскопки стоянки Садовники 2, проведенные в 1979—81 гг., дали уникальный материал. Яркой его чертой является обилие необычной керамики — плоскодонных сосудов с плавно расширяющимися вверх стенками, донышки и очертания венчиков не круглые в плане, как обычно, а прямоугольные. Венчики сосудов украшены выступами треугольных очертаний, а стенки — налепными валиками, иногда очень причудливых форм. Каменный инвентарь очень разнообразен. Это наконечники стрел, дротиков, копий, ножи, скребки, тесла, каменные шлифованные стерженьки и т. д.[1]

Начиная с 1987 года, краеведческий клуб «Абориген» Сахалинского отделения ВООПИК проводит ежегодные сборы подъемного материала на стоянке Горнозаводск-2 — еще одном памятнике этой культуры.[2] Стоянка расположена в черте г. Горнозаводска на мысовидном выступе террасы правого борта р. Лопатинки в 1 км от берега моря. К сожалению, культурный слой памятника полностью разрушен во время строительства слаломной трассы. Ниже приводится описание коллекции, собранной на этом памятнике.[3]

Наконечники стрел (6 экз. Рис. 1, 11—16). Изготовлены из светло-серого кремнистого сланца (Рис. 1, 11—13, 15), коричневого кремня (Рис. 1, 14), зеленого кварцита (Рис. 1, 16). Все они довольно крупные (4,5—6,5 см), самых различ-

ных форм. Лишь один наконечник тонкий и легкий, изготовлен на неправильной пластине, ретушированный по краям лишь в нижней части как с вентральной, так и с дорсальной стороны (Рис. 1, 15). Остальные, более массивные наконечники, изготовлены на пластинчатых отщепах и обработаны крупной диагональной ретушью с обеих сторон.

Рубящие орудия (Рис. 2, 3—11) представлены преимущественно миниатюрными стамесочками, предназначавшимися, по-видимому, для таких специальных операций как выдалбливание дерева при изготовлении деревянной посуды. Для деревянной посуды корытообразная, подпрямоугольная форма гораздо удобнее, чем цилиндрическая. Вполне возможно, что, войдя в традицию, эта форма перешла и на керамические сосуды южносахалинской неолитической культуры. Относительно широкое распространение миниатюрных инструментов (долота, тесла, стамески) в неолите Южного Сахалина косвенно подтверждает широкое распространение деревообработки и наличие деревянных изделий, включая посуду из дерева. Лишь одно тесло имеет более значительные размеры (Рис. 2, 3). Оно изготовлено из зеленовато-серого кремнистого сланца. Остальные инструменты этой серии изготовлены из окремненного аргиллита (Рис. 2, 4—6, 8—9), светло-зеленого кремнистого сланца (Рис. 2, 7), грязно-желтого окремненного алевролита (Рис. 2, 10) и базальта (Рис. 2, 11).

Ножевидно-скребловидные орудия имеются различных типов. К первому относятся обычные ножи удлиненной формы, обработанные двусторонней ретушью (Рис. 1, Л—2), из серого кремнистого сланца. Ко второму типу относятся ножи-скребки с выделенной рукояткой, изготовленные из окремненного горельника (Рис. 1,6) и голубовато-серого окремненного аргиллита (Рис. 1, 7). К третьему типу можно отнести типичный концевой скребок из светло-коричневого кремня (Рис. 1, 5). К четвертому — боковые скребки на пластинчатых отщепах из кремнистого сланца (Рис. 1, 8) и окремненного аргиллита (Рис. 1, 9—10). И, наконец, к пятому типу отнесем прекрасно отделанный широкий скребок-нож листовидно-овальных очертаний, изготовленный из матового молочно-белого халцедона (Рис. 1, 4).

Каменные стержни (Рис. 2, 1—2) — это специфические изделия южносахалинской неолитической культуры, которые обычно считаются штампиками для нанесения орнамента на керамические сосуды. Такие изделия найдены как при раскопках стоянки Садовники 2, так и на других памятниках этой

культуры. Они изготовлялись обычно из удлиненных галечек алевролита путем шлифования. Один или оба конца их слегка приострены. И если ранее найденные на других памятниках изделия можно считать штампиками для нанесения орнамента, то для двух аналогичных предметов из Горнозаводска 2 трудно предположить подобное использование. Вместе с тем, они несколько напоминают значительно уменьшенные по размерам каменные палки сэкибо, распространенные в дземоне Японских островов. Большинство исследователей видят в сэкибо культовое изображение фаллоса. Обычно один или оба конца их оформлены в виде головки фаллоса. Фаллические предметы найдены не только в Японии, но и в Приамурье, причем там они значительно меньших размеров. Возможно, и в Гориозаводске мы имеем дело с фаллическими предметами. Оба предмета с двух концов имеют выделенные головки. На одном имеются насечки в виде буквы «И» (Рис. 2, 1). Пока предположение о культовом назначении каменных стерженьков -можно принять как рабочую гипотезу, которую могут подтвердить или. опровергнуть новые находки к новые суждения.

Опцепы (449 экз.) и прочие каменные изделия. Отщепы по материалу разделяются следующим образом: кремнистый сланец — 115, голубовато-серый аргиллит — 108, окремненный горельник — 110, черный аргиллит — 50, серый окремпенный алевролит — 22, халцедон — 15, базальт — 18, зеленый кварцит — 5, яшма — 4, роговик — 1, обсидиан — 1.

Кроме того, найдено 8 обломков ножевидно-скребловидных орудий, 5 обломков топоров и тесел, 11 отщепов с ретушью и один обломок ножевидной пластины с ретушью по краю.

Керамика (15 экз.) представлена фрагментами венчиков (6 эш^,~донышек (1 экз.), стенок (7 экз.) и налепа в виде ушка (ручки сосуда). Цвет черный и светло-коричневый. Черепок пористый, что говорит об использовании органических добавок^в^кетгамическое тесто, но в изломе просматриваются и добавки в виде мелкого песка и мелких белых зерен (толченой раковины?). Единственный фрагмент (Рис. 1, 3) украшен горизонтальным налепом вдоль венчика.

По всем параметрам стоянку Горнозаводск 2 можно отнести к южносахалинской неолитической культуре и датировать возрастом около 6 тыс. лет. Аналогии материалам этого

памятника можно найти во всех памятниках этой культуры на юге острова, а также в некоторых неолитических памятниках Северного Сахалина; имени Полевого,[6] Даги 2[7] и др.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Шубин В. О., Шубина О. А., Горбунов С. В. Неолитическая культура на Южном Сахалине. Препринт. Южно-Сахалинск, 1982.

[2] Горбунов С. В. Отчет об археологических исследованиях на Южном Сахалине в полевой сезон 1987 года. — Архив ОПИ ИА АН СССР.

[3] Коллекция хранится в фондах кооперативного научно-краеведческого центра «Этнос» в с. Пугачево Макаровского района Сахалинской области.

[4] Васильевский Р. С, Лавров Е. Л, Чан Су Бу. Культуры каменного века Северной Японии. Новосибирск, 1982. — С. 174,

[3] Лапшина 3. С, Горбунов С. В. Новые археологические памятники в бассейне Нижнего Амура //Древние культуры Дальнего Востока СССР (Археологический поиск). Препринт. Владивосток, 1989. — С. 51, рис. 7,4.

[6] Сборы А. С. Колосовского. Коллекция КНКЦ «Этнос» (с. Пугачево).

[7] Сборы А. С. Колосовского. Коллекция Охинского краеведческого музея № 1412/532.

Рис, I. Каменный инвентарь и керамика стоянки Горнозаводск 2.

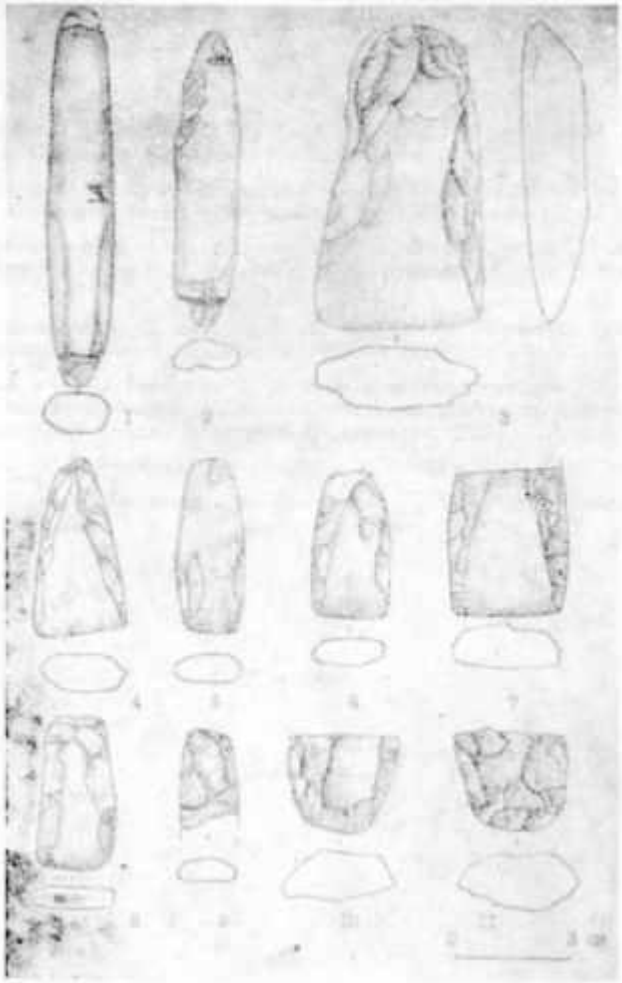


Рис. 2, Каменный инвентарь стоянки Горнозаводск 2.

М. М. Прокофьев, В. Я. Горобец

ОТКРЫТИЕ НОВОЙ АЙНСКОЙ КРЕПОСТИ-ЧАСИ НА ЮЖНОМ САХАЛИНЕ

В Японии исследования айнских крепостей-часи ведутся с начала 1930-х годов и продолжаются до настоящего времени. Причем, японские археологи перешли от простой фиксаций памятников' к их систематическим раскопкам,[2] чего нельзя сказать об исследованиях аналогичных памятников айнской культуры на Сахалине.

Более 50 лет со времени открытия японскими археологами часи на южном Сахалине (Карафуто)[3] о существовании их на острове сахалинские археологи не располагали никакой информацией. Потепление в отношениях между СССР и Японией, наметившееся в последние годы, способствовало установлению более тесных научных контактов археологов двух стран. И это уже приносит свои ощутимые результаты.

В июле 1990 г. одним из авторов данного сообщения совместно с японскими археологами из Музея истории освоения Хоккайдо (г. Саппоро) Хирагава Есинага, Ямада Горо и научным сотрудником археологической лаборатории НИС ЮСГПИ Плотниковым Н. В. была обследована крепость, известная по публикации Ито Нобуо как крепость китайского типа — часи Сирануси (по другим источникам проходит как земляное укрепление Гуй, по айнски — Тойчаси)[4] (Рис. 1).

Она располагается на крайнем юго-западном побережье острова в 2 км к северу от м. Крильон и сооружена на 15—16-метровой террасовидной поверхности с системой насыпных земляных валов высотой около 2 м, разделенных в центре воротами. С северной и южной стороны крепости вырыты рвы глубиной 0,8 м,[5] ориентированные по направлению восток-запад. За 57 лет, прошедших после исследования ее японскими археологами Ито Нобуо и Кимура Синроку, крепость не претерпела существенных изменений.[6]

Вместе с японскими археологами мы осмотрели еще несколько айнских крепостей: на 2-й горке (бывшем холме Отомэгаока) на поселении Стародубское III, расположенном в 1 км к югу от одноименного поселка (быв. Сакаэхама) в Долинском районе, а также Минамикайдзука (Южная Кайдзука), занимающая террасовидный уступ на южной окраине пос. Соловьевка (Кайдзука), на котором ныне размещается

кладбище, и крепость на мысе в урочище Белокаменное (Хаттамисаки или Хатсукохама часи) на 61 км дороги Корсаков —Озерск в Корсаковском районе. Но, если первые две часи были впервые описаны Кимура Синроку в 1933 г.,[7] то последняя — Нииока Такехико — в 1939 г.[8]

Наряду с этим мы располагаем сведениями и о других часи на Южном Сахалине: в с. Пугачево (Магунтан) в Макаровском районе, Атласово (Чисйя), Чайкино (Уни), Заветы Ильича (Асанай) в Невельском районе и на м. Скалистый (Ха'пута или Дзаннэндзаки) близ пос. Озерский (Нагахама) в Корсаковском районе (по Кимура Синроку)[9] и Ни-го сава часи на берегу оз. Буссе (по Нииока Такехико).[10]

На всех часи в процессе исследований получены археологические находки разных эпох, от неолитической культуры дземон до айнской культуры найдзи и собственно этнографических айнов. Какого-либо противоречия здесь нет. Наоборот. Наличие на часи находок эпохи неолита вполне закономерно. Все это свидетельствует о том, что древний человек селился в этих местах еще задолго до прихода сюда айнов.

Особый интерес в этой связи представляет крепость Магунтан (ныне Пугачево) в Макаровском районе (Рис. 2).

По своему строению она однотипна с Сирануси и отличается от нее лишь размерами. Другими ее отличительными признаками являются: «отсутствие пустого рва вокруг земляного укрепления, наличие четырех квадратных выступов...» Но в то же время обе крепости имеют и общие черты: «форму квадрата, в середине каждой из сторон... ворота».[11]

Об устройстве крепости можно судить по описанию, которое приводит в своей работе Ито Нобуо: «Из рассказа господина Нисидзуру Садаеси, преподавателя женской гимназии г. Одомари, который... был в Магунтане и беседовал с Ямаи (Синичиро — первый японский переселенец, располагавший информацией о земляном укреплении — М. П., В. Г.), я узнал о следующем: земляное укрепление находилось на равнине южного берега реки Магунтан, впереди здания... Магунтанской начальной школы, на расстоянии 50 кэн (90,5 м —М. П., В. Г.) от морского побережья. Укрепление окружено земляным валом: длина каждой стороны 30 кэн (54,3 м), высота 7 сяку (2, 12 м), ширина верхней части вала 5 сяку (1,51 м). 8 каждом углу... укрепления имелся квадратный выступ площадью около 2 кэн (3,6 кв. м)...».[12]

Далее Ито Нобуо сообщает, что «южнее... Магунтанского укрепления на расстоянии 20—30 кэн (36—54 м), было найдено около 50 человеческих останков в рассыпанном виде, оружие, предположительно материкового происхождения, японское оружие, монеты..., бусы Карафуто, но неизвестно, каким образом эти находки связаны с укреплением».[13]

К сожалению, до наших дней крепость не сохранилась. В начале 1920-х годов она была снесена при строительстве поселка.

Крепости китайского типа на Южном Сахалине не являются исключением. Точно такая же крепость была впервые зафиксирована и описана японскими археологами на Северном Сахалине. Так, «доктор» Тории Рюдзо в своей книге «Северо-Восточная Азия с точки зрения антропологии и этнологии» сообщает о том, что на северном Карафуто, в Александровске, имеется прямоугольный земляной замок с параметрами: шириной 180 сяку (54,5 м), длиной 230 сяку (70 м), окруженный земляным валом шириной 30 сяку (9 м), высотой 4—5 сяку (1,2—1,5 м), который похож на замки в Манчжурии и Приморье».[14]

Подобные замки, построенные в эру Юань (1271—1368) и Мин (1368—1644), существовали и на Амуре. Все это указывает на то, что в прошлом... Карафуто не раз попадало под влияние Китая, о чем свидетельствуют китайские источники. Так, например, в истории Юань имеется сообщение о том, что не раз совершались походы на Кокэй или Коцкай» (т. е. на аборигенов Карафуто — М. П., В. Г.).[15]

Исследованная нами айнская крепость-часи (вернее, система оборонительных сооружений) была обнаружена 2 мая 1985 г. отрядом «Поиск» СПТУ № 1 (пос. Новоалеконкровск) под руководством Горобца В. Я. и краеведческим клубом «Абориген» Холмского отделения ВООПИиК (пос. Яблочное) под руководством Горбунова С. В. в 3,5 км к северо-западу от железнодорожной станции Сокол Долинского района на заболоченной низменности, образованной р. Малый Такой (Рис. 3).

До последнего времени никаких исследований на крепости не проводилось.

В ходе разведочных работ, предпринятых нами 21 октября 1990 г., была осуществлена глазомерная и фотографическая съемка местности, выяснена система расположения, кон-

струкции земляных валов-насыпей (искусственный характер их образования не вызывает сомнений) и произведены обмеры. Применялся метод биолокации.

В сводке Кимура Синроку «О часи на Карафуто» за 1933 г. айнские крепости этого типа не описаны.[10] Поэтому хотелось бы в порядке предварительного сообщения рассказать о некоторых результатах разведки, проведенной нами осенью 1990 г.

По классификации японского археолога Абэ Масами, в зависимости от рельефа местности, часи подразделяются на на 4 группы: 1,— на крайней точке мыса (на холме); 2 — на вершине гор; 3 — на берегу реки и 4 — на равнине.[17]

Обследованная в районе бывшего пос. Березка часи (она отстоит от него, примерно, в 0,5 км к востоку) относится к 4-й группе — сооруженных на равнине. Абэ Масами отмечает, что сооружали их в виде земляного вала за счет вырытого грунта и им «нередко сопутствуют вертикальные ямы (котлованы жилищ — М. П., В. Г.)... внутри или снаружи часи».[18] Каких-либо западений или котлованов жилищ ни внутри, ни снаружи часи нам обнаружить не удалось. Но зато в деталях удалось выяснить конструкцию часи.

Площадь, на которой она располагается, составляет около 22.500 кв. м (при диаметре окружности 150 м). Всего обследовано.6 земляных валов-насыпей (7-й — был уничтожен при проведении мелиоративных работ совхозом «Соколовский», по форму, положение ворот и размеры его удалось выяснить с помощью биолокационной рамки).

Большая часть территории выровнена в рельефе со слабой всхолмленностью на отдельных участках. Земляные валы размещаются на границе смешанного елово-лиственничного леса, разряженного кустарниковой растительностью, на сильно заболоченном северо-западном участке Сусунайской долины, обводненность которой в прошлом во много раз превышала нынешний. Поэтому доступ в этот район был крайне затруднен.

На плане земляные валы обозначены под № 1—7 (Рис. 4). С поверхности валы задернованы и имеют с двух сторон ворота, ориентация которых по сторонам света различна.

Так, земляные валы № 1 — 3, 5, 7 круглой формы, № 4, 6 — овальной (причем, 4-й вал сильно поврежден эрозией, особенно его восточный и западный склоны). Высота их равна 1,75 м над уровнем земли.

Первый земляной вал имеет размеры: 26,8x27,6 м. (739,68 м^2). Длина северной части вала составляет 18,4 м, ширина 4 м, южной части соответственно - 17,3 и 6,6 м. Ворота ориентированы с востока на запад. Ширина ворот: первых — 2,1 м, вторых — 2,2 м.

Второй земляной вал располагается в 38 м к востоку от первого и имеет размеры: 24,4x27,6 м (673,44 м^2). Длина северной части вала составляет 17,8 м, ширина 6 м, южной части соответственно — 17,2 и 6,6 м. Ворота ориентированы с северо-запада на юго-восток. Ширина ворот: первых — 1,5 м, вторых — 2,2 м. В 5,6 м севернее вала протекает безымянный ручей, огибая его затем с востока.

Третий земляной вал располагается в 35 км к юго-востоку от второго вала и имеет размеры: 31,2x36,8 м (1.147,16 м^2). Длина северной части вала составляет 18,6 м, ширина 9 м, южной части соответственно — 18,4 и 10,8 м. Ворота ориентированы с северо-запада на юго-восток. Ширина ворот: первых — 1,3 м, вторых — 2,1 м.

Четвертый земляной вал располагается в 28 м к юго-западу от третьего вала. В отличие от первых трех у него эрозией полностью уничтожена северная и южная часть западной стенки вала. Длина ее составляет 17,6 м, ширина 6 м, в то время, как восточная, наиболее сохранившаяся стенка (хотя эрозия частично коснулась и ее), достигает 36,2 м, ширина 7 м. Ворота ориентированы с севера на юг. Ширина ворот: северных — 7,7 м, южных — 6,6 м. Внутренняя, пониженная в рельефе часть вала заполнена водой. Мелиоративный канал, проложенный с восточной стороны вала, не понизил уровень воды. Видимо, это связано с подпиткой почвы влагой из безымянного ручья, протекающего рядом, что способствует заболоченности прилегающей территории.

Пятый земляной вал расположен в 56 км к югу от первого вала. Размеры вала: 29,5x26 м (767 м^2). Длина западной части вала составляет 16 м, ширина 6,5 м, восточной — соответственно 16 и 6 м. Ворота ориентированы с севера на юг. Ширина ворот: северных — 1 м, южных — 2 м.

Шестой земляной вал расположен в 39 м к востоку от пятого. Размеры вала: 35x28 м (980 м^2). Длина северной части вала составляет 16 м, ширина 8 м, южной — соответственно 18 и 5 м. Ворота ориентированы с востока па запад. Ширина ворот: восточных — 2,4 м, западных — 2,9 м. Южная часть вала повреждена эрозией. Внутри вал сильно заболочен.

Седьмой земляной вал располагался в непосредственной близости от шестого вала и впоследствии был уничтожен. На этом месте ныне находится поле совхоза «Соколовский». Вал зафиксирован в секторе, ограниченном с севера и запада системой мелиорации, проложенной здесь в начале 1980-х годов. С помощью биолокационной рамки по информационному энергетическому следу, оставленному на земле, удалось проследить не только общие контуры вала, но и положение ворот. По форме вал оказался круглым (аналогично валам № 1—3, 5) с двумя воротами, ориентированными строго по направлению север—юг.

Общими конструктивными элементами, объединяющими крепости Сирануси (Крильон), Магунтан (Пугачево) и Сокол, является одинаковое устройство ворот, хотя в остальном (по количеству ворот, форме и размерам) они различаются между собой.

На территории часи пока не обнаружено ни одной находки. Однако на бывшем пос. Березка, расположенном вблизи часи, Горобцом В. Я. в 1989 г. был найден каменный топор, что указывает на перспективность поиска в этом районе. О древности земляных валов свидетельствует тот факт, что на третьем, пятом и шестом валах растут деревья вторичного покрова.

Часи представляет собой любопытный пример симметрии: центральный земляной вал (он, кстати, самый мощный) и по два ряда из 3-х валов, как бы опоясывающих его с севера и юга. Такой принцип расположения валов, видимо, был вызван тактическими соображениями. Перед нами не просто земляные валы-насыпи, а фортификационные, рассчитанные на длительную осаду сооружения айнов. Их строительство было обусловлено частыми межплеменными столкновениями различных айнских родов, подтверждением чему служат данные исторической этнографии и письменные источники, а также вторжением на остров других иноплеменных образований, в частности, монголов, завоевавших в конце XIII в. о. Сахалин. Памятники последних сохранились. Подтверждением этому служат описанные нами выше крепости Магунтан, Алсксандровск и Сирануси, известные по японским публикациям как крепости китайского типа. В книге Кондо Дзюдзо «Разделение государственных границ окраин» впервые упоминается предание айнов о создателях крепости Сирануси. Приводим его в изложении Ито Нобуо: «Айны говорят, что это было построено во время нашествия «Рэбунгур», что по-айнски «Рэбун» — море, а «Гур» — группа людей, прибывших из-за моря с Запада... У айнов существуют предания о сражениях с Гур».[19]

К сожалению, в русской и советской этнографической литературе, об этих преданиях айнов ничего не известно. Их надо искать в японских источниках. До последнего времени они были нам недоступны.

В русских дореволюционных источниках, в частности, в «Айнско-русском словаре» Добротворского М. М. содержатся более поздние сведения о войнах, которые вели айны на острове Сахалин. По данным Добротворского М. М., наиболее «памятны айнам по кровопролитию сражения при устье Найбучи между Тарайкинскими (ныне оз. Невское близ г. Поронайска — М. П., В. Г.) айнами и ороками с одной стороны и Найбучинскими айнами и Матсмайскими (т. е. Хоккайдскими — М. П., В. Г.) с другой стороны...».[20]

Исследованные нами крепостные сооружения у пос. Сокол располагаются в непосредственной близости от района, где происходили описываемые события.

Часи, близкие по форме соколовскому комплексу оборонительных сооружений, встречаются на о. Хоккайдо (Япония). Так, в деревне Обафу (район Мипужи) были найдены 3 насыпи серповидной формы со следами рва и 18—19 котлованами жилищ. Наряду с этим на Хоккайдо найдены также часи, имеющие форму неправильного эллипса или круга и в виде дут. Встречаются и другие формы: в виде квадрата, неправильного треугольника и прямоугольника. Коно Цунэкити считает, что такое разнообразие форм часи зависело от местных условий.[1]

Вопрос о времени сооружения часи в Соколе остается открытым. До получения более надежного археологического материала мы можем предварительно датировать ее II тысячелетием н. э.

Такого рода материалы могут дать только археологические раскопки на широких площадях с участием не только советских, но и японских и китайских специалистов, занимающихся проблемами изучения средневековой истории Китая и сопредельных с ним территорий. Сахалин все это время както выпадал из поля зрения ученых. Считалось, что на острове памятников средневековья нет. Но, как показывает анализ археологических источников, японские ученые знали о суще-

ствовании этих памятников с начала 1930-х годов. Первыми, кто начал на них сбор подъемного материала, а затем и археологические раскопки, были Кимура Синроку и Ито Нобуо.

В советский период сахалинские археологи не располагали информацией о нахождении подобных памятников на острове, поэтому исследования в этом направлении не велись. Теперь этот пробел необходимо как можно скорее заполнить.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Коно Цунэкити. Часи, т. е. айнские крепости (выходные данные выясняются); Часи на севере Хоккайдо. — Изд-е Отдела краеведения муниципальной библиотеки г. Наеро. — 1954 (на яп. яз.).

[2] Оба Т., Нииока Т., Оои Х., Кикути Т. О разведочных раскопках сооружений часи близ города Эсаси. — Изд-е Отдела образования г. Эсаси. — 1972. — С. 1—32 (на яп. яз.).

[3] Кимура Синроку. О часи на Карафуто //Сообщение краеведческой лаборатории Кимура. — № 2. — Хонто, 1933 (на яп. яз.).

[4] Ито Нобуо. Земляные укрепления китайского типа на Карафуто //Бунка (Культура). — Т. 3. — № 1. — Изд-е Государственного университета Тоохоку. — 1936, январь. — С. 40 (на яп. яз.).

? Как сообщает Ито Нобуо, в 1934 г. глубина рва составляла 1,5 м.

[6] В нашу задачу не входило описание современного состояния крепости. См. об этом в статье Плотникова Н. В. «Археологические разведки в Невельском районе в 1990 г.», публикующейся в настоящем номере журнала.

[7] Кимура Синроку. О часи на Карафуто. — С. 5; Он же. Новое дополнение о руинах часи //Сообщение краеведческой лаборатории Кимура. — № 4. — Хонто, 1934. — С. 14—15 (на яп. яз.).

[8] Нииока Т., Утагава Х. Археологические памятники на южном Сахалине. — Саппоро, 1990. — С. 119 (на яп. яз.).

[9] Кимура Синроку. О часи на Карафуто. — С. 4, 7—15.

[10] Нииока Т., Утагава Х. Археологические памятники на южном Сахалине. — С. 119.

[11] Ито Нобуо. Земляные укрепления китайского типа на Карафуто. — С. 38.

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] Там же. — С. 45.

[18] Там же. — С. 44.

[16] Кимура Синроку. О часи на Карафуто. — С. 2—15.

[17] Там же. — С. 1—2.

[18] Там же. — С. 2.

[19] Ито Нобуо. Земляные укрепления китайского типа на Карафуто. — С. 40.

[20] Добротворский М. М. Айнско-русский словарь. — Казань, 1875. — С. 33.

[21] Коно Цунэкити. Часи, т. е. айнские крепости.

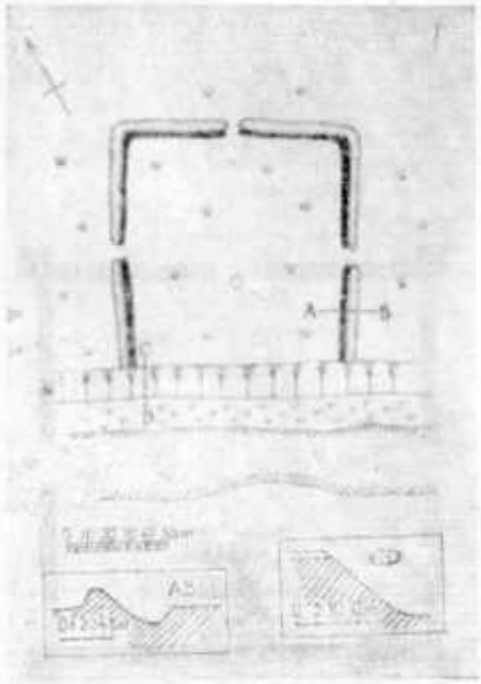


Рис. 1. План земляной крепости (гуй) китайского типа в Сирануси (з 2 км от м. Крильон) на юго-западном побережье о. Сахалин (по съемке Ито Нобуо, 1934).

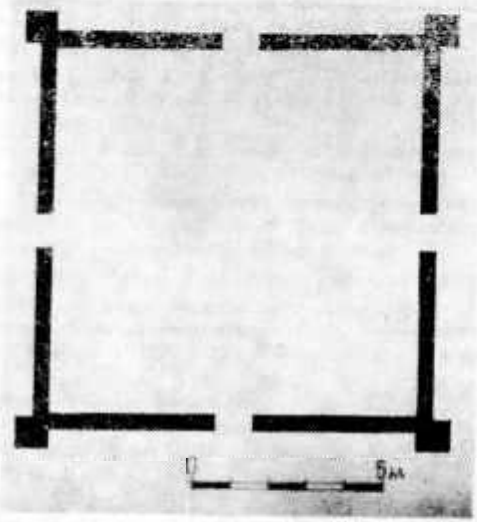


Рис. 2. План земляного укрепления в Магунтане, ранее располагаетегося в устье р. Пугачевка Макаровского р-на на восточном побережье о. Сахалин (реконструкция по Ито Нобуо).

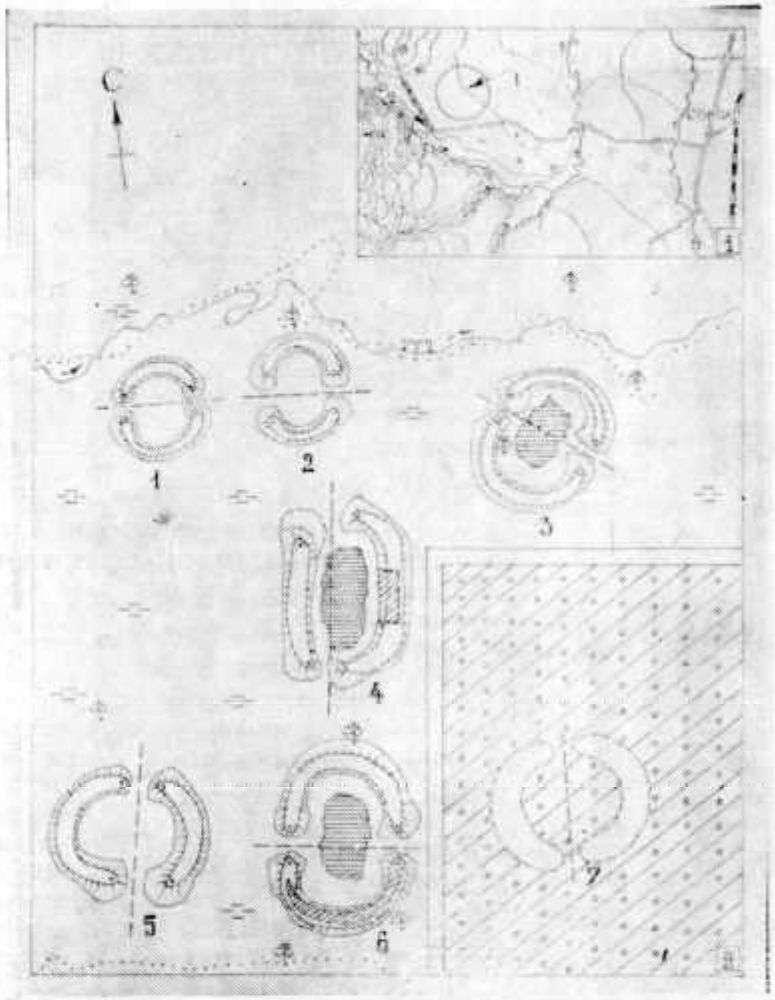


Рис. 3. Система оборонительных сооружений типа часи, обнаруженная в 1985 г. близ пос. Сокол Долинского р-на: 1 — выкопировка из карты (стрелками отм*ечено: 1 — местонахождение часи, 2 — находка каменного топора); 2 — план земляных валов-насыпей № 1—7 (по съемке Прокофьева М. М. и Горобца В. Я.).

Рис. 4. Общий вид земляных валов-насыпей. Вид с северо-востока. Фото Прокофьева М. М.

Ф. И. Пыжьянов

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА НА о. КУНАШИРЕ (полуостров Ловцова) в 1990 году

Кунашир, самый южный из островов Большой Курильской гряды, весьма богат археологическими находками. Многочисленные предметы прошлого встречаются здесь практически на всех приустьевых участках побережья. Часть этих памятников широко известна в научном мире, часть открыта впервые совсем недавно. Новым находкам и посвящена данная статья.

К настоящему времени многие археологические памятники разрушены под воздействием природных и антропогенных процессов. В особенности в плачевном состоянии находятся дюнные стоянки. Ураганные ветры, морской прибой ежегодно передвигают с места на место обширные участки поверхности, в том числе древний культурный слой этих памятников. Дает о себе знать и фактор археологического браконьерства. Пока эти стоянки не исчезли с лица земли, необходимо принять меры по спасению хотя бы того, что можно собрать на поверхности. Эти работы уже проводятся и собрана значительная коллекция археологического инвентаря. Но с 1990 года мы предприняли, кроме того, попытки обследования не изученной ранее территории, дабы нанести на карту острова неизвестные ранее памятники и наметить меры по их охране. Для этого применялись методы пешей разведки и визуальный осмотр с вертолета. В работах принимали активное участие и сотрудники заповедника «Курильский», являющиеся членами краеведческого общества «Фрегат». Разведки проводятся по программе, согласно которой остров должен быть обследован с севера на юг по участкам. Итогом этой работы станет карта археологических памятников Кунашира.

Северная часть острова — полуостров Ловцова — практически не обследовалась археологами. Разведки 1990 года позволили выявить ряд новых стоянок, описываемых ниже (Рис.1).

Стоянка Маячный ручей. Памятник расположен на берегу-ручья, истекающего не небольшого озера на берегу пролива Екатерины с западной стороны северной оконечности полуострова Ловцова. Стоянка названа по одноименному ру-

чью. Артефакты собраны на поверхности песчаных бугров в 25 метрах от истока ручья, по его левому берегу. Кремневые орудия представлены массивным черешковым ножом листовидной формы, отщепами. Также найдено четыре сланцевых остроконечника-стержня без следов ретуши. Вероятно, они были изготовлены методом скола и, возможно, шлифовки. Назначение их неясно. Поверхность орудий патинирована. Керамика представлена четырьмя тонкостенными фрагментами венчиков, орнаментированных лепными волнообразными полосками и рядами вертикальных гребенчатых наколов. Определение культурной принадлежности памятника проблематично.

Стоянка Ручей Подсобный. Расположена на берегу одноименного ручья на западном побережье полуострова Ловцова. Материал собран на выдувах на поверхности песчаной дюны близ устья ручья. Среди археологического инвентаря — шлифованное тесло, ретушированные отщепы из светлого сланца и кремня, каменный стержень, аналогичный найденным на ручье Маячный, а также многочисленные фрагменты керамики. Керамика типична для курильского варианта охотской культуры. Это плоские донца, а также орнаментированные лепными полосками венчики. В тесте прослеживается песчаная примесь. Интерес представляет также выявленный на стоянке мощный слой костей морского зверя — до 35 см, фиксирующийся в осыпях. Рядом собраны обожженные камни, вероятно, происходящие из очага.

Стоянка Урвитово. Расположена близ бывшего одноименного поселка у ручья, где при обследовании траншей хозяйственного назначения был собран археологический материал. Особый интерес представляют многочисленные фрагменты венчиков и стенок сосудов, орнаментированные характерным для охотской культуры Курильских островов лепным орнаментом в виде «волны», а также резным орнаментом в стиле традиций культуры сацумон. Довольно интересно, что на ряде фрагментов отмечено сочетание типично сацумоновских венчиков с лепным орнаментом. Также найдены плоские донца от трех сосудов. Каменный инвентарь чрезвычайно беден, четких форм орудий не найдено.

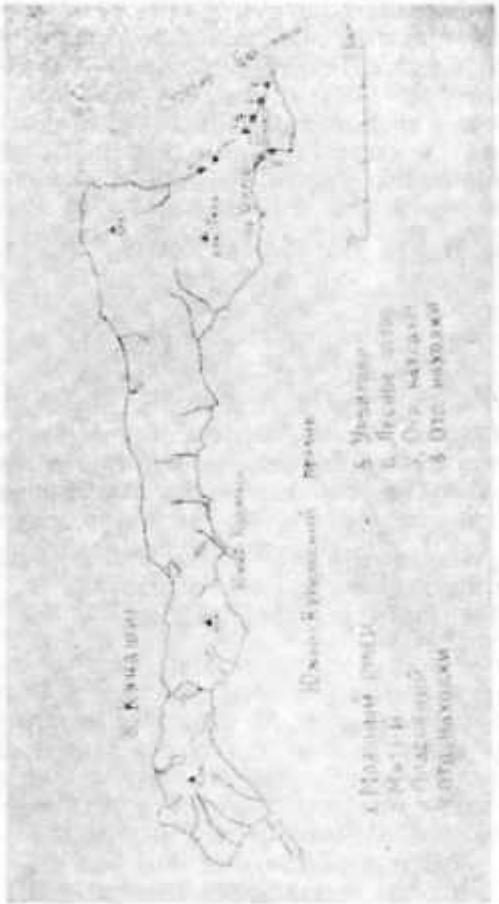
Стоянка Лесное озеро. Стоянка расположена близ одноименного водоема недалеко от ручья Змеиный у берега Охотского моря. Памятник состоит из 11 котлованов жилищ, расположенных в линию на углу шестиметровой террасы (Рис, 2). Место для поселения выбрано очень удачно. С южной стороны терраса обращена к кратерному озеру, которое подпитывается донными теплыми ручьями и вследствие этого зимой полностью не замерзает. Поэтому на зимовку здесь остаются водоплавающие птицы. Близ стоянки протекает чистый ручей — источник питьевой воды.

Шурф, разбитый на стоянке, позволил проследить порядок чередования отложений: дерн, гумус (10 см), пласт рыхлого крупнозернистого шлака вулканического происхождения (45 см), ниже следовал культурный слой — гумусированный коричневый песок — 15 см. В культурном слое встречены угольки, вероятно, происходящие из очага, кладка которого выявлена в нижней части шурфа, и фрагменты плоскодонного сосуда с типичным лепным орнаментом в виде «линии-волны».

Особо хочется выделить два обстоятельства, придающие ценность этому памятнику. Во-первых, памятник сохранился полностью в нетронутом виде. Во-вторых, это своего рода «Помпея» в миниатюре — памятник перекрыт пластом шлака, извергнутого вулканом Тятя. Это впоследствии позволит применить метод тефрохронологии для датировки стоянки.

Кроме того, в полевой сезон 1990 года были проведены поверхностные сборы у озер Длинное и Круглое, а также у водопада в северной части побережья залива Спокойный (Рис. 1).

Таким образом, основным итогом работ стало выявление неизвестных ранее памятников в малоисследованной части острова Кунашир — на полуострове Ловцова.



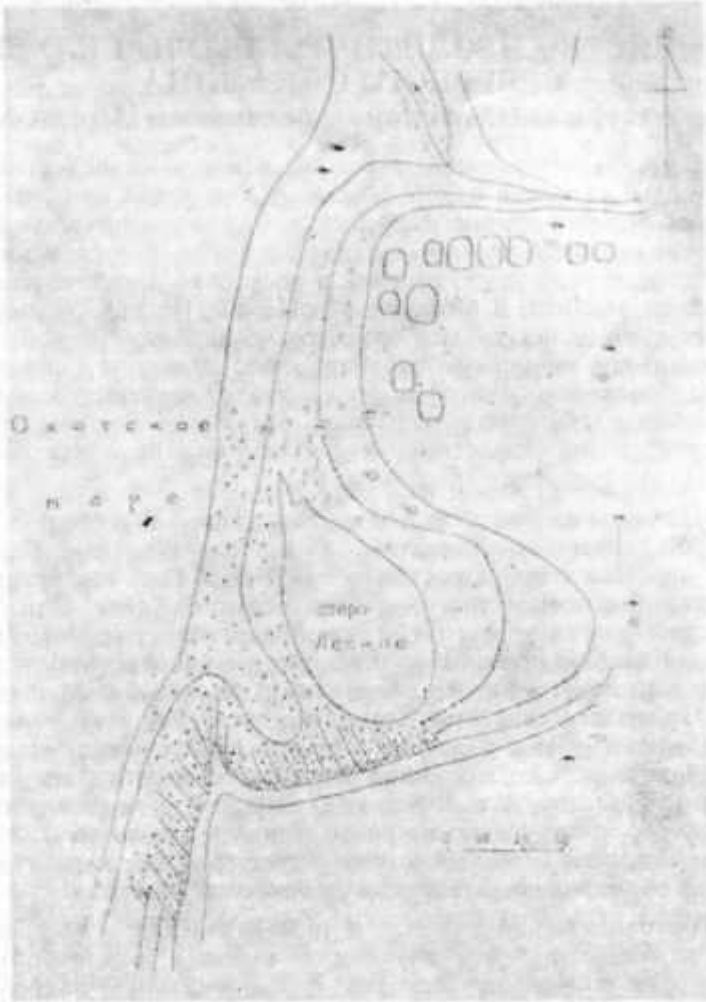


Рис. 2. План поселения Лесное озеро на о. Кунашире.

Н. А. Кононенко, О. А. Шубина

ХОЗЯЙСТВО НЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО САХАЛИНА (по материалам раскопок поселения Имчин XII)

Изучение хозяйственно-бытового аспекта жизнедеятельности людей является одной из важнейших задач при реконструкции истории древнего общества. Археологическое обследование северной части о. Сахалин в 1970—80-е годы выявило большое количество стоянок и поселений древнего человека эпохи неолита. В бассейне рек Имчин, Ноглики, Тымь локализована целая группа археологических памятников, объединяемых в имчинскую неолитическую культуру. Собранные в ходе раскопок некоторых поселений материалы позволяют довольно полно охарактеризовать отдельные стороны хозяйственной и производственной деятельности их обитателей в III—II тысячелетиях до новой эры.

Наиболее информативным в этом плане является пос. Имчин XII, которое было полностью изучено в ходе стационарных археологических раскопок 1981 — 1984 гг. экспедицией Сахалинского областного краеведческого музея. Памятник интересен, прежде всего, тем, что представляет собой обособленный топографически, практически не поврежденный древними или современными перекопами, однослойный, целостный археологический комплекс. Исследование всей площади поселения (662 кв. м) единым раскопом, охватившим восемь котлованов жилищ и межжилищное пространство, позволило получить массовую коллекцию каменного и керамического инвентаря, которую можно рассматривать как чистый, не смешанный, одновременный комплекс материалов, характеризующих образ жизни и занятия древних поселенцев.

Трасологический анализ* и типологическая классификация каменных изделий[1] позволили выявить разнообразные категории орудий, отражающие функциональную направленность жизнедеятельности поселения. Одна из особенностей памятника заключается в том, что его культурный слой насыщен Находками — прежде всего, отходами производства и продуктами техники расщепления — всего около 16200 предметов из камня. В основном это — различного рода отщепы и сколы — 15415 экз. (95 %. всех изделий из камня), нуклевидные обломки, преформы. На фоне общего количества находок очень мал процент орудий устойчивых форм — 1,5% (243 экз.), заготовок — 0,8% (132 экз.) и нуклеусов — 0,4% (61 экз.). Между тем орудия самого разнообразного назначения составляют около 10,5% всех находок (1699 экз.), причем большинство из них — 1263 экз. (74,3 проц.) выявлены трасологически на отщепах и сколах без специальной обработки. В целом, 8,2% всех отщепов (1263 экз. из 15415) являются орудиями.

Функционально-трасологический анализ каменных орудий выявил основные направления трудовой деятельности, связанные с добычей пищи и переработкой продуктов промысла с одной стороны, и процесс производства или домашние промыслы — с другой.

Из всех сфер хозяйственной деятельности наиболее полное отражение в археологическом материале находит такая отрасль, как охота, с которой оказалось связано более 26% всех орудий (443 экз.). В их число входят наконечники стрел, дротиков, копий, ножи. Удельный вес метательных орудий сравнительно мал (чуть более 4%) и представлены они в основном наконечниками стрел (43 экз.) и дротиков (26 экз.) и единичными наконечниками копий (3 экз.). Малое количество метательных орудий из камня, вероятно, возмещалось костяными изделиями, не сохранившимися в слое. Можно предполагать наличие костяных наконечников с прорезью для каменного копьеца. С этим типом метательных орудий могли быть связаны мелкие тонкие наконечники стрел удлиненно-треугольной формы с выемкой в основании, с симметричными, асимметричными шипами или с округлым основанием. Вероятность существования подобных составных орудий подтверждается находками игловидных простых и с бородкой костяных наконечников с прорезью для копьеца в совокупности с серией удлиненно-треугольных, с выемкой в основании каменных наконечников стрел небольших размеров в пещере Чертовы Ворота в Приморье.[2] Помимо использования таких орудий как лук со стрелами, дротик, копье, применялись, вероятно, и другие способы охоты, зафиксированные по этнографическим источником у народов Дальнего Востока и Сахалина.

* Трасологический анализ всей коллекции каменного инвентаря, позволяющий по следам сработанности на поверхностях орудий восстановить производственные процессы и виды хозяйственной деятельности, произведен научным сотрудником ИИАЭ АН СССР, к. и. н. Н. А. Кононенко.

Это могли быть разнообразные приспособления из дерева и растительных волокон: петли, ловушки, капканы, силки, самострелы.[3] Объектом охоты могли быть северный олень, кабарга, лисица, заяц, соболь, мелкие пушные животные. О знакомстве древних обитателей поселения с таким зверем, как медведь, а, возможно, об охоте на него и о ритуальных обрядах, связанных с медведем, свидетельствует находка в одном из жилищ небольшой (2,5х3 см) фигурки из красного кремня, выполненной на аморфном отщепе посредством тщательной односторонней обработки ретушью, живо напоминающей растянутую для просушки шкуру медведя[4] (Рис. 1). Почитание медведя в качестве одного из главных «хозяев» природы — хозяина гор, тайги, отмечалось исследователями у ряда народов Сибири и Дальнего Востока, в том числе и у нивхов острова Сахалин,[5] и можно предполагать, что обычай этот уходит своими корнями в неолитическую эпоху. В то же время медведь был и важным промысловым объектом у большинства народов Сибири и Дальнего Востока со времен палеолита вплоть до конца XIX—начала XX века.

Важным подтверждением большого значения охоты в жизни обитателей поселения является многочисленная категория ножей, предназначенных для разделки и освежевания туш добытых животных (371 экз. почти 22 %). Вспарывание и снятие шкур, резание мяса осуществлялось с помощью не только типологически выдержанных, двусторонне обработанных изделий (их насчитывается всего лишь 45 экз.). Для этих целей широко использовались отщепы и сколы с острой режущей кромкой, на которых отчетливо прослеживаются характерные следы изнашивания при работе по мягкому материалу (мясу). Ножи на отщепах и сколах, выделенные трасологически, в целом составляют около 88% всех ножей (326 экз.). Следует отметить отсутствие типологического разнообразия ножей устойчивых форм на фоне большого количества изделий на отщепах случайных очертаний. Последние, вероятно, носили характер одноразового использования — для подрезания мездры, вспарывания, отделения мякоти от костей и т. п. (Рис. 3). Двусторонне ретушированные изделия устойчивой формы с тщательно обработанным рабочим краем следует рассматривать, очевидно, как орудия длительного использования. Можно предположить наличие режущих орудий составного типа — с деревянной или костяной оправой п вкладышевым каменным лезвием. Имеются 9 экземпляров ярко выраженных вкладышевых лезвий подпрямоугОльной формы, а также серии ножей асимметрично-треугольных и овальных очертаний, удобных для использования в оправе. Самостоятельно использовались ножи удлиненных асимметрично-лиоОБИДНЫХ очертаний с выделенной рукояткой. Орудий, прямо указывающих на занятия рыболовством (крючков, гарпунов, грузил) на поселении не обнаружено.

Однако в коллекции присутствует небольшая серия ножей (7 экз.) со следами износа по мягкому материалу, морфологические особенности которых дают основание связывать их с разделкой и потрошением рыбы. Концы их заострены и загнуты вверх. Аналогичная форма лезвия характерна для «рыбных» ножей сахалинских нивхов.[6] Возможно, для этих же целей использовались ножи на остроугольных отщепах без специального оформления ретушью. (Рис. 2, 1—3). Топография памятника, богатые рыбные ресурсы сахалинских рек, в т. ч. протекающих рядом Тыми и Имчина, были благоприятны для занятия рыболовством. Уровень развития экономики имчинской неолитической культуры, безусловно, предполагал комплексное использование природных ресурсов, обеспечивающих жизнедеятельность общества. Этнографические данные свидетельствуют о широком применении жителями богатых рыбой районов (Сахалина, Приамурья, Приморья) таких видов орудий рыбного промысла из дерева и растительных волокон, которые не могли сохраниться в слое: ловушки, заездки, сети и т п.[7] А такое специфическое для дальневосточных рек явление, как массовый ход на нерест лососевых (горбуши, кеты и др.) позволяло в этот период обходиться вообще без специальных орудий: бить рыбу палкой, вынимать сачком или сетью и даже просто руками. В литературе описан способ покола рыбы острогой у многих народов Дальнего Востока, в том числе у нивхов.[8] В качестве наконечника остроги могли служить мелкие каменные острия — возможно, наконечники удлиненно-треугольных очертаний с асимметричными шипами. О значении рыбы в жизни неолитических обитателей поселения Имчин XII может свидетельствовать находка скульптурного изображения рыбы, вероятно, породы лососевых, изготовленного из красного кремня путем тщательной двусторонней обработки мелкими сколами. «Голова» фигурки обломана, длина сохранившейся части 3,3 см (Рис. 2, 4).

В орудийном наборе не получает веских фактических доказательств и такая отрасль хозяйства, безусловно имевшая место, как собирательство. Встречен лишь один пест, изношенность которого свидетельствует о дроблении мягкого материала, скорее всего — продуктов собирательства. Это могли быть орехи кедрового стланика, широко распространенного на северном Сахалине.

Окружающая поселение марь (заболоченный участок долины рек Тымь и Имчин), береговые террасы и в настоящее время богаты ягодами — голубикой, морошкой, шикшей, брусникой, рябиной, которые, судя по этнографическим данным, занимали довольно большое место в рационе питания населения этих мест.

Интересна находка каменной мотыги, вторично использованной в качестве отбойника. Следы изношенности свидетельствуют о работе по плотному грунту — возможно^ею выкапывали клубни съедобных растений (например, сараны). Она могла использоваться также в процессе рытья котлованов для жилищ, хозяйственных и столбовых ям и т. п. Для этих же целей могли использоваться и роговые либо костяные орудия, не сохранившиеся в слое.

В целом же экономика имчинской неолитической культуры, судя по материалам поселения Имчин XII, имела ярко выраженный присваивающий характер.

Важное место в экономической жизни древнего поселка занимали домашние промыслы, с которыми оказалось связано почти 74% всех орудий (1256 экз.). Большая часть из них была занята в обработке твердого органического материала — рога, кости, дерева (более 32%). Значительное количество орудий (около 29%) использовалось в обработке шкур животных и выделке одежды, предметов быта. Почти 13% инструментов было связано с производством орудий труда.

Изготовление орудий труда было одной из важнейших сфер деятельности обитателей поселения. Об этом свидетельствует тот факт, что археологическая коллекция включает практически все категории артефактов, отражающие различные стадии производственных операций по обработке камня и изготовлению средств производства и позволяет заключить, что весь цикл обработки камня осуществлялся в пределах поселения. Здесь имеются кремневые гальки-заготовки, преформы, отходы производственного процесса включают первичные и вторичные сколы, отщеиы разнообразной формы, различных широтно-высотных пропорций от мельчайших чешуйчатых до крупных и даже массивных. Инструментарий, с помощью которого производилось расщепление камня, изготовление ретушированных и шлифованных изделий, насчитывает 219 экземпляров (12,9% всех собранных на поселении орудий) и включает нуклеусы (61 экз.), нуклевидные обломки (132 экз.), отбойники (7 экз.), шлифовальные плиты (9 экз.), точила (6 экз.), а также комбинированные орудия: шлифовальная плитка-отбойник (2 экз.), пест-отбойник-шлифовальная плитка (1 экз.), причем последнее изделие является продуктом вторичного использования обломка тесла. Небольшое количество абразивных инструментов вполне согласуется с небольшим процентом шлифованных орудий на памятнике (25 экз. или 1,5%). Малый процент отбойников (0,4% от всех орудий памятника или 3,2 проц. от группы изделий, связанных с изготовлением орудий) на фоне огромного количества продуктов и отходов расщепления объясняется, вероятно, более широким использованием роговых и костяных отбойников и отжимников. Заслуживает внимания тот факт, что практически отсутствуют орудия, связанные с пилением и сверлением камня. Встречено лишь одно сверло, износ которого указывает на сверление твердых пород. Прием пиления камня имел место, хотя и не был широко распространен. Об этом говорит находка небольшого точильного бруска, изготовленного путем неглубоких (до 0,5 см) надпилов по бокам заготовки, после чего лишняя ее часть была обломана.

О большой роли в хозяйственно-производственной деятельности жителей поселения такого вида природного сырья, как дерево, кость и рог говорит разнообразный набор инструментов. К их числу относятся тесла, долота, стамески, скобели, пилки, сверла, строгальные ножи, резчики и ряд комбинированных орудий — скобели-пилки (13 экз.), скобели-резчики (14 экз.), скобели-сверла (5 экз.), скобели-строгальные ножи (2 экз.), скобель-развертка-пилка (1 экз.). Из всех инструментов, связанных с обработкой кости, рога, дерева, количественно выделяются скобели (56,6% или 311 экз.). По характеру следов изношенности достаточно отчетливо выделяется представительная серия скобелей, использовавшихся для работы по рогу или кости (Рис. 4). Изношенность на скобелях в целом выступает в виде более или менее крутой односторонней краевой ретуши двухъярусного характера. В ряде случаев наблюдается деформация сработанной кромки в виде выемки с ретушью. С функциональной точки зрения интерес представляют изделия с так называемой чередующей-

ся (18 экз.) и противолежащей в противоположных плоскостях (6 экз.) ретушью, составляющих соответственно почти 6% и около 2 проц. от всех скобелей (Рис. 4, 13—16). Данная ретушь возникла в процессе работы и отражает кинематические особенности использованных изделий. В первом случае небольшой участок лезвия использовался до затупления в одном направлении, а затем менялось направление и для скобления употреблялась оставшаяся часть лезвия. Во втором случае после затупления одного лезвия орудие поворачивалось вдоль длинной оси на 180 градусов и использовалось в работе другим лезвием.

Операцией скобления выравнивали поверхность заготовок, проводилось ошкуривание древесины, выскабливались полости в изделиях (например, при изготовлении деревянной посуды), обрабатывались древки стрел, дротиков и копий, рукоятки ножей и т. д. Прорезание пазов для вкладышей, крепление рукояток и другие работы осуществлялись с помощью резчиков (39 экз.), составляющих 7,1% всех орудий, занятых в обработке кости, дерева, рога. Показательно, что резцов устойчивых форм со специальными резцовыми сколами в коллекции не встречено. Большой процент среди орудий, связанных с этой отраслью домашних промыслов, составляют пилки (19,3% или 106 экз.). Часть из них сильно изношена, имеет зазубренную кромку с разношенными фасетками (Рис. 5). Типичная для пилок изношенность выступает в виде двусторонней сравнительно пологой краевой ретуши. Особенности следов сработанности на серии пилок позволяют связывать их с обработкой более твердого, чем дерево, материала — рогом и костью (Рис. 5, 1—8).

В целом, численное преобладание пилок над резчиками и отсутствие классических резцов позволяет сделать вывод о нераспространенности такой операции, как членение твердых материалов резанием. Этот вывод дает основание говорить об отсутствии на поселении такой технической традиции в обработке камня, как оформление орудий посредством резцового окола, и рассматривать эту особенность как культурный признак. Обнаруженные на поселении сверла (29 экз., включая 5 комбинированных орудий типа скобель-сверло) использовались для сверления дерева и кости (рога), исключение составляет лишь одно сверло со следами работы по камню. Такую функциональную направленность подтверждают и находки трех каменных бусин с просверленными отверстиями.

Кроме того, на одном сверле.отмечены следы износа, образующиеся при сверлении керамики. На ряде фрагментов тулова и венчиков керамических сосудов присутствуют просверленные конические отверстия диаметром 5—6 мм.

Комбинированные орудия для обработки кости, дерева, рога сравнительно малочисленны (всего 6,4% от изделий, занятых в этой отрасли). Совмещение в одном орудии функций скобления-пиления, скобления-сверления, скобления-строгания, скобления-резания выводит эти изделия в разряд универсальных, позволяющих при изготовлении предметов и орудий из дерева, кости, рога использовать одно орудие для разных производственных операций.

Количество выявленных на поселении рубящих орудий невелико — всего 23 экземпляра или 4,2% от группы орудий, связанных с домашними промыслами по обработке дерева. Большинство изделий представлено обломками. Выделяются две группы орудий — тесла (15 экз.), изготовленные из кремнистых, базальтовых и сланцевых пород техникой оббивки и шлифовки, по размерам варьирующие от 8 до 15 см и долота или стамески небольших размеров (8 экз.) от 4 до 7,5 см длиной, обработанные, как правило, тщательной шлифовкой. Обращает на себя внимание тот факт, что рабочая часть большей части тесел обломана или повреждена, что свидетельствует об интенсивном характере работы — вероятно, черновой, первичной обработке дерева при рубке и отеске леса, долбления и других операциях, связанных с очисткой участков под жилье, строительством жилищ, хозяйственных сооружений, изготовлением лодок и т. п. С рубкой связан и единственный найденный на поселении топор, выявленный трасологически на истощенном нуклеусе из красного кремня. Его лезвие забито, изношено, рабочий край дополнительно подправлен крупной ударной ретушью. С чистовой обработкой дерева, более тонкой работой связаны миниатюрные стамески и долота, имеющие слабовыпуклое или округлое лезвие с линейными следами, перпендикулярными кромке. Их лезвия, как правило, не имеют существенных повреждений, лишь затуплены или слегка выщерблены, что свидетельствует, скорее всего, об использовании их для изготовления предметов быта, посуды, мелкого производственного инвентаря и т. п

Одна из основных отраслей хозяйства — охота — являлась не только источником питания, но и поставляла сырье для изготовления одежды и других бытовых вещей из шкур и

кожи. Набор орудий, связанных с этой отраслью, включает скребла, скребки, ножи-скребки, скребки-проколки, проколки, лощила. Среди данной группы изделий 86,3% принадлежит скребкам (421 экз.). Характерно,. что среди них орудия устойчивых форм составляют лишь 12,6% (53 экз.). Обращает на себя внимание отсутствие среди скребков типологического и функционального разнообразия: в основном это — изделия концевых форм, меньше — концевых-боковых и нет специализированных боковых, появление которых в индустриях неолитических поселений отмечается как прогрессивный момент в обработке шкур.[10] По характеру оформления рабочего края выделяют орудия высокой и низкой формы, с округлым, слабовыпуклым и скошенным лезвием, обработанным, как правило, односторонней сплошной либо краевой ретушью. Наличие скребков с различным рабочим краем свидетельствует о применении их на разных стадиях выделки шкур. Большинство скребков (368 экз. из 421) выделены трасологически на отщепах и сколах без специального оформления рабочего края. Имеется небольшая серия комбинированных орудий, занятых в изготовлении одежды: ножи-скребки (25 экз.), скребки-проколки (10 экз.), нож-скребок-проколка (1 экз.), скребок-резец (1 экз.), которые имели двойную функцию и позволяли производить ряд «смежных» операций, например, подрезание шкуры и очистка ее от жира и сухожилий и т. п.

Особенностью скребков, выявленных трасологически среди аморфных отщепов, является то, что протяженность сработанной кромки лезвия часто не связана с общими размерами изделий. При крупных размерах отщепа износ, например, у скребков, локализуется на небольших участках протяженностью 1—2 см. Эксперименты по обработке шкур показали, что для подчистки неровностей, более тщательного выскабливания отдельных участков вполне пригодны любые отщепы и сколы с подходящим краем. Изнашиваются подобные изделия быстро и вполне могут быть заменены другими, выбранными из отщепов." Показателем качества в выделке шкур могут, в некоторой мере, служить лощила. Их на поселении найдено всего 3 экземпляра, что в совокупности с малым разнообразием специализированных орудий для выделки шкур может рассматриваться как свидетельство довольно низкого качества обработки кожевенного сырья.

Каменные проколки (24 экз. или 4,9% от орудий, занятых в изготовлении одежды), выделены трасологически преимущественно на мелких остроугольных отщепах. Малое количество находок этой категории орудий объясняется, видимо, с одной стороны тем, что эпизодическое или кратковременное использование остроугольных отщепов в качестве проколок могло не оставить следов каких-либо изменений на рабочем конце, с другой стороны, функции проколок могли выполнять костяные острия и острые необработанные косточки, не сохранившиеся в слое.

Очевидно, одной из важных сторон хозяйственно-бытовой деятельности обитателей поселения было изготовление глиняной посуды. Но в отличие от большинства неолитических памятников Дальнего Востока, гд^керамика является массовым материалом, на поселении Имчин II ее сравнительно немного — всего около 7—8% всех находок. Вместе с тем среди каменного инвентаря стоянки не встречено специализированных орудий керамического производства, таких, как лощила, песты и терочники для дробления минеральных примесей. Отсутствие этих орудий вполне закономерно и подтверждается анализом технологии изготовления керамики: петрографический анализ показал отсутствие в тесте отощающих минеральных примесей, а такие приемы обработки поверхности сосудов, как обмазка и лощение, не использовались.

В целом же малочисленность керамики, однообразие форм и орнаментики сосудов, слабый низкотемпературный обжиг и хрупкий пористый черепок в совокупности с особенностями технологии свидетельствуют о низком уровне развития керамического производства и соответствуют, вероятно, раннему характеру культуры в целом.

Изучение каменного инвентаря — массового материала неолитического поселения Имчин XII — с привлечением трасологического метода позволило, с одной стороны, конкретизировать и углубить представление о хозяйственно-производственной деятельности обитателей стоянки, с другой — объяснить видимое противоречие между массой отщепов и сколов и сравнительно небольшим количеством орудий устойчивых форм.

Анализ инвентаря в совокупности с данными топографии памятника и палеоэкологической обстановкой в регионе позволяет говорить о развитом охотничье-рыболовческом типе хозяйства. Именно с этими отраслями экономики оказалась

связана основная часть устойчивых форм: наконечники стрел, дротиков, копий, разнообразные типы ножей, вкладыши (почти 15% от всех орудий). В сфере домашних производств подобные орудия представлены рубящими инструментами, сверлами и частью скребков, в общей сложности насчитывающих лишь около 6% от всех орудий. Остальная масса орудий, занятых в домашних промыслах, не подвергалась специальному оформлению, что отражает одну из особенностей каменной индустрии поселения. Ведущей отраслью в сфере домашних производств являлась обработка дерева, рога, кости, которая, очевидно, в основном была направлена на изготовление орудий охоты и рыболовства из этого вида сырья, а также предметов быта, средств передвижения, строительство жилищ и подсобных сооружений. Большое значение в жизнедеятельности поселка занимала обработка шкур животных, дававшая возможность обеспечивать коллектив одеждой, обувью и другими жизненно важными бытовыми предметами. Особенностью такой сферы деятельности, как изготовление орудий, являлось то, что направлено оно было в основном на производство ретушированного инструментария, связанного с добычей продуктов питания.

Распределение орудий в соответствии с функциональным назначением по жилищам поселения Имчин XII показывает, что в каждом из них осуществлялись все производственные операции, характеризующие экономику поселения — обработка сырья и изготовление орудий труда, изделий из дерева, кости, рога, обработка продуктов охоты, выделка шкур, шитье одежды, изготовление керамической посуды и т. п. Таким образом, отчетливо прослеживается децентрализация трудовой деятельности, характерная для первобытных коллективов. Многочисленность коллекции археологического инвентаря наряду с мощностью (до 1,5 м) культурного слоя, обширные очаги с однородным заполнением в жилищах углубленного типа с большим количеством ямок от периодически подновлявшихся опорных столбов на полу котлованов свидетельствуют о долговременности поселения, непрерывном характере его функционирования, т. е. относительной оседлости неолитического населения данного региона.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Шубина О. А. Типология каменного инвентаря неолитического поселения Имчин XII на Северном Сахалине. — Южно-Сахалинск, 1986.

[2] Коллекция орудий стоянки Чертовы Ворота. — Фонды сектора первобытной археологии ИИАЭ ДВО АН СССР, г. Владивосток.

[3] Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. — Т. II. — СПб, 1899. — С. 240—243; Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. — Хабаровск, 1933. — С. 334; Миддендорф А. Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири. — СПб, 1869. — Ч. 1. — С. 605—606; Крейнович Е. А. Нивхгу. — М., 1973. — С. 139—143; Таксами Ч. М. Нивхи. — Л., 1967. — С. 120—126.

[4] Шубина О. А. Исследования в Сахалинской области //Археологические открытия 1983 года. — М., 1985. — С. 252.

[5] Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. — Т.Н.; Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. — Л., 1936. — С. 60.

[6] Фонды СОКМ. — Колл. 2789, 2333-1, 2, 93-4 и другие; Орлова Е. П. Ножи гиляков //Археология и этнография Дальнего Востока. — Новосибирск, 1964.

[7] Таксами Ч. М. Основные проблемы этнографии и истории нивхов. — Л., 1975. — С. 16—24.

[3] Там же. — С. 21—22; Василевич Г. М. Эвенки. — Л., 1969. — С. 81—82. •

[9] Лок Г. Д. Нивгу вазмта (Нивхское угощение). — Ноглики, 1984; Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. — Т. II. — С. 128—131; Таксами Ч. М. Основные проблемы этнографии и истории нивхов. — Указ. соч. — С. 45—46; Крейнович Е. А. Указ. соч. — С. 128—137.

[10] Семенов С. А., Коробкова Г. Ф. Технология древнейших производств. — Л., 1983. — С. 136.

[11] Кононенко Н. А. Экспериментальное исследование каменных орудий Приморья //Методы естественных наук в археологическом изучении древних производств на Дальнем Востоке СССР. — Владивосток, ^986. — С. 15—20.

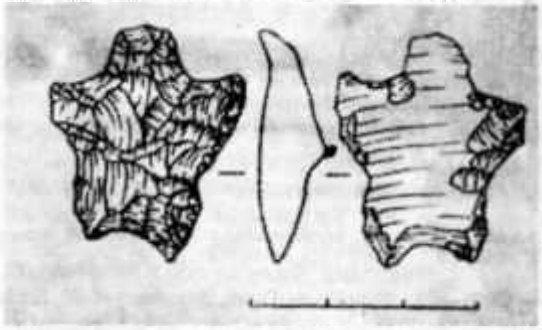


Рис. 1. Стилизованное изображение шкуры медведя на отщепв красного кремня. Пос. Имчин XII.

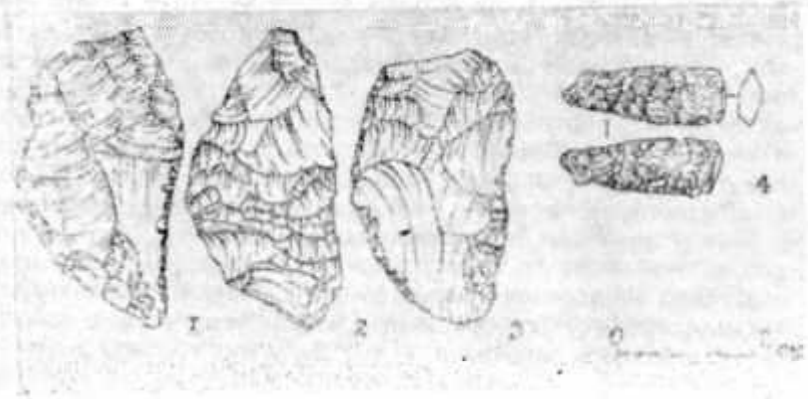


Рис. 2. Ножи на остроугольных отщепах, служившие для разделки рыбы (1—3) и обломок фигурки рыбы из кремня (4), пос. Имчин XII.

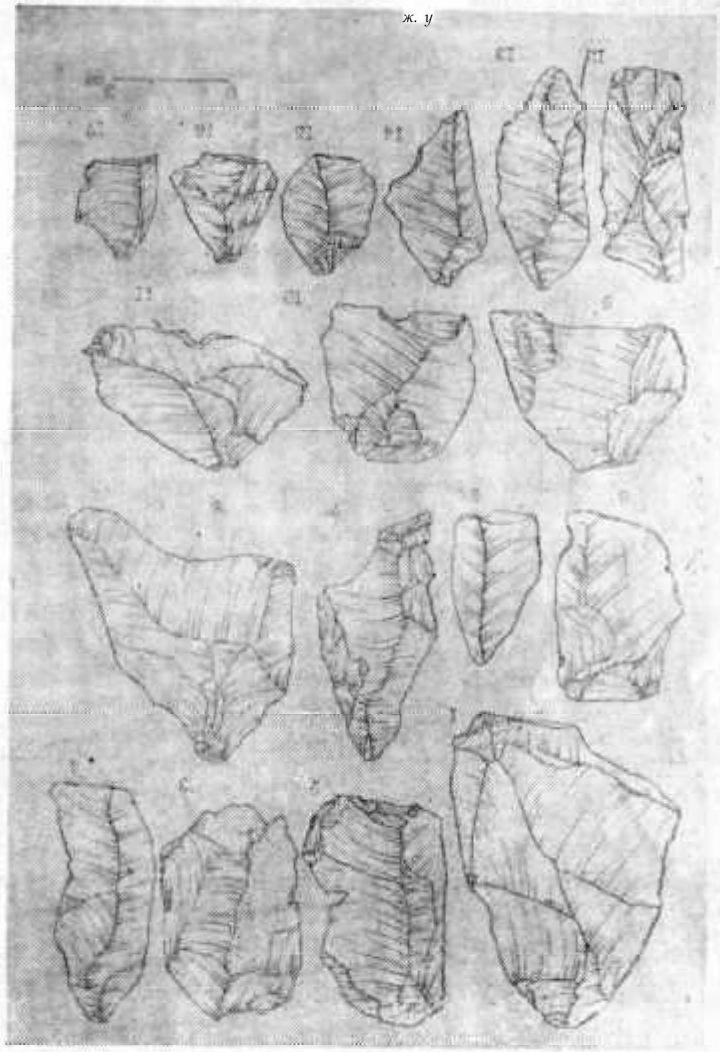


Рис. 3. Ножи на отщепах и сколах, без специальной обработки, выделенные трасологически, пос. Имчин XII.

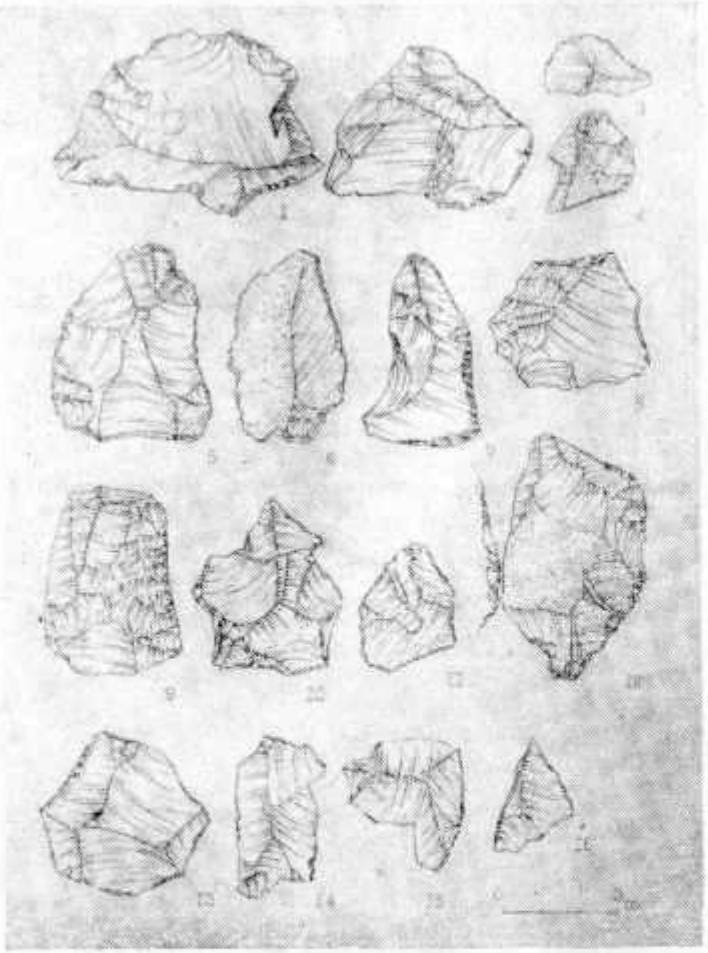


Рис. 4. Скобели на отщепах и сколах, выделенные трасологически: скобели с асимметричной ретушью (9—11), скобель-развертка-пилка (12), скобели с чередующейся ретушью (13—16), пос. Имчин XII.

Рис. 5. Пилки на отщепах и сколах, выделенные трасологически, служившие для обработки кости, рога, пос. Имчин XII.

И. С. Жущиховская

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА С ОРГАНИЧЕСКОЙ ПРИМЕСЬЮ НА ПАМЯТНИКАХ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Археологические исследования последних лет на юге Дальнего Востока позволили выделить в этом регионе керамические комплексы, представляющие глинисто-органический тип состава формовочной массы. Сегодня такие комплексы известны на Сахалине, в Приамурье, Приморье. Причем, наиболее представительны они на территории Сахалина. Археологические сюжеты, связанные с керамикой, содержащей органическую примесь, интересны, в первую очередь, своей новизной, так как эта технологическая традиция древнего гончарства юга Дальнего Востока еще очень мало знакома исследователям. Более распространенным, привычным и хорошо изученным материалом является керамика с минеральным отощителем, типичная для культур неолита — средневековья Приморья, Приамурья, охотской культуры Сахалина.[1]

Остановимся на некоторых результатах исследования керамики с органической примесью, представляющих интерес для археологии Сахалина. На территории острова выделены культуры, керамика которых имеет различный характер органических включений. В южных районах открыты памятники южно-сахалинской неолитической культуры, датируемой V—IV тыс. до н. э.[2] Искусственная примесь в керамике данной культуры носила растительное происхождение. На севере Сахалина, в бассейне р. Тыми, известна имчинская неолитическая культура (конец IV—нач. I тыс. до н. э.), керамика которой содержит примесь моллюска с раковиной.[3]

Глинисто-органический тип формовочных масс имел широкое территориальное распространение в неолитическую эпоху. Возможно, это было обусловлено комплексом факторов технико-технологического и практического характера. Как свидетельствуют данные специальных исследований по древнему гончарству различных районов мира, добавкиорганики в керамическое тесто облегчали процесс формовки, уменьшали воздушную усадку. При общем низком техническом уровне гончарства органический отощитель предпочтительнее, чем минеральный, с точки зрения эффективного обжига

сосудов.[4] Посуда, изготовленная из глины с органической примесью, обладает малым весом, устойчивостью к механическим ударам. Некоторые исследователи полагают, что племена с охотничье-собирательской экономикой и подвижным образом жизни, обычными для многих районов мира в эпоху неолита, вполне сознательно придавали своей посуде именно эти качества, наиболее ценные и предпочтительные для них.[5]

Среди методов изучения керамики с органической примесью следует, прежде всего, назвать бинокулярную микроскопию, позволяющую по негативным отпечаткам органических включений определять их природу.[6] Именно таким путем были установлены основные виды растений, использовавшихся в качестве примеси в керамике южносахалинской неолитической культуры, — осока, хвощ*. Бинокулярное исследование позволило достаточно четко идентифицировать примесь обломков раковины в посуде имчинской культуры. В данном случае оказался полезен также фосфатный анализ керамики. Этот метод, направленный на выявление следов органики животного происхождения, применяется для исследования почв на археологических памятниках.[7] Наш опыт показал, что фосфатный анализ может использоваться и при работе с древней керамикой. Результаты анализа позволили предположить, что примесью в формовочной массе имчинской керамики служила не только раковина, но и сама мускульная мякоть моллюска. Такой состав керамического теста обеспечивал ему дополнительную пластичность, вязкость, повышал рабочие качества.[8]

Технологические признаки имчинской керамики с примесью раковины (моллюска), а также особенности се морфологии и декора были уже охарактеризованы ранее.[9] Сейчас имеет смысл коснуться других аспектов изучения этого материала.

Интересную картину дает поиск в археологических памятниках сопредельных территорий юга Дальнего Востока аналогий имчинской традиции состава формовочной массы керамики. Ближайший регион, где обнаруживается посуда с примесью раковины (моллюска) — Нижний Амур. Здесь на некоторых памятниках, например, поселение на о-ве Сучу — в последние годы выделены неолитические горизонты, содер-

* Определения проведены на кафедре ботаники ЮСГПИ (г. Южно-Сахалинск).

жащие керамику, по технологическим признакам весьма близкую имчинской.[10] Керамический черепок, имеющий, по определению исследователей, примесь пресноводной органики, обладает значительной пористостью и легкостью, обожжен при низких температурах, нелощен. Подобный материал совсем недавно открыт на памятниках Малышево,* Старая Какорма** и Малая Гавань*** и относится его исследователями к неол ити ческому вр см еи **11.**

Нижнеамурскис керамические комплексы связаны с северо-сахалинскими также морфологическими и орнаментальными параллелями. Так, керамика с раковиной из поселений на о-ве Сучу, Старая Какорма характеризуются простыми горшковидными фотдмлмла_^_ризмистым туловом, широким дном, низкой горловиной без шейки, ленточным рельефным утолщением вдоль внешней стороны венчика. Ведущий вид орнаментации — вертикальный зигзаг, нанесенный мелкозубчатым (гребенчатым) штампом. Эти признаки формы и декора являются определяющими и для керамики имчинской культуры Сахалина."

Исследователи и ранее отмечали тот факт, что материалы островных памятников типа Имчин-П, Имчин-ХП (Ноглики) обнаруживают аналогии в неолитических культурах Нижнего Амура.[12] Эти наблюдения позволили предложить гипотезу о материковых корнях имчинской культуры. Результаты работ с керамикой — в частности, исследование ее технологических характеристик — дают дополнительные аргументы в пользу предположения о тесных связях населения материковой части юга Дальнего Востока и Сахалина в неолитическую эпоху.

В последнее время археологические памятники с керамикой, содержащей пр-имееь-моллюска с раковиной, стали известны и на территории Северного Приморья, в долине р.. Большая Уссурка_ (например, поселение Лаулинская, „Скала-2). Материалы, полученные в ходе разведочных работ, свидетельствуют, что эта керамика сочетается с каменным инвентарем неолитического типа.* Коллекции артефактов из этих памятников пока немногочисленны. Керамика представлена несколькими десятками фрагментов, которые позволяют сделать некоторые предположительные заключения о ее форме и декоре. Сосуды, по-видимому, имели горшковидные очертания с низкой горловиной без шейки, пологими плечиками, особенностью оформления венчиков является ленточное утолщение на внешней стороне. Орнаментальные сюжеты представлены, в первую очередь, вертикальным зигзагом, нанесенным мелкозубчатым штампом. Керамический черепок легкий, очень пористый, с шероховатой поверхностью, обожжен при низких температурах. Фосфатный анализ этой керамики показал, что она содержит обильные следы животной органики.

Таким образом, уже сейчас можно очертить зону распространения на юге Дальнего Востока керамики, содержащей примесь моллюска с раковиной и обладающей достаточно выдержанными признаками формы и орнаментации, — Северный Сахалин, Нижний Амур и Северное Приморье. Обращает на себя внимание тот факт, что памятники с керамикой такого типа приурочены к берегам рек, изобилующих различными видами пресноводных моллюсков. Это Амур, Ноглики (бассейн р. Тыми), Большая Уссурка (бассейн р. Уссури). Технологическая традиция использования моллюска в качестве примеси к формовочной массе была, очевидно, непосредственно связана с экологией древних поселений.

По-видимому, перед нами археологические комплексы, определенным образом отражающие процессы расселения первобытных племен юга Дальнего Востока. Если придерживаться гипотезы о миграции неолитического населения из района Нижнего Амура на Сахалин, в бассейн р. Тыми, то можно предположить, что, помимо восточного, имело место и другое — южное — направление движения — в Северное Приморье, в бассейн р. Уссури. Пока остается неясным совсем вопрос о возрастном соотношении сахалинских, приамурских и приморских комплексов с керамикой, содержащей примесь моллюска. Достаточно надежные датировки сегодня имеют только памятники имчинской культуры: основная их серия укладывается в рамки III—II тыс. до н. э. Однако, есть

---

* Информация Л. Н. Мыльниковой.

** Памятник Старая Какорма исследовался Е. М. Лосан. Автор знаком с керамическим материалом памятника, хранящемся в фондах Хабаровского краевого краеведческого музея.

*** Информация А. К. Конопацкого из доклада на V сессии научно-проблемного совета археологов Дальнего Востока (Владивосток, 1991 г.).

* Разведочные работы Н. А. Клюева и Ю. Г. Никитина в Красноармейском районе Приморского края (1988—89 гг.).

отдельные даты, относящиеся к концу IV и началу 1 тыс. до н. э.[13] Комплексы Северного Приморья типа Лаулинская Скала-2 и Нижнего Амура (Сучу, Малышево и др.) не имеют каких-либо абсолютных и относительных датировок. На Нижнем Амуре керамика с примесью пресноводной органики встречаются только на многослойных памятниках в переотложенном состоянии, что осложняет определение места этого материала в стратиграфическом и культурном контексте. По-видимому, пока в установлении ориентировочного возраста нижнеамурских и приморских керамических комплексов мы должны отталкиваться от той серии радиоуглеродных дат, которая получена для памятников имчинской культуры Северного Сахалина.

Насколько согласуются наши материалы с упоминавшейся выше точкой зрения К- Рейда о преимущественном распространении глинисто-органического состава формовочной массы в гончарстве населения, ведущего подвижный образ жизни? Действительно, малый удельный вес посуды и устойчивость к механическим повреждениям вследствие ударов, толчков делают удобным ее использование при перемещении на значительные расстояния. Данные по распространению керамики с примесью моллюска в эпоху неолита на юге Дальнего Востока свидетельствуют о достаточной мобильности носителей этой гончарной традиции. Однако жесткая связь между степенью оседлости (подвижности) населения и особенностям состава формовочной массы керамики пока не прослеживается. По мнению О. А. Шубиной, исследовавшей памятники имчинской культуры Сахалина, оставившие их человеческие коллективы вели оседлый образ жизни, экономически обеспечивавшийся в значительной мере занятиями рыболовством.[14] Об этом свидетельствуют наличие поселков с долговременными жилищами и насыщенным культурным слоем, характер инвентарных комплексов жилищ. Вероятно, не во всех случаях существование традиции глинисто-органического состава формовочной массы может объясняться потребностями хозяйства и быта.

В статье речь шла только об одном из технологических вариантов глинисто-органических формовочных масс неолитической керамики юга Дальнего Востока — с примесью моллюска. Темой особого исследования должна стать также керамика с примесью растительной органики, которая известна на памятниках Южного Сахалина. Этим материалам будет посвящена специальная публикация.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Гребенщиков А. В. Гончарство племен Приамурья в эпоху раннего железного века. — Автореф. дис. к. и. н. — Новосибирск, 1989; Жущиховская И. С, Залищак Б. Л. ' Вопросы изучения сырья и формовочных масс древней керамики юга Дальнего Востока // Древняя керамика Сибири. — Новосибирск, 1990.

[2] Голубев В. А., Жущиховская И. С. Неолитическая культура Южного Сахалина в свете анализа керамических комплексов //Вопросы археологии Дальнего Востока. — Владивосток, 1987; Шубин В. О., Шубина О. А., Горбунов С. В. Неолитическая культура на Южном Сахалине. — Южно-Сахалинск, 1982.

[3] Шубина О. А., Жущиховская И. С. Периодизация имчинской неолитической культуры в свете анализа керамической традиции //Новые материалы по первобытной археологии юга Дальнего Востока. — Владивосток, 1987.

[4] Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы.—М., 1978; Сайко Э. В. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М., 1982; Рейд К., Шиффер М., Скибо Д. Керамика с органическим отощителем: экспериментальное исследование //Американские древности. — 1989. — Вып. 54, — № 1 (на англ. яз.).

[5] Рейд К. Материаловедческий аспект исследования керамики охотников и собирателей //Технология гончарства: идеи и подходы. — Сан Франциско—Лондон. — 1988 (на англ. яз.).

[6] Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы...; Сайко Э. В. Жущиховская И. С. Методы микроскопии в исследовании древней керамики. — Владивосток, 1990.

[7] Микляев А. М., Герасимова Н. Т. Опыт применения метода фосфатного анализа при разведке древних поселений на территории Псковской области //Сов. археология. — 1968. — № 3.

[8] Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы...

[9] Жущиховская И. С, Шубина О. А. Периодизация имчинской неолитической культуры в свете анализа керамической традиции //Новые материалы по первобытной археологии юга Дальнего Востока. — Владивосток, 1987. — С. 7—11.

[10] Мыльникова Л. Н. Гончарные традиции в неолитической керамике поселения Сучу //Технология древних производств Дальнего Востока. — Владивосток, 1988. — С. 11—12.

[11] Жущиховская И. С, Шубина О. А. Периодизация...; Шубина О. А. Каменный век Северного Сахалина (имчинская неолитическая культура). — Автореферат дисс. к. и. н. — Ленинград, 1990. — С. 10—11.

[12] Козырева Р. В. Древний Сахалин. Л., 1967. — С. 100—102.

[13] Шубин В. О., Шубина О. А. Новые радиоуглеродные датировки археологических памятников Сахалинской области. / Древности Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1987. — С. 95—103.

[14] Шубина О. А. Каменный век Северного Сахалина (имчинская неолитическая культура). — Диссертация к. и. н. — Ленинград, 1990.

А. И. Лебединцев

НАКОНЕЧНИКИ ГАРПУНОВ ТОКАРЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (Северное Приохотье, Магаданская область)

В середине II тыс. до н. э. в северной части Охотского побережья появляются стоянки токаревской культуры. Радиоуглеродные датировки свидетельствуют о существовании этой культуры в период 3,5—2 тысячи лет тому назад. Стоянки обнаружены в устьях рек Паланы, Оксы, Ойры, на островах Завьялова, Недоразумения, Спафарьева, Талане, в бухте Токарева и на мысе Ольском (Васильевский Р. С, 1971; Лебединцев А. И., 1990).

По своему облику токаревская культура Охотского побережья является неолитической, однако ее поздний этап (конец I тыс. до и. э.) уже относится к эпохе палеометалла. Железные изделия проникали на Охотское побережье от приамурских и приморских племен. Рукоятки резцов с железными лезвиями были обнаружены на о-вах Завьялова, Спафарьева и на стоянке Ольской. А на о-ве Спафарьева обнаружены орудия из бронзы — обломок шила прямоугольного сечения и бронзовый нож с костяной рукояткой. Использование металла способствовало развитию производства костяных орудий и морского зверобойного промысла.

Население стоянок токаревской культуры с самого начала их появления на Охотском побережье занималось морским промыслом. В ранний период этот вид хозяйственной деятельности являлся, вероятно, сезонным занятием и существовал летом и осенью, т. с. в то время, когда можно добывать морских животных на лежбищах. Для охоты па морских животных использовались обычные орудия, применяющиеся на сухопутных животных — копья и дротики, а также дубинки.

Специализированные орудия морского промысла — гарпуны простейших форм — появляются на Охотском побережье во 2-ой половине I тыс. до и. э. Наконечники гарпунов найдены на стоянках Спафарьева, Недоразумения, Ольская, Окса-I, а также на верхней стоянке о-ва Завьялова. С помощью гарпунов и лодок древние охотники уже могли охотиться на морских животных круглый год. С этого времени население переходит к оседлому образу жизни, свидетельством которого являются крупные поселения на мысе Ольском и о-ве Спафарьева.

Наконечники гарпунов периода токаревской культуры впервые были найдены на о-ве Недоразумения и верхней стоянке о-ва Завьялова. Отсутствие прямых аналогов гарпунам в близких культурах и единичность находок не позволяли в то время делать какие-либо определенные выводы.

На о-ве Недоразумения Р. С. Васильевским были обнаружены два наконечника гарпуна:

1. Наконечник гарпуна поворотного типа с открытым гнездом, заостренным лезвием, двумя симметрично расположенными зубцами и шпорами (Рис. 1, 2). У наконечника в основании были сделаны две пары овальных отверстий для линя, два параллельных желобка для обвязки. Зубцы с двух сторон раздвоены вырезами. Р. С. Васильевским было высказано сомнение по поводу принадлежности этого наконечника комплексу докорякской (токаревской) стоянки, т. к. он был найден не в культурном слое, а в осыпи террасы (1971, с. 38). В .связи с этим, по-видимому, и Н. Н. Диков не включил этот наконечник в сводную таблицу с изделиями о-ва Недоразумения (1979, рис. 98). Такой тип наконечника представлен в материалах стоянок на мысе Ольском и о-ве Спафарьева и датирован радиоуглеродом. Поэтому этот наконечник с о-ва Недоразумения с полной уверенностью можно отнести к токаревской культуре.

2. Односторонне зубчатый наконечник гарпуна с двумя зубцами, одним отверстием для линя и косо срезанным приостренным насадом (Рис. 1, 1). Подобные наконечники были обнаружены на о-ве Спафарьева. Р. С. Васильевский отмечает сходство этого типа наконечника с наконечниками с Южной Аляски в культуре Качемак I (1971, с. 38).

Кроме того, еще два наконечника поворотного типа найдены на о-ве Недоразумения нами в 1982 году и относятся к подъемным сборам:

1. Наконечник гарпуна с открытым гнездом, одним овальным отверстием для линя и одной срезанной под углом шпорой (Рис. 1, 8). В верхней части наконечника имеются два симметричных зубца. Зубцы были раздвоены, но, по-видимому, сломались и были срезаны с одной плоскости. В нижней части сделан желобок для линя. Наконечник орнаментирован резными линиями.

2. Наконечник с открытым гнездом и двумя симметричными зубцами (Рис. 1, 9). Изделие сильно окатано. Нижняя часть обломлена.

Еще несколько наконечников гарпунов имеются в коллекции, собранной А\. Г. Левиным на верхней стоянке о-ва Завьялова, которую можно датировать концом 1 тыс. до н. э.

Наконечник гарпуна поворотного типа имеет открытое гнездо, одну срезанную под углом шпору и боковой зубец (Рис. 1, 3). У наконечника отсутствует отверстие для линя, поэтому его можно считать незаконченным образцом. Есть такой же наконечник с круглым отверстием для линя в середине и желобком для крепления в нижней части (Рис. 1, 4). Других типов поворотных гарпунов в этой коллекции нет. Наконечник поворотного гарпуна, включенный в таблицу изделий с верхней стоянки о-ва Завьялова Н. Н. Диковым, вероятно, ошибочно (1979, рис. 99, 1), обнаружен на древнекорякском поселении, которое располагалось на 11-метровой террасе левого берега бухты Рассвет.

В этой же коллекции имеются три односторонне зубчатых наконечника гарпунов (Васильевский Р. С, 1972, с. 42). Один из них имеет пять боковых зубцов (Рис. 1, 7). По-видимому, зубчатым наконечником гарпуна является еще одно изделие из этой коллекции (Васильевский Р. С, 1971, табл. XI, 3). У него приостренное лезвие с одним боковым зубцом, конец которого обломлен, и косо срезанный приостренный насад. Насад выделяется небольшим уступом, к которому, вероятно, привязывался линь (Рис. 1, 5). Подобное крепление имеется у гарпунов со стоянок Ольская и Спафарьева (Рис. 2, 9; рис. 4, 6). У наконечника на плоской боковой стороне нанесен орнамент резными линиями в виде сетки.

Два наконечника гарпунов были найдены на стоянке Окса II (Лебединцев А. И., с. 33—36). Один наконечник — одиозубчатый, с односторонним утолщением в средней части, приостренным насадом с небольшим уступом в основании (Рис. 1, 6). Другой представлен обломком нижней части с овальным отверстием для линя.

Большие коллекции наконечников гарпунов, поворотных и зубчатых, собраны на стоянках Ольской и Спафарьева, где в древности существовали поселения.

Зубчатые наконечники с поселения на мысе Ольском можно подразделить на несколько типов:

1. Наконечники с симметрично расположенными боковыми зубцами и массивным овальным в сечении уплощенным черешком (Рис. 2, 3—8). У одного наконечника в верхней части имеется прорезь для каменного лезвия, сделанная перпендикулярно плоскости наконечника (Рис. 2, 3). Отверстия

для линя имеют овальную (Рис. 2, 3—5, 8), круглую (Рис. 2, 6) и щелеобразную (Рис. 2, 7) формы. Наконечники имеют раздвоенные концы у зубцов. Некоторые наконечники украшались резными линиями (Рис. 2, 3, 4).

2. Наконечник с симметричными зубцами на довольно тонкой округлого сечения центральной части (Рис. 2, 10). В нижней части обломка имеется овальное отверстие для линя. Такого же типа наконечник с двумя парами симметричных зубцов (Рис. 2, 11). Нижняя пара зубцов имеет раздвоенные концы.

3. Наконечник с приостренным лезвием, одним боковым зубцом, конец которого обломлен, и с косо срезанным приостренным насадом (Рис. 2, 9). В средней части наконечника имеется небольшой уступ, к которому, вероятно, крепился линь. Наконечник орнаментирован резными линиями в виде сетки. Такой же орнамент имеется у подобного наконечника с верхней стоянки о-ва Завьялова, сетчатый орнамент на Ольском наконечнике сделан двойными линиями.

4. Односторонне зубчатые наконечники, которые могли использоваться для добычи рыбы как остроги и в морском промысле в гарпунах (Рис. 2, 1, 2).

Наконечники гарпунов поворотного типа представлены следующими типами на стоянке Ольской:

1. Наконечник с открытым гнездом, приостренным лезвием и двумя шпорами (Рис. 2, 17). По краям гнезда сделаны округлые углубления. По-видимому, это изделие не закончено.

2. Наконечник с сильно заостренным жалом, открытым гнездом и с одной срезанной под углом шпорой (Рис. 2, 18). На противоположной гнезду стороне имеется небольшое круглое углубление — попытка сделать отверстие для линя.

3. Наконечник с открытым гнездом, приостренным лезвием и одной центральной приостренной шпорой (Рис. 2, 20). По краям гнезда были сделаны прорези, а на противоположной гнезду стороне — желобок для линя. Тонкие перемычки у этого наконечника обломаны. В основании наконечника имеются два симметрично расположенных овальных отверстия.

4. Наконечник с открытым гнездом, одной шпорой и овальным отверстием для линя (Рис. 2, 19). В верхней части имеется прорезь для каменного лезвия.

5. Наконечники гарпунов комбинированные с открытым гнездом, двумя симметричными зубцами в верхней части и двумя шпорами (Рис. 2, 12—15). Наконечники имеют различную степень заостренности лезвия и формы зубцов. Отверстия для линя имеют вид узких щелей (Рис. 2, 12, 13, 16), на некоторых наконечниках имеются желобки для крепления (Рис. 2, 13, 16). Симметричные округлые отверстия сделаны также внутри некоторых орудий (Рис. 2, 13—15). Зубцы нескольких наконечников имеют раздвоенные вырезом концы (Рис. 2, 12). Один наконечник имеет только один зубец с одной стороны, другой же зубец был, вероятно, сломан и затем заровнен срезами (Рис. 2, 16). Этот тип комбинированного наконечника представлен одним целым экземпляром (Рис. 2, 13) и несколькими обломанными.

Рассмотрим наконечники гарпунов с о-ва Спафарьева, где количество целых изделий гораздо больше, чем на Ольском поселении.

Зубчатые наконечники о-ва Спафарьева можно разделить на 5 типов:

1. Наконечники с симметрично расположенными боковыми зубцами и массивным уплощенным черешком (Рис. 3; рис. 4, 7—9). Некоторые наконечники имеют прорези для каменного лезвия в верхней части, расположенные перпендикулярно плоскости наконечника (Рис. 3, 2; рис. 4, 9). Отверстия для линя имеют круглую (Рис. 3, 2) и овальную (Рис. 3, 1, 3—5; рис. 4, 7, 8) формы. Зубцы наконечников раздвоены вырезами (Рис. 3, 1, 2, 5; рис. 4, 9). Наконечники орнаментировались резными линиями (Рис. 3; рис. 4, 7, 8), «реснич-ным» (Рис. 3, 1) и точечным (Рис. 4, 7) орнаментами. К этому типу относится также и наконечник, представленный обломком нижней части (Рис. 4, 11). Черешок этого наконечника имеет прямоугольное расширение вокруг овального отверстия и выделен уступами. Выше отверстия для линя сделан декоративный выступ с насечками по ребру. Наконечник (Рис. 4, 9), по-видимому, переделан из поворотного наконечника и является незаконченным экземпляром. В нижней части его имеются остатки сделанного прежде гнезда.

2. Один наконечник небольшого размера с приостренным лезвием и небольшим боковым зубцом имеет уплощенный прямоугольного сечения насад и овальное отверстие в центре для линя (Рис. 4, 10). На противоположной зубцу стороне имеется выступ, который является, возможно, остатком еще одного зубца этого наконечника или же использовался для

крепления линя. В основании наконечника с двух сторон на« несены продольные не совсем ровные линии, сделанные резцом.

3. Наконечники односторонне зубчатые со скошенным насадом и овальным отверстием (Рис. 4, 3—5).

4. Наконечник с одним зубцом, скошенным основанием и выступом в нижней части (Рис. 4, 6). Жало наконечника обломлено. С двух сторон имеются желобки — следы от попытки сделать паз для дополнительного лезвия. Этот наконечник аналогичен наконечникам с верхней стоянки о-ва Завьялова (Рис. 1, 5) и с Ольского поселения (Рис. 2, 9). На плоской стороне, где расположен зубец, нанесен сетчатый орнамент, как и у выше упомянутых наконечников этого типа.

5. Односторонне зубчатые наконечники, применявшиеся в качестве остроги на крупную рыбу и в морском промысле в гарпунах (Рис. 4, 1, 2).

Наконечники поворотного типа представлены двумя основными типами:

1. Наконечник с открытым гнездом, приостренным лезвием и двумя симметричными шпорами в основании (Рис. 5, 7). У наконечника имеются две пары симметрично расположенных отверстий: два верхних — но краям гнезда, два нижних — в нижней части гнезда.

2. Комбинированные зубчато-поворотные наконечники с открытым гнездом, двумя шпорами и двумя симметричными зубцами (Рис. 5, 1—6). Есть также изделия только с одним боковым зубцом (Рис. 5, 8, 9), но это, скорее всего, переделанные после облома одного из зубцов, двузубчатые. Зубцы раздвоены вырезом (Рис. 5, 1—3, 5, 6), есть и без вырезов (Рис. 5, 4) или один зубец с вырезом, другой — без него (Рис. 5, 2). Раздвоенный конец шпоры имеется только у одного наконечника (Рис. 5, 5). Все экземпляры, кроме одного, имеют две пары симметрично расположенных отверстий, как и в предыдущем наконечнике без зубцов: два отверстия по краям гнезда и два — в нижней части гнезда. На противоположной гнезду стороне сделаны два желобка для крепления, соединяющие каждую пару параллельных отверстий. Наконечники орнаментировались резными линиями, пунктирным, точечным и зигзагообразным орнаментом. Один наконечник без отверстий для линя с открытым гнездом, желобком для крепления и двумя шпорами в основании является, вероятно, переделанным из сломанного экземпляра (Рис. 5, 6). Концы

шпор имеют вырезы и прежде в этом месте были, вероятно, отверстия для линя.

Классификации древнекорякских наконечников гарпунов посвящена статья Р. С. Васильевского (1973). наконечников гарпунов охотской культуры — работа М. М. Прокофьева (1986), дрсвнеэским осских гарпунов — исследование С. А. Арутюнова и Д. А. Сергеева (1975). Используя предложенные типологические классификации, предлагаем предварительную общую систематизацию наконечников гарпунов токаревской культуре-

По принципу действия наконечники гарпунов разделяются на две группы: поворотного типа и неповоротные зубчатые.

Зубчатые наконечники гарпунов по конструкции насада разделяются на три группы:

1) наконечники-с широким утолщенным насадом (Рис. 2, 3—8; Рис. 3; Рис. 4, Г—10);

2) наконечники с- косо срезанным приостренным насадом (Рис. 1.1,5; Рис. 2, 9»; Рис. 4, 3—6);

3) стержневидны«е односторонне зубчатые наконечники (Рис. 1, 7; Рис. 2, 1, 2; Рис. 4, 1, 2);

По количеству зубцов и их положению эту группу наконечников гарпунов можно подразделить на симметрично зубчатые (Рис 2 3—6 10, П; Рис. 3, 1, 2, 5), односторонне зубчатые (Рис. 1, 5, 7 'РiК. 2, 1, 2, 9; Рис. 4, 1—6); асимметрично-зубчатые (Рис. 4, 10) -

Все наконечники поворотных гарпунов имеют открытое гнездо. Эта группа наконечников характеризуется основными типами:

1. Наконечники *с* приостренным лезвием и одной косо срезанной шпорой (Рис. 2, 18).

2. Такие же наконечники, но с одной центральной приостренной шпорой (Рис. 2, 20)

3. Такие же наконечники с двумя шпорами в основании (Рис. 2, 17);

4. Комбинированные поворотно-зубчатые иг конечники с одной косо срезанной шпорой и одним (Рис. 1, 3, 4) или двумя зубцами (Рис. 1, В);

5. Такие же наконечники, но с двумя симметричными зубцами и двумя шпорами (Рис. 1, 2; Рис. 2, 13—15; Рис. 5). Это — самый многочисленный тип поворотных наконечников. Их характерной особенностью является наличие двух пар симметрмчных отверстий, расположенных по краям гнезда (верхние) и в нижней части гнезда (нижние), а также раздвоенность зубцов.

Наконечники поворотных гарпунов по наличию двух шпор, открытого гнезда и расположению отверстий для линя близки наконечникам культуры дорсет и охотской культуры. Поворотные наконечники с открытым гнездом и двумя шпорами появляются в палеоэскимосской культуре Индепенденс II Гренландии, датируемой периодом 1250—450 лет до н. э. (Фицхыо В. В., 1984, рис 6, а, Ь). По-видимому, в конце II—начале I тыс. до н. э. этот тип поворотных гарпунов распространяется в арктических районах Америки п Азии, свидетельством чего является находка гарпуна с открытым гнездом на о-ве Врангеля, который имеет сходство с наконечником культуры нортон и Усть-Бельского могильника.

Зубчатые наконечники гарпунов имеют аналоги в культурах Кочемак I (Юго-Западная Аляска), на Алеутских о-вах (Чалука) и в Охотской культуре.

В то же время токаревские наконечники гарпунов имеют определенное своеобразие, заключающееся в наличии двух пар симметричных отверстий для линя, преобладании комбинированных зубчато-поворотных типов и довольно оригинальной орнаментацией.

Появление гарпунного комплекса можно связывать с палеоэскимосскими культурами Аляски. Близкие черты сходства наблюдаются в культурах Алеутских о-вов, арктических районов Канады и в охотской культуре, что объясняется, по-видимому, довольно тесными и глубокими связями древних культур в северной части Тихоокеанского бассейна и в приморских арктических районах.

ПРИМЕЧАНИЯ:

Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). — М., 1975.

Васильевский Р. С, Происхождение и древняя культура коряков, — Новосибирск, 1971.

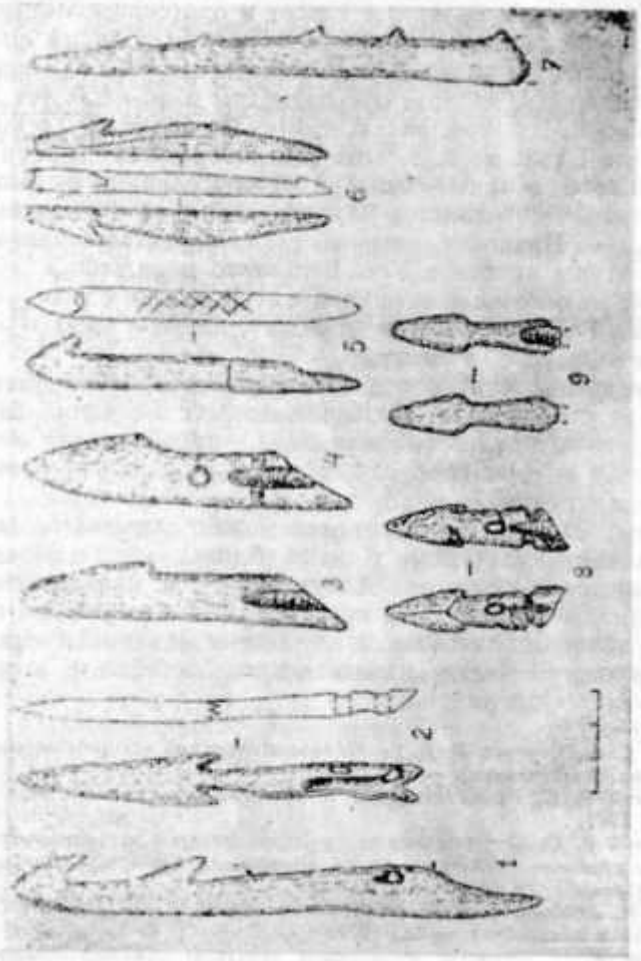
Васильевский Р. С. О типологии и классификации древнекорякских наконечников гарпунов /, Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1973. — С. 97—114.

Диков Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии (Азия на стыке с Америкой в древности). — М., 1979.

Лебединцев А. И. Древние приморские культуры Северо-Западного Приохотья. — Л., 1990.

Прокофьев М. М. К вопросу о типологической классификации костяных наконечников гарпунов охотской культуры (Сахалин, Курильские острова). — Южно-Сахалинск, 1986.

Фицхыо В. В. Палео-эскимосские культуры //Книга о северо-американских индейцах. — Вашингтон, 1984. — Вып. 5. — С. 228—539.



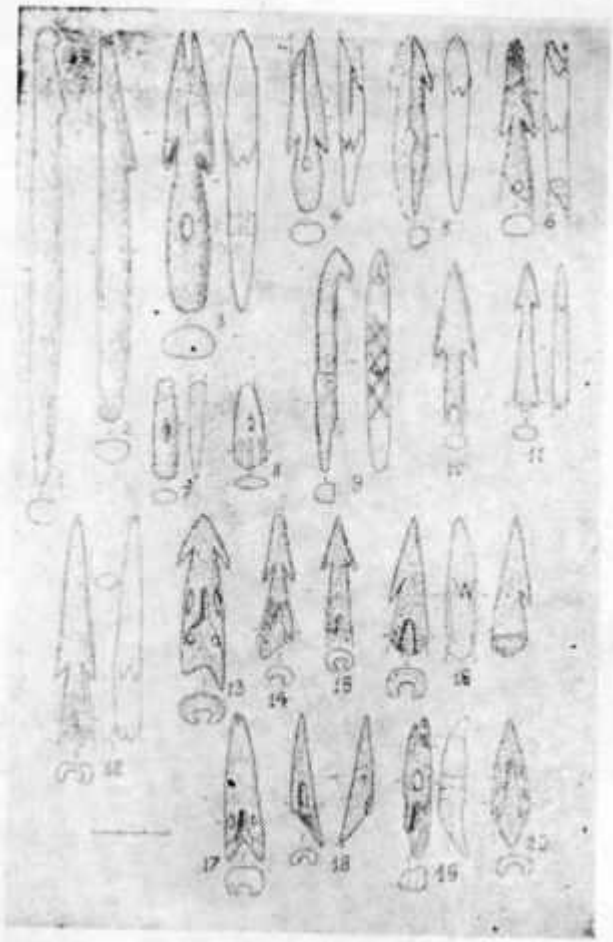
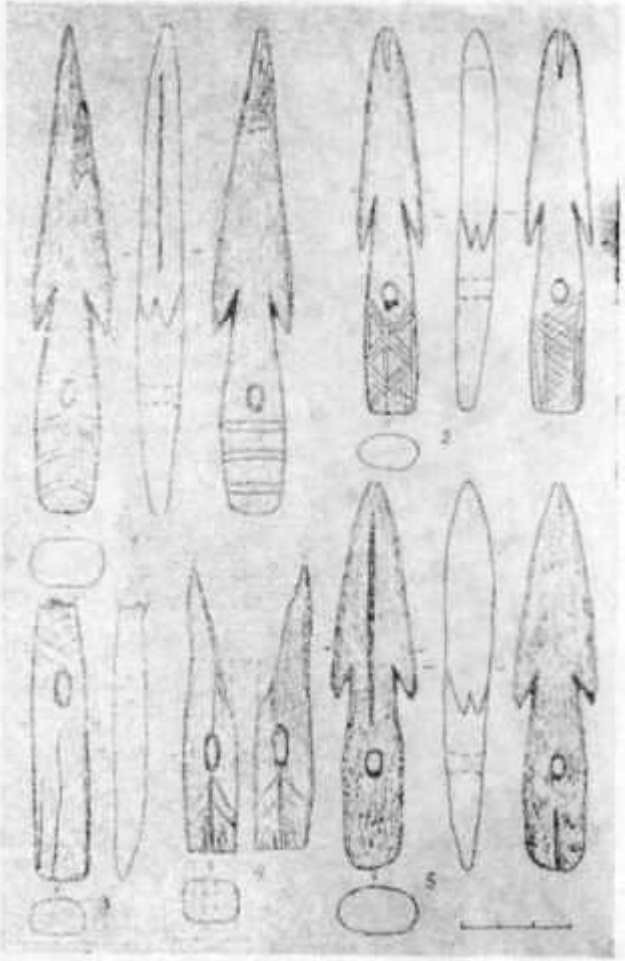


Рис. 2. Зубчатые (1—11) и поворотные (12—20) наконечники гарпунов со стоянки Ольская.



Бис. 3. Зубчатые наконечники гарпунов со стоянки Спафарьева,

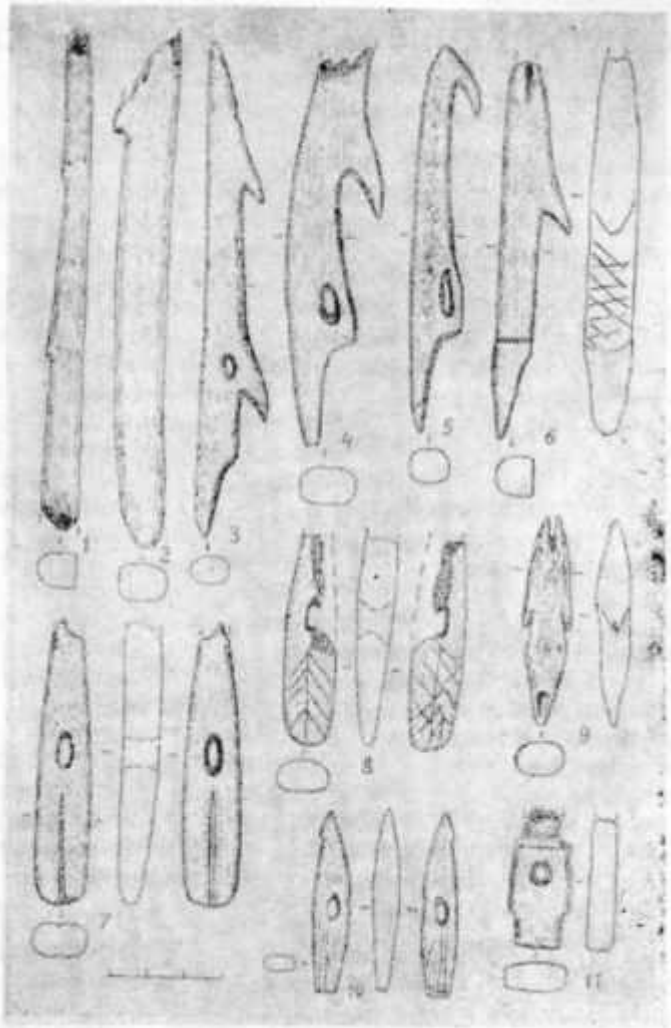


Рис. 4. Зубчатые наконечники гарпунов со стоянки Спафарьева,

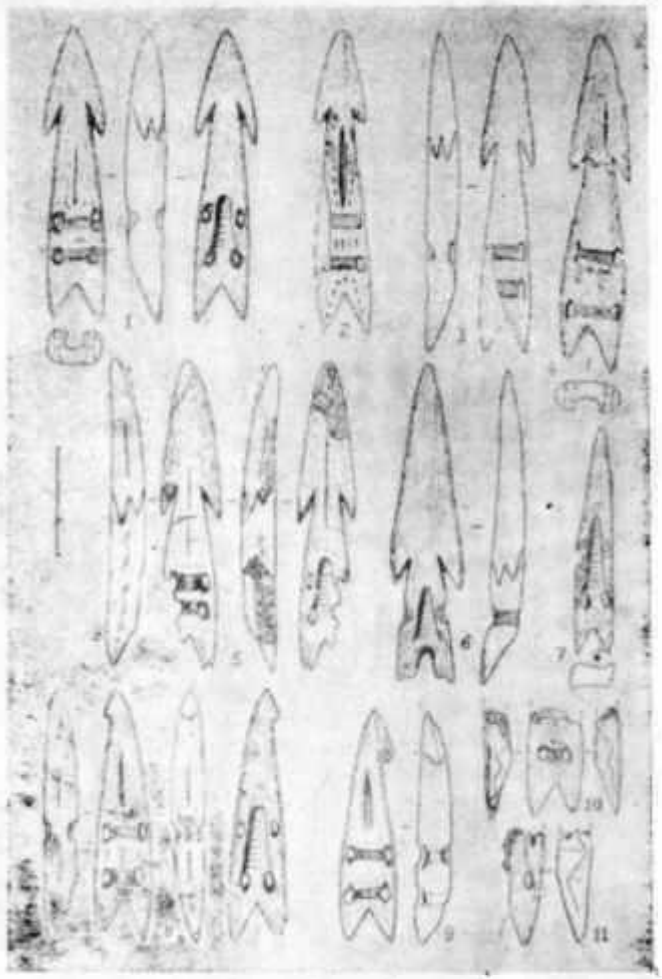


Рис. 5. Поворотные наконечники гарпунов со стоянки Спафарьева,

Я. В. Кузьмин

ГЕОМОРФОЛОГИЯ ДРЕВНИХ ПОСЕЛЕНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ О. ИТУРУП (Курильские острова)

Изучение геоморфологии и палеогеографии древних поселений Дальнего Востока СССР является перспективным направлением исследований на стыке археологии и естественных наук. Необходимость специального освещения геоморфологического положения археологических памятников о. Итуруп объясняется слабой степенью геолого-геоморфологичсской изученности древних поселений этого района. Довольно часто археологи при характеристике рельефа района расположения памятников древних культур достаточно вольно употребляют термины «терраса», «морская терраса», не приводя аргументов в пользу генезиса поверхностей, на которых расположены древние поселения. Можно напомнить, что термины «терраса», «морская терраса» толкуются следующим образом. «Береговые террасы (морские) — комплексы древних береговых форм рельефа, расположенные выше и ниже современного уровня моря... Аккумулятивные береговые террасы — это бывшие пляжи, серии береговых валов, древние аккумулятивные береговые формы».[1] «Террасы — ступенеобразные формы рельефа склонов долин, берегов озер и морей... Аккумулятивная терраса — терраса, сложенная аллювием, морскими, озерными или рзерно-леДниковыми отложениями».[2] «Терраса — выровненная площадка на склоне, обязанная своим происхождением как действию проточной воды, так и волновой работе водоемов... Терраса морская — образующаяся на морском побережье вследствие тектонического поднятия суши или эветатического опускания уровня моря».[3]

Цель данной работы — дать геоморфологическое описание наиболее известных археологических памятников о. Итуруп, расположенных главным образом в его центральной части (Рис. 1). Автором в 1988 и 1990 гг. проводились геоморфологические и палеогеографические исследования ряда древних поселений параллельно с археологическими и этнографическими работами 10. В. Кнорозова (Институт этнографии АН СССР, г. Ленинград) и М. М. Прокофьева (Сахалинский областной краеведческий музей, г. Южно-Сахалинск).

Наибольшую площадь в центральной части о. Итуруп занимают горные вулканические массивы и отдельные стратовулканы (Рис. 1). По их периферии располагаются вулканогенно-денудационно-тсктонические возвышенности, сложенные вулканическими породами и туфогенным материалом. В устьях рек и ручьев развита низкая морская терраса с дюнами на ее поверхности. В целом для о. Итуруп характерно преобладание горного вулканического и вулканогенно-денудационно-тектонического рельефа.[4] Данные о морских террасах и террасовидных поверхностях о. Итуруп суммированы А. П. Кулаковым.[5]

Поселения Касатка, бухта Оля и поселения в районе озера Танковое относятся к неолиту.[6] Поселения Куйбышево I—II, Курильск, Рейдово относятся к охотской культуре.[7] В настоящее время для стоянок о. Итуруп получено около 50 радиоуглеродных датировок.[8] Их рассмотрение не входит в задачи данной работы, и интерпретация датировок будет дана в будущем, при характеристике палеогеографических условий существования древних людей на о. Итуруп.

Поселение Касатка, обследованное Ю. В. Кнорозовым и В. Д. Грищенко в 1987 г., расположено на берегу одноименного залива. Стоянка приурочена к поверхности низкой морской террасы высотой 3—4 метра над уровнем моря (ур. м.); на террасе находятся осложняющие ее поверхность дюны высотой до 2—3 м. Стоянка расположена в пологой ложбине за грядой дюн, отделяющих ее от пляжа (Рис. 2). Пляж сложен песчано-галечным материалом. Под эоловыми отложениями дюн в окрестностях стоянки видны прибрежно-морские отложения, слагающие низкую морскую террасу.

В районе озера Танковое известно несколько древних поселений, к настоящему времени сильно разрушенных (Рис.3). В западной части Куйбышевского залива вблизи устья ручья, обозначенного на карте как ручей Пионер, находится поселение, называемое Малая Куйбышевка. Вблизи протоки, соединяющей озеро Куйбышевское с морем, находятся археологические памятники, называемые Ю. В. Кнорозовым «погребальный уступ», «селение левого берега», «селение правого берега».

В западной части залива Куйбышевского, где расположены описываемые памятники, наблюдается следующая картина строения прибрежной зоны: пляж высотой 1—1,5 м над ур. м.; низкая морская терраса высотой 2,5—3,5 м над ур. м.,

осложненная грядами дюн высотой в среднем 5—6 м, местами до 10—12 м над уровнем террасы. Пляж сложен песками. В котловинах выдувания между дюнами встречается хорошо окатанная галька, являющаяся цоколем для дюн. Дюны сложены хорошо сортированными песками без гальки; в разрезе наблюдается пачка гумусированных песков мощностью 60—80 см, состоящая из одного, реже двух-трех прослоев, перекрытая сверху песками с типично эоловой слоистостью 1,5—2 м. Вероятно, пачка гумусированных песков представляет собой погребенную почву, фиксирующую перерыв в образовании дюн. Археологический материал часто бывает приурочен к этому гумусированному слою.

Поселение Малая Куйбышевка (Рис. 3, 1) расположено на разрушенной дюне вблизи устья ручья Пионер. Культурный слой приурочен к погребенной почве, залегающей под эоловыми отложениями мощностью 1—1,5 м. Поселение почти полностью разрушено, тем не менее в 1988 г. удалось получить образцы на- спорово-пыльцевой и радиоуглеродный анализы.

К востоку от Малой Куйбышевки в аналогичных геоморфологических условиях находился ряд котлованов древних жилищ, в настоящее время полностью разрушенных.

На «погребальном уступе» (Рис. 3, 2), находящемся на западном склоне высокой (до 10—12 м относительно высоты) дюны, обнаружен ряд погребений, вырытых в склоне дюны в виде «штреков» (сообщение Ю. В. Кнорозова). Выше погребенной почвы (Рис. 4) в толще эоловых песков с характерной косой слоистостью погребения не встречаются. К северу от вершины дюны погребенная почва выходит на поверхность (эоловая нашлепка), видимо, уничтожена в результате развеивания). Здесь в непотревоженном состоянии можно обнаружить остатки культурного слоя с артефактами и включениями угля. В 1988 г. из этих остатков удалось собрать образец угля для радиоуглеродного датирования.

На противоположной от погребального уступа стороне высокой дюны (Рис. 3, 3) расположены остатки поселения левого берега протоки. Культурный слой здесь практически не сохранился; на поверхности дефляционной котловины вместе с галькой залегают фрагменты керамики и многочисленные отщепы и орудия неолитического облика.

На правом берегу протоки находятся могильник и селение (Рис. 3, 4). Эоловые отложения с погребенной почвой налегают здесь на цоколь, представляющий собой террасовидную денудационную поверхность, сложенную вулканическими породами. Ближе к протоке видны остатки невысоких (до 3—4 м) дюн, расположенных на низкой морской террасе (Рис. 5). Поселение представлено почти полностью разрушенными углубленными жилищами, вырытыми в склоне дюн. Вероятно, гумутированный прослой погребенной почвы как более прочный использовался предпочтительнее для рытья жилищ. В одном из обнажений, аналогичных но строению погребальному уступу, в слое погребенной почвы удалось отобрать образцы из остатков культурного слоя. Культурный слой поселения правого берега перекрыт эоловыми отложениями мощностью 2—2,5 м с тонким (2—3 см) прослоем пемзо-пепла в основании. Таким образом, можно попытаться увязать возраст поселения и тефрохронологию центральной части о. Итуруп.

Культурного слоя в обычном понимании на поселении правого берега протоки нет; он представлен фрагментами в виде заполнения вырытых на разных уровнях углубленных жилищ (Рис. 6).

Древнее поселение в бухте Оля (Рис. 1, 4) расположено на южной стороне бухты на террасовидной денудационной поверхности высотой 15—16 м над уровнем моря (Рис. 7). Поверхность сложена вулканическими породами с чехлом элювиально-делювиального суглинка мощностью до 1 — 1,5 м. К юго-западу поверхность полого повышается.

Поселение Рейдово I (местонахождение 4, по М. М. Прокофьеву) расположено в тыловой части низкой морской террасы высотой 3—4 м над уровнем моря за грядой дюн высотой до 8—10 м(Рис. 8). На поверхности террасы, сильно заостренной, наблюдаются невысокие дюнные всхолмления. Площадь поселения сильно разрушена застройками и перекопами.

Основная часть древнего поселения Курильск располагалась в тыловой части низкой морской террасы высотой 1,5—2,5 м над ур. м. в приустьевой части р. Курилки на ее правом берегу. Часть поселения располагалась на пологой бровке морской террасы высотой 5—6 м над ур. м.; на поверхности этой террасы на левом берегу р. Курилки отмечаются остатки невысоких (до 1—1,5 м) дюн. Обе террасы (1,5—2,5 м и

5—6 м) сложены мелко- и среднезернистыми песками с включениями окатанной гальки размером до 5—8 см. Прибрежно-морской генезис террас сомнений не вызывает.

Поселение Курильск в настоящее время полностью разрушено в результате застройки территории г. Курпльска.

Поселения Куйбышево I—II (Пионер I—II)* (Рис. 1, 7) расположены на левобережье р. Куйбышевки в ее приустьевой части на поверхности дюн, осложняющих низкую морскую террасу (Рис. 9). Поселение Куйбышево I расположено в тыловой части дюн Куйбышево II — на первой от пляжа дюнной гряде. Культурные слои обоих поселений практически полностью разрушены. На поселении Куйбышево II в 1988 г. удалось обнаружить небольшой участок неповрежденного культурного слоя. Он был приурочен к находящейся на поверхности в результате разрушения поселения погребенной почве, более устойчивой к развеванию и разрушению, чем песчаный материал дюн.

Изучение геоморфологии древних поселений центральной части о. Итуруп позволяет сказать, что большинство их приурочено к поверхности низкой морской террасы и к дюнам, осложняющим поверхность террасы, в приустьевых частях долин рек и крупных ручьев. Тяготение культурных слоев к погребенным почвам внутри дюн говорит о прекращении эоловых процессов во время обитания поселений. В настоящее время эоловые процессы в районах расположения древних поселений развиты ограниченно; дюны покрыты растительностью и большей частью неподвижны. В местах, где поверхность дюн разрушена современной антропогенной деятельностью, наблюдается перевеивание песков, имеющее ограниченную площадь. Разрушение дюн идет в основном путем эрозии склонов, ориентированных вдоль направления преобладающих ветров (например, на погребальном уступе). Быстро разрушаются находящиеся на оголенной песчаной поверхности конусообразные «бугры», являющиеся, по Ю. В. Кнорозову, местом ритуальных праздников. В целом большинство исследованных археологических памятников достаточно сильно разрушено.

Результаты геоморфологических наблюдений на древних поселениях о. Итуруп будут использованы в дальнейшем для палеогеографических реконструкций природной среды древнего человека на Курильских островах.

---

* По данным Ю. В. Кнорозова.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Морская геоморфология (терминологический справочник). — М., 1980. — С. 198.

[2] Четырехязычный энциклопедический словарь терминов по физической географии. — М., 1980. —С. 17, 446.

[3] Геологический словарь. — Т. 2. — М., 1978. — С. 310, 311.

[4] Мелекесцев И.В., Егорова И. А., Лупикина Е. Г. Внутренний хребет Курильской дуги //Камчатка, Курильские и Командорские острова. История развития рельефа Сибири и Дальнего Востока. — М., 1974. — С. 265—326.

[5] Кулаков А. П. Четвертичные береговые линии Охотского и Японского морей. — М., 1973.

[6] Козырева Р. В. Неолитические стоянки на о. Итуруп / Советская археология. — 1960. — № 2. — С. 128—138; Стешенко Т. В., Гладышев С. М. Древние памятники Курильских островов //Исследования по археологии Сахалинской области. — Владивосток, 1977. — С. 21—37; Голубев В. А. Неолит Курильских островов / История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века. — М., 1989. — С. 90—93; Кнорозов Ю. В. Поиски и находки древностей Итурупа //Красный маяк. — — 1983. — 18 августа; Кнорозов Ю. В. Древние селения Итурупа //Красный маяк. — 1988. — 20 октября; Кнорозов Ю. В., Зайцева Г. И., Попов С. Г., Крылов А. П. Радиоуглеродная хронология древних поселений острова Итуруп //Геохронология четвертичного периода. Тезисы докладов Всесоюзного совещания. — Таллин, 1989.

[7] Васильевский Р. С, Голубев В. А., Козырева Р. В., Жущиховская И. С. Сахалин и Курильские острова в 1 тыс. до н. э. — I—II тыс. н. э. / История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века. — М., 1989. — С. 144—151.

[8] Шубин В. О., Шубина О. А. Новые радиоуглеродные датировки по археологическим памятникам Сахалинской области. — Южно-Сахалинск, 1984; Зайцева Г. И., Марков Ю. Н., Кнорозов Ю. В. Абсолютная хронология памятников Курильской гряды //Тезисы докладов Всесоюзного совещания. «Геохронология четвертичного периода». — Таллин, 1985. — С. 87; Кнорозов Ю. В., Зайцева Г. И., Попов С. Г. Указ. соч.; Прокофьев М. М., Березкин Ю. Е., Зайцева Г. И. Новые радиоуглеродные определения абсолютного возраста археологических памятников о. Итуруп (Курильские острова) / Древние культуры Дальнего Востока СССР (Археологический поиск). — Владивосток, 1989. — С. 30—34.

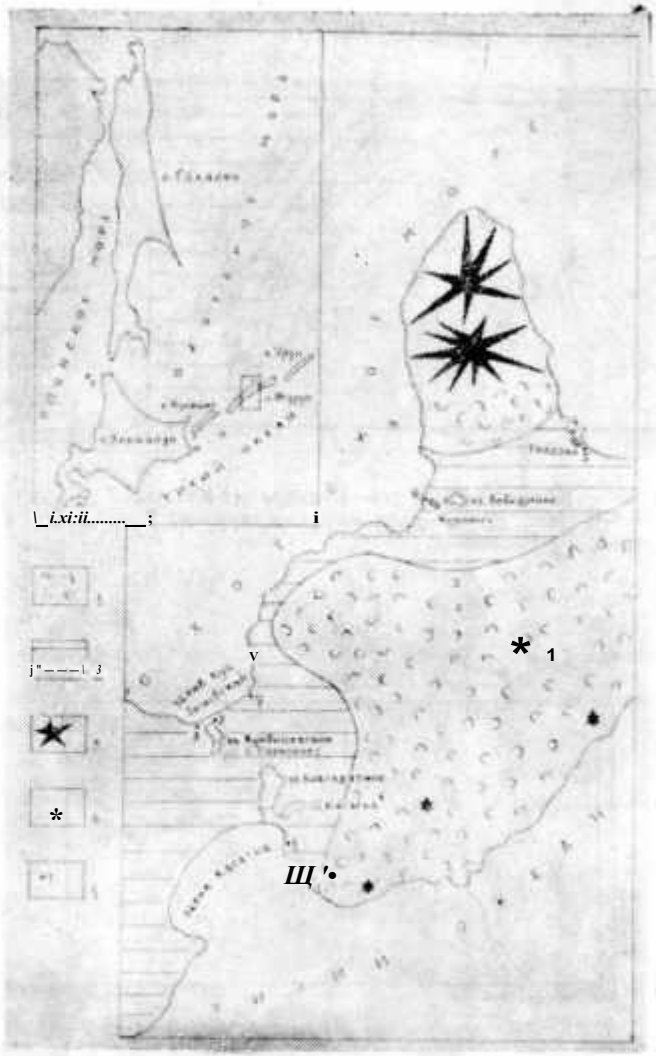


Рис. 1. Схема расположения древних поселений в центральной частк. о. Итурупа (с элементами геоморфологии):
1 — лавовые потоки; 2 — холмисто-волнистые возвышенности; 3 — действующие существующие пирокластические стратовулканы; 4 — действующие вулканы; 5 — древние поселения: 1 — Касатка; 2 — оз. Куйбышевское; 3 — Малая Куйбышевка; 4 — бухта Оля; 5 — Рейдово 1; 6 — Курильск; 7 — Куйбышево I—II. (Пионер I—II).

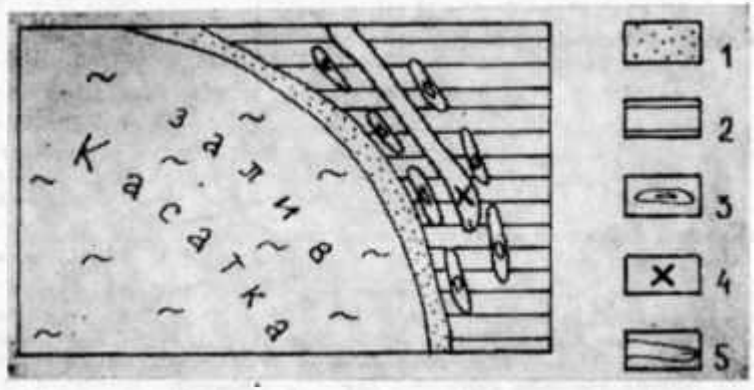


Рис. 2. Геоморфологическая схема поселения Касатка:
1 — пляж; 2 —• низкая морская терраса; 3 — дюны; 4 — стоянка; 5 — ложбина.

Рис. 3. Схема расположения древних поселений в районе оз. Куйбышевское:
1 — Малая Куйбышевка; *2* — «погребальный уступ»; 3 — «селение левого берега протоки»; 4 — «селение правого берега протоки».

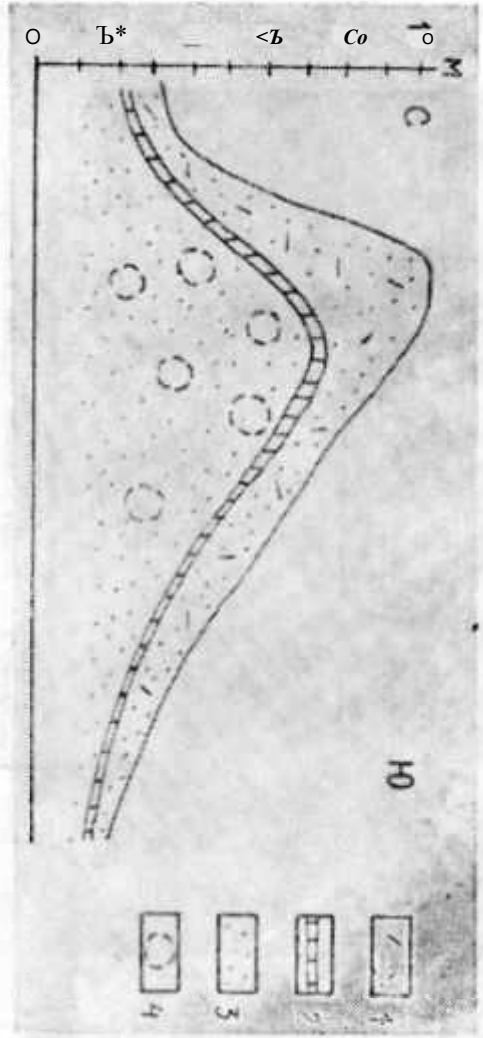


Рис. 4. Строение «погребального уступа»:
1 — современные эоловые отложения; 2 — погребенная почва; 3 — эоловые отложения ниже погребенной почвы; 4 — места погребений.

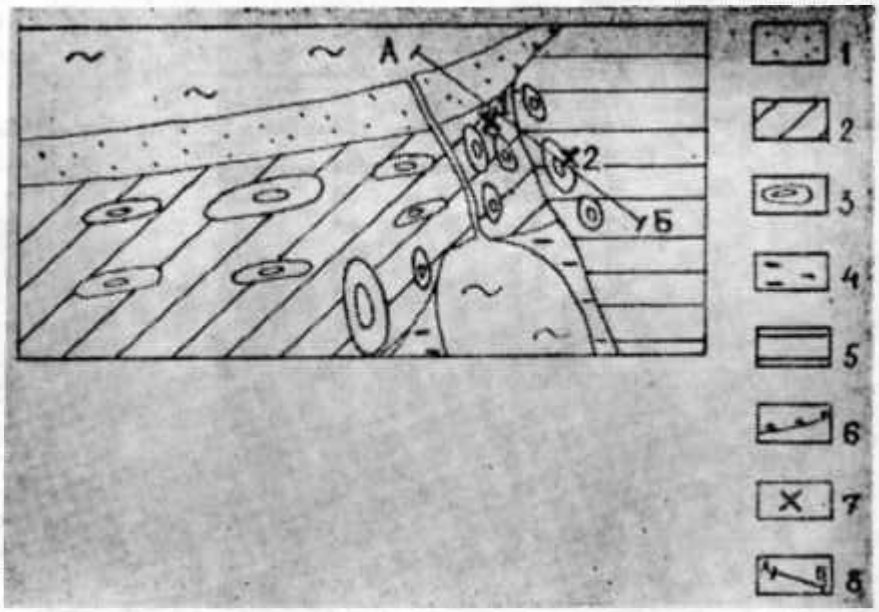


Рис. Схема расположения [illegible]ских памятников на правом берегу протоки оз. Кулешевского:
— пляж; 2 — низкая [illegible]рская терраса; 3 — дюны; 4 — низкая озерно-аллювиальная терраса; — 5 — террасовидная денудационная поверхность; 6 — клинья; — стоянки: 1 — на низкой [illegible]ской терасе; 2 — на террасовидной поверхности; — линия профиля А-Б.

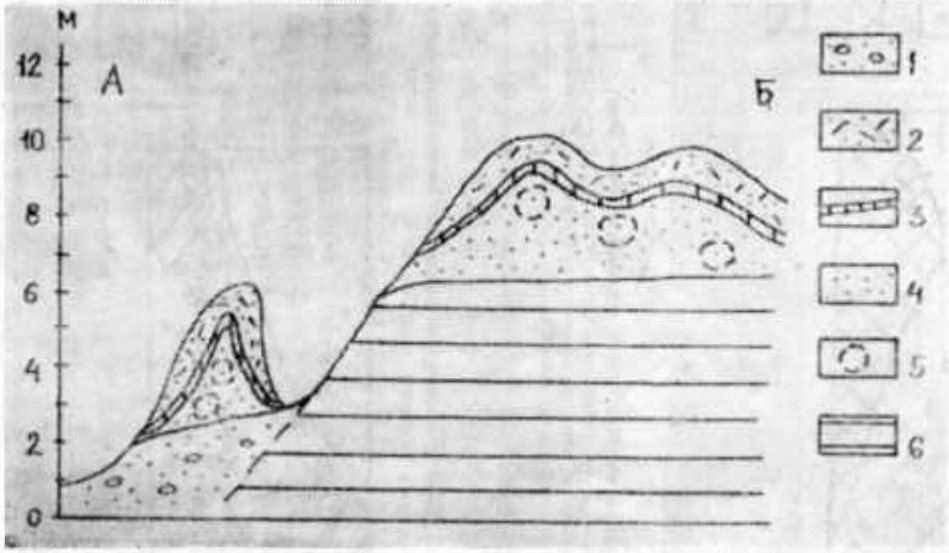


Рис. Профиль по линии А-Б на правом берегу протоки оз. Кулешевское:
1 — пляжные [illegible] морская терраса; 2 — [illegible]ные [illegible]вые отложения; 3 — погребенная почва; 4 — [illegible] — золо[illegible] отложения [illegible] погребенной почвы; 5 — остатки жилищ; 6 — [illegible]ной [illegible]оль.

Рис. 7. Геоморфологическая схема стоянки в бухте Оля:
1 — пляж; 2 — низкая морская терраса; 3 — пойма ручья; 4 — террасовидная денудационная поверхность; 5 — клиф; 6 — стоянки.

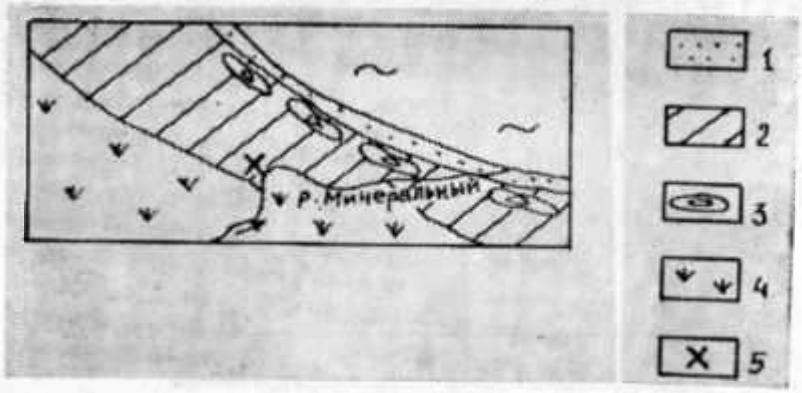


Рис. 8. Геоморфологическая схема поселения Рейдово 1:
1 — пляж; 2 — низкая морская терраса; 3 — дюны; 4 — пойма ручья; 5 — поселение.

I

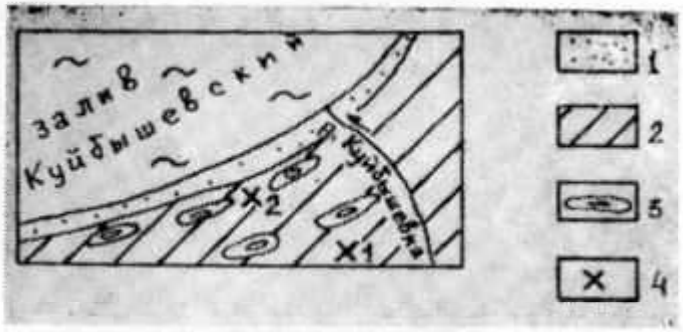


Рис. 9. Геоморфологическая схема поселений Куйбышево I—II:
1 — пляж; 2 — низкая морская терраса; 3 — дюны; 4 — стоянки: 1 — Куйбышево I; 2 — Куйбышево II.

Подписано в печать 24.02.92. Формат 60x84 '/i6- Объем 11,5 п. л.
Тираж 500 экз. Заказ 490.

Невельская городская типография управления печати
и массовой информации Сахоблисполкома